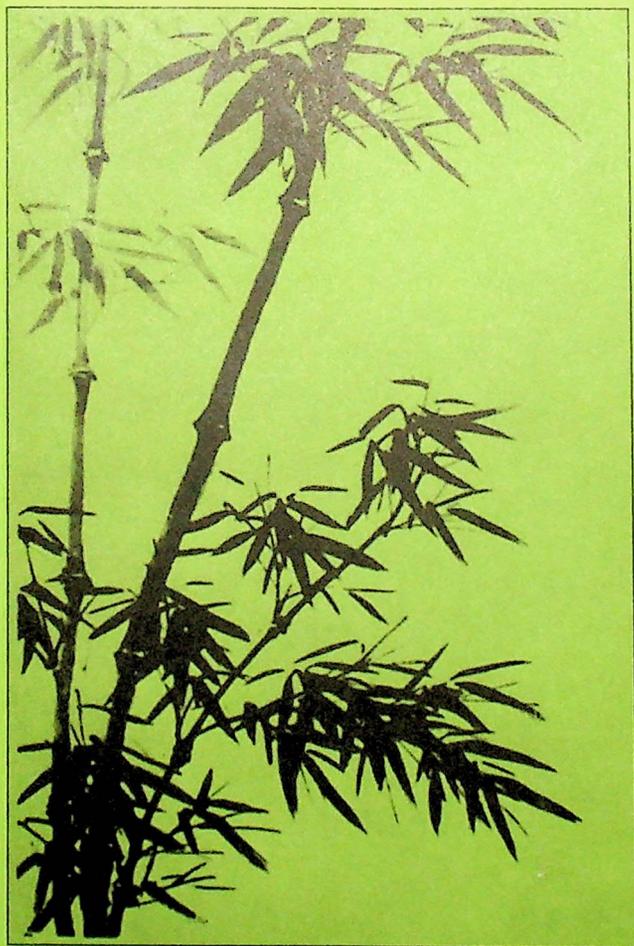

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2004

ISSN 0131-2812

Первый год
нового руководства КНР

•
Новые китайские мигранты
в России

•
Камчатка
на международном рынке

•
Страны Восточной Азии
и "новая экономика"

•
Юбилей академика РАН
М.Л.Титаренко

2004-03

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2004

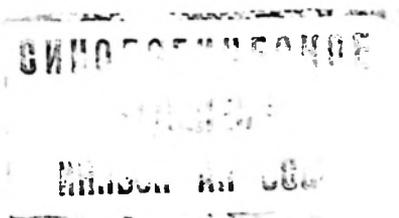
Май - Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы..... 6

ПОЛИТИКА

В.Портяков. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги 39
В.Кашин. Китайский фактор в текущей президентской кампании в США 50
Н.Ахметшин. Уголовное законодательство Китая в XX веке 56
Ю Се Хи. О перспективах реформирования и открытия Северной Кореи..... 68

НАШИ РЕФЕРАТЫ

Сюз Сяньтянь, Луань Цзинхэ. История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничеству 74

2-й этаж

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Р.Моисеев.* Проблемы интеграции экономики Камчатки в международный и дальневосточный рынки.....85
А.Тарасов. Торговые связи Забайкалья с Китаем.....101

ЭКОНОМИКА

- Я.Бергер.* Об энергетической стратегии Китая.....120
В.Михеев. Страны Восточной Азии и степень освоения ими "новой экономики".....138
Е.Митыпов. Восточноазиатская интеграция: опыт из прошлого российско-японской торговли.....148

МЕМУАРЫ

- А.Николаев.* Токийский трибунал 1946 года (из воспоминаний участника процесса).....158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К.Асмолов.* В центре исследований безопасности в АТР, Гонолулу.....165
Корея в поисках мира и процветания.....171

РЕЦЕНЗИИ

- В.Сорокин.* Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В двух томах.....174
Вл. Ф. Ли. Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики.....180
Г.Степанова. Батчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване.....183

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Михаилу Леонтьевичу Титаренко — 70 лет.....185

Главный редактор *А.М. Григорьев*

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Боляtko, О.Н. Бороx, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора) В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

В.Портяков. Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги

В статье анализируются основные этапы формирования, вероятная численность и особенности китайской миграции в современной России, рассматриваются официальная политика руководства РФ по отношению к данному явлению и наиболее типичные подходы к нему в российском научном сообществе — «китаеведческий», «региональный», «демографический», «геополитический».

В.Кашип. Китайский фактор в текущей президентской кампании в США

В статье говорится о том, как взаимные обвинения в предосудительных связях с государственными структурами КНР используются демократами и республиканцами в ходе нынешней предвыборной кампании в США. Анализируя публикации американских СМИ, автор делает вывод, что Китай и Тайвань сохраняют действенные рычаги влияния на внешнюю политику США в АТР.

Н.Ахметшин. Уголовное законодательство Китая в XX веке

В статье детально анализируется процесс развития уголовного законодательства Китая на протяжении XX века. Автор подчеркивает роль многообразных факторов, включая традиционное китайское право и основанное на нем правосознание народа, в формировании указанного процесса.

Ю Се Хи. О перспективах реформирования и открытия Северной Кореи

В статье проводится анализ мер по реформированию экономики, принятых в КНДР летом 2002 г. Большое внимание уделяется тем направлениям преобразований, в которых наиболее наглядно проявляется отход от традиционных канонов системы социалистической плановой экономики и ценообразования. Перечисляется ряд условий, необходимых, по мнению автора, для продвижения начатых реформ.

Сюз Сяньтянь, Луань Цзинхэ. История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

Статья китайских исследователей истории отношений между Китаем и Россией (СССР) посвящена анализу трех союзнических договоров между двумя странами (1896, 1945 и 1950 гг.), а также китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. Китайские историки подчеркивают значение этих документов для развития отношений между КНР и РФ и обеспечения в интересах такого развития благоприятной международной

среды. Их внимание концентрируется на появлении после периода охлаждения нового формата таких отношений — стратегического партнерства.

Большой интерес для читателей представляет рассмотрение авторами территориально-пограничной проблемы, возникшей в 1960-е гг. между Китаем и Россией.

Р.Моисеев. Проблемы интеграции экономики Камчатки в международный и дальневосточный рынки

Критически проанализировав состояние экономики Камчатки за истекшее десятилетие, автор приходит к выводу, что основные препятствия на пути ее интеграции в международный и дальневосточный рынки состоят в неупорядоченности отношений между федеральным и региональным уровнями; в отсутствии комплексного подхода к разработке и оценке программ освоения и использования ресурсов, регионального развития и налаживания взаимодействия с мировым рынком.

А.Тарасов. Торговые связи Забайкалья с Китаем

С привлечением большого количества статистических данных в статье рассматриваются состояние, динамика и структура, а также основные тенденции, проблемы и перспективы в торговле Читинской области России с Китаем.

Я.Бергер. Об энергетической стратегии Китая

Энергетическая стратегия — неотъемлемая составная часть политической и экономической стратегии КНР. Сценарии на период до 2020 г., предлагаемые Государственной проблемной группой, исходят из комбинаций разных демографических, социальных и экономических факторов, включая бедность Китая углеводородными энергоносителями, диктующую сведение роста потребления энергии к минимуму.

Основным направлением энергетической стратегии Китая считается энергосбережение, за счет которого предполагается обеспечить половину четырехкратного увеличения ВВП. Доминирование угля в топливно-энергетическом балансе сохраняется, несмотря на усиливающееся вследствие этого загрязнение окружающей среды. Потребление нефти увеличится в 2-2,6 раза по сравнению с 2000 г., в основном за счет импорта.

Большое значение придается нефтяной безопасности, которую предполагается обеспечить путем создания стратегических резервов нефти и диверсификации источников импорта. Наиболее перспективными партнерами считаются Россия, а также страны Юго-Восточной Азии и Африки. Предусматривается активный вывоз китайского капитала.

В.Михеев. Страны Восточной Азии и степень освоения ими “новой экономики”

В статье рассматриваются теоретические, методологические и практические вопросы развития в Восточной Азии “экономики, основанной на знаниях”. На основе используемых мировым экспертным сообществом методик проводятся сопоставления уровней развития “экономики знаний” в странах Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Уровень развития “новой экономики” в

России сравнивается с показателями ее дальневосточных соседей — Китая, Японии и Южной Кореи.

Е.Митыпов. Восточноазиатская интеграция: опыт из прошлого российско-японской торговли

В статье рассматриваются проблемы развития торговых и кредитно-финансовых отношений между Россией и Японией в период, предшествовавший Октябрьской революции 1917 года. В свете влияния исторических, политических и экономических факторов анализируются российско-японские межгосударственные документы, регламентировавшие в то время торгово-экономические связи двух стран. Автор приходит к выводу о целесообразности использования прошлого опыта российско-японского взаимодействия в современной практике торгово-экономических отношений этих государств.

А.Николаев. Токийский трибунал 1946 года (из воспоминаний участника процесса)

Об организации и ходе международного судебного процесса над японскими милитаристами, совершившими тяжкие преступления в период Второй мировой войны, рассказывает один из его непосредственных участников. Приводятся малоизвестные факты, связанные с этим событием, даются личные оценки некоторых эпизодов.

Ж.Асмолов. В Центре исследований безопасности в АТР, Гонолулу

Автор рассказывает о своей стажировке в Центре исследований безопасности в АТР (Asia-Pacific Center for Security Studies. — APCSS) в г. Гонолулу (США). Кратко характеризуя деятельность Центра, он перечисляет те элементы учебного процесса и виды информационной работы, которые, по его мнению, можно использовать в практике ИДВ.

Круглый стол

Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы

От редакции. 2 апреля с.г. в редакции нашего журнала состоялось заседание "Круглого стола", посвященное теме, обозначенной в заголовке. В обсуждении приняли участие сотрудники Института Дальнего Востока РАН, члены редколлегии и работники редакции ПДВ.

Участников заседания просили по возможности кратко сформулировать оценку событий именно этого периода, избегать экскурсов в историю и повторов сказанного в предыдущих выступлениях. Представленные выступившими тексты и магнитофонная запись дискуссии позволили редакторам в основном соблюсти эти требования, что в ряде случаев отразилось на объеме некоторых представленных выступлений, однако позиции выступавших, их оценки составители свободного текста старались максимально сохранить.

А.М.Григорьев (главный редактор ПДВ, д.и.н.).

Уважаемые коллеги! Относительно короткий, но весьма богатый событиями период в жизни КНР после XVI съезда Компартии Китая и даже более короткий отрезок времени, прошедший с момента утверждения на 1-ой сессии ВСНП в марте прошлого года нового руководства страны были отмечены рядом новых решений и практических шагов этого руководства. Их значение и направленность широко обсуждаются экспертами в нашей стране, в самой КНР, за рубежом, и, естественно, интересуют наших читателей. Так возникла идея рассмотреть эти события "по свежим следам", выделив при их обсуждении несколько "блоков" вопросов.

Слово для вступления предоставляется М.Л.Титаренко.

М.Л.Титаренко (директор ИДВ, академик РАН).

Инициатива журнала "Проблемы Дальнего Востока" по проведению заседания "Круглого стола" имеет положительное значение для объективного анализа положения в КНР, а также для освещения проблем развития и российско-китайских отношений, и сравнительного изучения опыта социально-экономических преобразований Китая и России, их роли в мировой политике.

Редакция ПДВ попросила меня выступить со вступительным словом, а также высказаться по сути проблем, обсуждаемых во всех блоках "Круглого стола". Поскольку по ряду причин я не смогу принять участие во всех блоках, я воспользуюсь, с Вашего разрешения, "привилегией" автора вступительного слова и выскажусь по ряду обсуждаемых вопросов сразу, в том числе и

по вопросам, не нашедшим прямого отражения в “сценарии” “Круглого стола” с тем, чтобы участники нашей встречи обсудили их.

Прежде всего, будет справедливым, если мы воздадим должное усилиям новых лидеров Китая, направленным на создание реалистической идеологической и правовой основы своей политики. В этом плане принципиальное значение имел 3-й Пленум ЦК КПК и последняя сессия ВСНП. Сессия ВСНП перевела на язык государственной политики и законодательных формул принципиальные решения XVI съезда КПК и 3-го пленума ЦК КПК, которые содержат определенные корректировки. Эти корректировки выявилась, во-первых, в усилении социальной составляющей этих реформ, во-вторых, в придании более комплексного характера этим реформам и в преодолении неизбежных на начальных этапах развития этой политики односторонних подходов, порождавших внутренние проблемы и противоречия.

Мне кажется, что особое значение имеет подход нового китайского руководства к законодательному оформлению правил игры, долговременных правил осуществления политических реформ. В этом плане следует обратить внимание на два положения. Первое было сформулировано прежним руководством и было выдвинуто еще Цзян Цзэминем. Речь идет о концепции “трех представительств”. Эта концепция ныне претерпевает определенные уточнения, хотя суть ее остается неизменной. Главное содержание концепции “трех представительств” — это расширение социальной базы правящей партии, уточнение, я бы даже сказал, пересмотр идеологических основ КПК. Ныне положения о “трех представительствах” включены в Конституцию КНР. Это придает им другое качество — конституционную формулу, составляющую важный элемент политической культуры современного Китая. Второй тезис — подчеркивание линии преемственности и углубления экономической и социальной составляющей. Это означает укрепление основ общества смешанной экономики и определенную плюрализацию не только экономической, но и политической системы. Фактически завершен процесс легитимизации частной собственности. Те поправки, которые раньше делались в Конституцию КНР, направленные на формальное уравнивание в правах и государственной, и не государственной формы собственности, теперь эти положения юридически оформлены, предоставив владельцам частной собственности право участвовать во властных структурах, в деятельности правящей партии и защищать свои интересы в государственных структурах. Это принципиально новый момент в развитии государственности в КНР.

Мы наблюдаем, таким образом, углубление политики конвергенции рыночных, капиталистических принципов хозяйствования и управления экономической и социально-ориентированных принципов, нацеленных на социалистические преобразования, политические установки. И здесь акцент сделан на защите интересов широких слоев наемных работников во всех отраслях экономики — и государственной и негосударственной.

Такой подход и первые два принципа дали основание значительной части аналитиков выдвинуть тезис о том, что сделан новый шаг по пути капитализации Китая. По их мнению, под флагом сохранения неких социалистических формул и лозунгов в КНР происходит трансформация к другому социально-экономическому строю. Известно, что немало весьма авторитетных специалистов за рубежом и в России разделяют такую точку зрения. На мой взгляд, такие выводы серьезно упрощают ситуацию и являются отражением, если хотите, старых схем и предвзвешенных о социализме и о переходном периоде социализма. Я лично склонен считать, что в данном случае китайские теоретики и политики реализуют поставленную в свое время еще Лениным и не решенную до сих пор задачу о переосмыслении социализма, как естественно исторического этапа развития общества, а не как способа некой “социальной инже-

рии", т.е. именно как естественно исторический этап развития, порождаемый всем предшествующим развитием человеческой цивилизации. Тезис, который неоднократно высказывался классиками, что это общество рождается внутри высокоразвитого общества рыночных товарных отношений — этот тезис не опровергался, но и не реализовывался. Выдвигался путь "социальной инженерии", когда были попытки перескочить целые этапы исторического и социально-экономического развития. Рождение нового общества происходило преждевременно, а потом оно "выращивалось" как бы в инкубаторе. Роль инкубатора играла поддержка и помощь СССР. Но трагедия заключалась в том, что этот "социалистический инкубатор" сам с социально-экономической, культурной точки зрения нуждался в еще более мощном инкубаторе.

Мне кажется, что концепция социализма с китайской спецификой и проведение своеобразной конфуцианской линии "чжэнмин" (исправление имен): приведение социальных категорий в соответствие с реалиями политических установок, с экономическими возможностями — это, по сути, революционный процесс, осуществляемый путем эволюционных преобразований. Это, как представляется, и есть реализация переосмысления социализма, обогащение его научно-техническим, культурным, управленческим опытом капитализма. Новый опыт должен быть наработан в переходный период, новые, свободные от эксплуатации, отношения между людьми должны сложиться уже в сознании людей, как их потребность, как их требование, а не как навязанные извне путем индокринации, идеологического и культурного давления. Мне кажется, что этот новый подход нами еще не осмыслен и это возрождает старые схемы и идеи о некоей "тихой контрреволюции", реставрации капитализма и т.д.

Реальная практика нынешнего китайского руководства свидетельствует о том, что оно идет как бы "на двух ногах". Одна "нога" — это рыночно-капиталистические отношения, а другая — это социально-ориентированные реформы и подходы. Именно наличие этого внутреннего противоречия побудили китайских руководителей дополнить термины *социализм* или *начальный этап социализма* традиционным, более привычным в условиях Китая понятием "ся-окан" — общество среднего или малого достатка. Это снимает определенные противоречия в восприятии концепции социализма, переживающего начальный этап своего развития.

Мне кажется, что новое китайское руководство, продолжая линию реформ, на этом пути добилось немалых, я бы сказал, весьма ощутимых результатов. Главным достижением в этом плане является то, что сохранена преемственность, сохранено доверие населения в целом к этой власти и к этой политике, о чем свидетельствует высочайший процент роста ВВП (9,1%). Это колоссальный рывок в росте валютных запасов, который достиг совершенно астрономической цифры — более 400 млрд. долл., это и более чем на 30% рост внешней торговли — с 628 до 851 млрд. долл. в год. Это рост ВВП, который сейчас в среднем на душу населения превышает 1 тыс. долл., составляя более 1 трлн. 300 млрд. долл.

Вместе с тем нужно отметить трезвый реалистический подход, что делает честь нынешнему составу китайского руководства. Подчеркивая успехи, они видят и проблемы, противоречия и вызовы. А вызовы эти весьма серьезные.

Вывод, который делался ранее одним из наших коллег — китайским политологом и экономистом Ху Аньганом — о том, что в ходе политики реформ в Китае в этот период произошло по существу расслоение общества на четыре мира, совпадает с нашими выводами и прогнозами.

Жизнь свидетельствует о том, что в КНР возникло шесть "разрывов", которые ставят китайское общество перед серьезными вызовами. Какие это разрывы? Это разрыв между приморскими и внутренними регионами, разрыв между городом и деревней, разрыв между богатыми и бедными, между поли-

тической надстройкой и экономическим базисом (это новый аспект), институтами, которые воплощают эти коммерческие рыночные отношения с правящей партией. На фоне успехов политики реформ произошло своеобразное воспарение партии над обществом. Этот разрыв между практикой и настроениями масс — очень серьезная проблема. Нынешнее китайское руководство понимает ее. В докладе Вэнь Цзябао на последней сессии содержится откровенное признание. Я процитирую: “На пути продвижения вперед все еще немало трудностей и проблем, в работе правительства все еще немало недостатков, народ все еще чем-то недоволен (такая формула впервые употребляется в китайском политическом жаргоне — “народ еще чем-то недоволен”) и для коренного разрешения многолетних глубинных противоречий все еще требуется довольно много времени”. Перечисляются эти трудности: крестьянские доходы растут медленно, тяжелы задачи занятости и социального обеспечения, неравномерно идет региональное развитие, в части общества чрезмерно большой разрыв в уровне доходов, увеличивается ресурсо-экологический прессинг. В докладе перечисляется и целый ряд других проблем.

В этой связи мне кажется, что концепция “трех представительств”, лигмитизация частной собственности, а также усиление социальной ориентированности политики — все это как раз призвано решить проблемы и противоречия, преодолеть отрыв политики от жизни, чтобы консолидировать и укрепить социальную стабильность в обществе.

В этом плане привлекают внимание некоторые новые подходы и акценты в практике новых лидеров КПК. Дэн Сяопин и в последующем его преемник Цзян Цзэминь главный акцент делали на росте экономической мощи страны, все другие аспекты как бы отходили на второй план. Ныне же в связи с возникновением упомянутых выше “разрывов” и неравномерностей предпринимается попытка сбалансировать курс: наряду с задачей наращивания экономической мощи усиливается внимание к социально-политическим и цивилизационно-культурным компонентам политической практики китайского руководства.

Принципиальное значение в этом смысле имеет возвращение нынешнего китайского поколения, китайского руководства к осознанию того, что крестьянство было, есть и длительное время еще будет одной из краеугольных опор социальной стабильности и развития Китая. Этот тезис подчеркивается в докладе Вэнь Цзябао на последней сессии ВСНП и в выступлениях во время экспедиционных поездок нынешнего Генерального секретаря и Председателя КНР Ху Цзиньтао.

Еще одно принципиально новое положение, отражающее именно социальную направленность китайской модели развития. О повышении благосостояния народа говорилось неоднократно. Но о том, чтобы задача увеличения доли потребления в ВВП рассматривалась как стратегическая задача, как стержень макрорегулирования, такая формулировка появилась впервые. В докладе Вэнь Цзябао эта мысль сформулирована как стратегическая идея. Ставится задача так: рациональное регулирование отношений между капиталовложениями и потреблением как один из важных аспектов макрорегулирования и контроля. Докладчик признал, что удельный вес потребления в китайском ВВП сравнительно низок и это мешает устойчивому расширению внутреннего спроса и тем самым дальнейшему быстрому росту народного хозяйства. Важно всемерно увеличивать доходы городского и сельского населения, поднимать его покупательную способность.

Хотелось бы подчеркнуть, что обеспечение поступательного, стабильного развития Китая, о котором говорилось на сессии ВСНП и пленумах ЦК КПК, будет иметь серьезное влияние на международное положение, его внешнюю политику и на российско-китайские отношения.

Документы последней сессии ВСНП свидетельствуют также о том, что нынешнее китайское руководство намерено продолжать стратегический реформаторский курс Дэн Сяопина, внося в него коррективы, соответствующие требованиям времени, преодолевая те или иные односторонние подходы и придавая реформам комплексный характер.

Вместе с тем, есть основания утверждать, что нынешняя модель развития Китая пока не имеет (это очень важный, с моей точки зрения вывод) внутренней идейно-политической, методологической целостности. Она включает в себя как элементы опережающего развития (это концепция социализма с китайской спецификой и курс на реформы), так и значительные компоненты традиционной догоняющей модели развития, ориентированной на западные модели рыночной экономики и потребительского общества, означающие коммерциализацию всех сторон экономической, политической, культурной и социальной сфер общества, дополненные стратегией использования сравнительных преимуществ.

Адаптация реформаторской политической доктрины к условиям Китая далека от завершения и ее реализация будет неизбежно порождать немало внутренних противоречий и вызовов. Такова жизнь во всем ее многоцветии. До последнего времени позитивные достижения от реализации этой доктрины преобладали над отрицательными моментами и вызовами. Но дальнейшее повышение качества реформ и повышение эффективности политической системы, видимо, требуют новых подходов.

Мой вывод таков: китайское руководство пока еще не завершило поиск собственного китайского пути движения Китая в будущее. То, что делается сейчас, это во многом поиск, моделирование, приспособление к Китаю внешних моделей. Как модель Советского Союза, так и модель западного потребительского общества в реальных условиях Китая, мне кажется, не приемлемы.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что 25-летний опыт реформ, обобщенный на XVI съезде КПК и последних пленумах ЦК КПК и выступлениях представителей нового китайского руководства, выдвинул Китай в число наиболее динамично развивающихся крупных мировых держав. Есть основания полагать, что эта тенденция позитивного поступательного развития Китая сохранится, хотя необходимо видеть, что накопление значительного количества внутренних противоречий, если они не будут своевременно разрешаться, может поставить Китай перед очень серьезными внутренними вызовами.

Для своего развития Китай нуждается в благоприятной мирной внешнеполитической обстановке, всестороннем развитии отношений со всеми высокоразвитыми странами, а также богатыми ресурсами соседними развивающимися государствами. Глобальные экономические потребности Китая обуславливают в условиях обострения международной ситуации курс на концентрацию усилий на внутреннее развитие, сдержанность и осторожность во внешнеполитической сфере, во избежание каких-либо слишком обременительных внешних обязательств по проблемам поддержания международной безопасности и разоружения, которые в какой-либо мере сдерживали бы или не втягивали Китай в международные конфликтные ситуации.

Исключительная заинтересованность Китая в наличии широких внешних рынков развитых стран и, прежде всего, США, Японии и Западной Европы, будет и впредь побуждать Китай во внешнеполитическом плане "непрерывно крепить свои отношения с развитыми странами, притом стараться находить точки слияния общих интересов, посредством равноправных переговоров постоянно устранять существующие разногласия, стимулировать устойчивое развитие взаимных отношений". (См. доклад Вэнь Цзябао).

Заинтересованность Китая в сохранении благоприятной международной обстановки и получение широкого выхода на российский рынок, а также им-

порт из России целого ряда стратегически необходимых Китаю энергоносителей (нефть, газ), сырьевых товаров (лес, цветные металлы) и высоких технологий двойного и оборонного значения будут и впредь служить основой для развития и укрепления российско-китайских партнерских отношений.

Важнейшая проблема, стоящая перед нашими сторонами, — преодоление разрыва между высоким уровнем политического взаимодействия и ограниченностью масштабов сотрудничества в инновационной, торгово-экономической, культурной и гуманитарной сферах. Одной из причин этого является крайне слабая взаимная информированность, сохранение определенной предубежденности и неблагоприятных стереотипов в общественном сознании двух стран в отношении друг друга, порожденных отчуждением 60-70-х годов, крайне слабые усилия как китайской, так и российской сторон по формированию благоприятного имиджа каждой из сторон и недооценка потенциала сотрудничества.

Определенные внешние круги, опасаясь укрепления российско-китайского стратегического партнерства, пытаются использовать Россию и Китай для взаимного сдерживания друг друга.

Реально существующая проблема демографического давления в условиях депопуляции России и огромного роста народонаселения в Китае используется недоброжелателями российско-китайского сотрудничества для разжигания в сознании россиян опасений в отношении Китая, распространении инсинуаций о так называемой “китайской угрозе” и “демографической экспансии” Китая. В практическом же плане вопрос о так называемой демографической угрозе имеет вполне реальные перспективы взаимоприемлемого политического решения на основе взаимной договоренности об использовании китайской рабочей силы на основе существующей международной практики контрактов и разумной миграционной политики. Раздувание китайской демографической угрозы мешает развитию двусторонних отношений, отравляет атмосферу этих связей.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что последняя сессия ВСНП, выступление нынешних китайских руководителей нового поколения возвращает к прежней, сложившейся ранее, системе внешнеполитических связей и приоритетов. Китай вновь подчеркивает, что приоритетным является развитие и поддержание связей и дружеских отношений с развивающимися странами на основе принципов сосуществования и соразвития. Это новый момент, который появился в последние годы. Следом называются соседние страны и только третьими по порядку называются развитые страны. Это не значит, что отношениям с развитыми странами Китай уделяет меньше внимания. В практике все выглядит нередко как раз наоборот. Но в политических декларациях сейчас это обозначено именно так.

Последнее, что я хотел бы сказать. Нам, ученым, необходимо пропагандировать новые подходы к анализу развития российско-китайских отношений. И главным из них является правильное понимание и разумное отношение к порождаемым жизнью противоречиям в российско-китайских отношениях. Возникновение противоречий — это естественный процесс развивающихся связей и сотрудничества двух стран. Они будут возникать, потому что помимо совпадения стратегически важных интересов есть и расхождения в этих интересах, есть разные национальные характеры, есть отличия в социальной психологии, в понимании и оценках ситуации, которая складывается в мире. Поэтому наличие этих разночтений, наличие этих противоречий — это стимул к углублению сотрудничества, к углублению диалога, а не повод для того, чтобы бросать односторонние обвинения, “зацикливаться” на противоречиях.

Мне кажется, что одной из причин советско-китайского идеологического раскола 60-70-х годов было то, что стороны не понимали естественного процесса возникновения противоречий и не искали путей разумного преодоления этих противоречий. “Ах, вы не согласны с нами, ах, у вас другой подход, зна-

чит, вы против нас, значит, вы — наши враги”. Этот вульгарный, примитивный антидиалектический подход может очень серьезно осложнить ситуацию.

Мне кажется, что Россия и Китай должны в предстоящие годы приложить максимум усилий для того, чтобы укреплять взаимные связи, способствовать созданию в общественном мнении благоприятного имиджа каждой из сторон.

Я считаю, что нынешнее поколение китайских руководителей объективно и субъективно заинтересовано в развитии российско-китайского сотрудничества на многосторонней основе. Но мы должны научиться уважать и стремиться также идти навстречу пожеланиям и интересам наших китайских партнеров так же, как мы должны ожидать такого же желаяния идти навстречу интересам России со стороны Китая.

А.М.Григорьев: Начинаем обсуждение вопросов первого блока - общие оценки.

Я.М.Бергер (зам. главного редактора ПДВ, главный научный сотрудник ИДВ, д.и.н.) рассмотрел в своем выступлении главные события и решения в политике и экономике КНР в 2003-2004 годах.

Смена партийного и государственного руководства в КНР совпала с объективной необходимостью важных перемен в политическом и экономическом курсе страны. Китай вплотную подошел к той черте, когда потребовался пересмотр ряда основополагающих установок и соответствующих им методов и средств мобилизации общества. Прежние установки, средства и методы были достаточно эффективными на ранних стадиях становления рыночной экономики, но сегодня все более утрачивают исходное значение, все больше не соответствуют новой обстановке.

Отправным моментом нового этапа считается достижение Китаем рубежа, который отделяет страну с низкими доходами населения от стран со средними доходами. Этим рубежом считается объем ВВП в расчете на душу населения в 1 тыс. долл.

Если раньше основные усилия были направлены на удовлетворение минимальных жизненных потребностей населения, или, по китайской формуле, на обеспечение уровня “тепла и сытости” (*вэньбао*), т.е. преимущественно на обеспечение количественного роста экономики, то теперь на первый план выходит повышение качества жизни и смягчение тех противоречий, которые возникли и обострились на предыдущем этапе. В прошлом неравномерность повышения благосостояния разных социальных групп, города и деревни, восточных и западных регионов считалась не только неизбежным спутником экономического роста, но и его стимулятором, поскольку тем самым совершался отход от былой уравнительности — одной из главных причин застоя. Ныне прежние достоинства неравномерного развития все больше обращаются в недостатки, раскалывающие единство общества, подрывающие его стабильность и размывающие социальную и политическую основу дальнейших реформ и соответственно легитимность проводящих их правящей партии. Все это заставляет менять ориентиры в социальной сфере, в экологии, в политической организации общественной жизни.

Обновление модели развития с неизбежностью влечет за собой и изменение тесно связанной с ней модели экономического роста. Если же параллельная трансформация обеих моделей не произойдет или запоздает, рост может остановиться, что повлечет за собой необратимые социальные и политические последствия.

Старая модель экономического роста обладает, по меньшей мере, двумя существенными недостатками, которые становятся все менее терпимыми в новых условиях. Во-первых, экономический рост в Китае в значительно меньшей

мере, чем в развитых странах, ориентирован на конечное потребление и в значительно большей степени зависит от инвестиций и экспорта. Об этой особенности будет подробнее сказано в другом нашем сообщении. Во-вторых, рост носит высоко затратный, экстенсивный характер.

В связи с этим предстоит перейти от политики роста любой ценой к политике сбалансированного, ресурсосберегающего социально-экономического развития. Новая модель, возможно, не обеспечит столь высоких темпов роста, как прежде, но зато они станут более стабильными, а сам рост — менее экстенсивным, менее энергоемким и более ресурсосберегающим, менее разрушающим природную среду, более гуманным, более социально эффективным, менее ориентированным на сиюминутный результат и больше учитывающим интересы грядущих поколений. Я согласен с тезисом, высказанным М.Л.Титаренко, что столь многонаселенная и обделенная природными богатствами страна, как Китай не может позволить себе расточительность, свойственную обществу потребления. Китай не может пойти по стопам “золотого миллиарда”, благосостояние которого базируется на использовании львиной доли мировых ресурсов. Всего мирового ресурсного потенциала не хватит для того, чтобы заплатить столь же большую цену, чтобы “озолотить” еще полтора миллиарда.

По сути, задача перехода с экстенсивного пути экономического роста к интенсивному была поставлена еще в 9-й пятилетке. Однако смена модели экономического роста не может совершиться одномоментно. Она представляет собой достаточно длительный процесс. В Китае к тому же этот процесс осложняется его противоречивостью. Необходимость ресурсосбережения и, стало быть, укрупнения и технического переоснащения предприятий вступает в противоречие с не менее важной социальной задачей обеспечения занятости высвобождаемых в процессе реорганизации и реконструкции промышленности работников, естественного прироста рабочей силы и трудовых мигрантов из деревни. Главное поле занятости для них обеспечивают малые и средние предприятия, нередко технологически далекие от передового уровня и потребляющие в расчете на единицу продукции и на одного занятого значительно больше ресурсов.

Но, самое главное состоит в том, что было невозможно даже приступить к смене моделей экономического роста, не затрагивая институциональную сферу, включая прежде всего правительственные функции и структуры, банковскую систему, государственную собственность. Эту перестройку удалось начать по-настоящему лишь с приходом нового руководства. В 2003 году все более обострившийся в 10-й пятилетке дефицит энергии и иных ресурсов больше не позволял оттягивать этот процесс. Кроме того, к более решительным действиям в этом направлении подтолкнули и некоторые чрезвычайные обстоятельства, прежде всего эпидемия атипичной пневмонии.

Первые важные шаги в направлении смены модели экономического роста были сделаны на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва весной 2003 г. Эта сессия приняла важные решения по структурно-функциональной реорганизации правительства, направленные на то, чтобы сократить унаследованные от плановой экономики и ставшие избыточными в условиях рынка правительственные компетенции.

Этот процесс был продолжен и поднят на новый уровень на 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва осенью 2003 г. Одним из главных достижений пленума можно считать утверждение нового подхода к развитию (*фацжань гуань*). Впервые в руководящем партийном документе развитие стало трактоваться как комплексный, многоаспектный общественный процесс, который не сводится к экономическому росту.

Комплексной трактовке развития отвечает идея “пяти единых планирований” (*угэ тунчюу*): экономического и социального развития, города и деревни, регионов, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости.

3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва впервые ввел в партийный документ ключевое понятие западной экономики и юриспруденции — право на собственность. Это право затрагивает интересы практически всего населения страны, всех социальных групп, но в особенности интересы имущих слоев.

Взят курс на почти сплошное акционирование государственной собственности. Общественная и частная собственность ныне не только не противопоставляются, но, напротив, призваны взаимно дополнять друг друга и, более того, сливаться воедино, образуя новое качество. Утверждение идеи перехода к смешанной экономике делает практически неизбежным отказ от различения экономических укладов по признаку собственности. Фактически путь для превращения основной части государственной собственности в негосударственную был уже давно открыт. Сегодня этот процесс получает новый, еще более мощный импульс.

Решения 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва открыли новые перспективы перед частным национальным капиталом. Принципиальное значение имеет в связи с этим рекомендованное 3-м пленумом ЦК КПК 16-го созыва и утвержденное 2-й сессией ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г. внесение в Конституцию КНР поправки, провозглашающей *“неприкосновенность законной частной собственности граждан”*. Эта поправка юридически почти уравнивает в этом отношении частную собственность с собственностью обобществленной (государственной).

Глубинная перестройка государственной собственности и дальнейшее повышение роли частного капитала открывают путь для коренной реформы финансовой системы страны. Одной из первоочередных задач финансовой реформы стало превращение государственных коммерческих банков из накопителей системных долговых рисков в важнейший инструмент вхождения Китая в мировой рынок.

Государство не раз предпринимало попытки санировать банки, спуская им задания по сокращению доли “плохих” долгов и помогая своими ресурсами увеличить достаточность капитала, но все эти попытки к радикальным переменам не приводили. Опыт показал, что коренным образом реформировать банковскую сферу, адаптировать ее к рыночной среде без изменения характера собственности невозможно. Только разорвав тесную связь банков с правительством и изменив тем самым цели, методы и принципы управления банками, можно поднять до международных стандартов прозрачность и эффективность банковской деятельности. Кроме того, только таким образом можно вернуть кредитную активность банков в сторону поддержки негосударственных предприятий.

Новации, содержащиеся в решениях 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, а также XVI съезда КПК, потребовали внесения целого комплекса поправок в Конституцию КНР. Наряду с положением, защищающим неприкосновенность частной собственности, к числу наиболее значимых поправок следует отнести также включение в текст Конституции идеи “трех представительств”. Эта поправка также направлена на расширение социальной ориентации правящей партии в пользу средних слоев общества. Данная установка подкрепляется и другими новеллами, например, включением в состав участников единого фронта категории “строителей дела социализма”, легализующим и повышающим социальный и политический статус лиц, которых раньше относили к буржуазии и мелкой буржуазии.

Впервые вводится в текст основного закона КНР обязательство государства уважать и гарантировать права человека. Оно также отвечает возрастающей роли тех социальных групп и слоев, которые особенно чувствительны к проблемам защиты индивидуальных прав и свобод. Важен и международный аспект этих обязательств. В том же русле находятся и новые положения о возмездности изъятия земли у крестьян и частной собственности у граждан в случа-

ях, когда такого изъятия требуют общественные интересы. Данные поправки тоже укрепляют защищенность граждан от незаконных действий государства.

Свидетельством новых подходов китайского руководства к проблемам социально-экономического развития можно считать предложенное в докладе Вэнь Цзябао на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва сокращение экономического роста в текущем году до 7%. Основные усилия правительства будут обращены на макрорегулирование экономики и социальной сферы, на повышение качества и эффективности экономического роста, на структурные преобразования, на то, чтобы преодолеть обострившийся при ускорении роста дефицит энергии и сырья, остановить повышение цен на некоторые виды сырья, развязать транспортные проблемы, снизить экологический ущерб. С этой же целью несколько ранее были приняты документы Госсовета КНР, направленные на пресечение "слепого" дублирующего строительства и оздоровление роста автомобильного производства. Все это поможет предотвратить более резкое, более "жесткое" и глубокое падение экономики, которое вполне может последовать в 2005 г. после ускорения роста.

Решения эти никак не назовешь легкими, но они вынуждены и потому оправданны. Если бы рост в текущем году продолжался темпами на уровне прошлогодних 9%, то явления *частичного "перегрева"* экономики, которые уже сегодня наблюдаются в ряде отраслей, переросли бы в общий "перегрев" и в инфляцию. Трудно сказать, удастся ли правительству реализовать свое намерение, поскольку набранную инерцию остановить нелегко, предварительная оценка за первый квартал составляет 9%, а на второй квартал обещают даже двузначную цифру.

Принятое правительством решение о намеренном снижении темпов роста было нелегким еще и потому, что самые видные экономисты страны и даже главные правительственные ведомства (такие как Центральный Народный банк и Государственное статистическое управление) коренным образом разошлись в оценке ситуации в экономике и тенденций ее развития. Одни из них признавали наличие "перегрева" или, по меньшей мере, его зачатков и требовали принятия мер, рыночных или административных, чтобы выправить положение. Другие же настаивали на том, что все благополучно, что экономический рост в Китае находится объективно в начале нового витка подъема, что бояться надо не инфляции, а значительно более опасной дефляции, что экономике просто надо не мешать, что все само собой урегулируется с помощью рынка, предложение придет в соответствие со спросом и что поэтому никаких особых мер принимать не нужно.

В этой ситуации новое китайское руководство решило проявить разумную осторожность и не соблазниться радужными перспективами быстрого роста. Оно не только приняло новую концепцию развития, но и начало ее реализацию с тем, чтобы предотвратить наступление нового кризиса и перевести социально-экономический курс страны в более спокойное и надежное русло.

В.Я.Портяков (зам. директора ИДВ РАН, д.э.н.). Я согласен с выдвинутыми в предыдущих выступлениях положениями о том, что 2-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 10-го созыва (5-14 марта 2004 г.) завершила начальный период деятельности нового правительства КНР, сформированного годом ранее, а в более широком плане — всего обновленного на XVI съезде правящей компартии (ноябрь 2002 г.) партийно-государственно-го руководства Китая.

Весомым итогом сессии стало выдвижение новой — как всячески подчеркивается в комментариях китайских СМИ, "научной" и "ориентированной на человека" — концепции социально-экономического развития стран. Данная концепция, отталкивающаяся от выдвинутого Ху Цзиньтао принципа "и жэнь

вэй бэнь" — "ставить во главу угла человека", провозглашает ключевой целью экономического развития страны всестороннее совершенствование человеческой личности, удовлетворение коренных интересов, материальных и культурных потребностей народа, целенаправленное обеспечение его экономических, политических и культурных прав.

Центральная идея новой концепции развития — смена форм и методов экономического роста в стране. Речь идет о переходе от ресурсозатратного, несбалансированного в отраслевом и региональном разрезе типа роста к более сбалансированному, более социально ориентированному и экологически более щадящему варианту развития народного хозяйства. Следует подчеркнуть, что китайское руководство стремится скорректировать не высокие темпы роста сами по себе, а одностороннюю погоню за ними, добиться "единства темпов, совершенствования структуры, повышения качества и эффективности" экономического роста и тем самым "стимулировать всестороннее, гармоничное и продолжительное развитие экономической и социальной сферы".

Корректировка экономической политики в Китае объективно назрела. Эпидемия атипичной пневмонии наглядно продемонстрировала необходимость существенного усиления социальной отдачи от экономического роста. А подхлестывание темпов роста, наблюдавшееся все предыдущее пятилетие, привело к аномальному повышению доли инвестиций в ВВП. Нехватку внутреннего потребительского спроса, как фактора роста, в КНР последние годы пытались компенсировать экспортной экспансией. В результате зависимость экономического развития страны от внешних источников сырья и рынков сбыта, от инвестиционной накачки народного хозяйства достигла критических уровней.

Вполне естественно, что первыми практическими следствиями выдвигания "научной концепции развития" стали попытки Пекина несколько снизить темпы экономического роста (до 7% в 2004 г. по сравнению с 9,1% в 2003 г.), "охладить" ряд особенно сильно "перегретых" отраслей, прежде всего черную металлургию, увеличить бюджетное финансирование сельского хозяйства и социальной сферы.

Переход на рельсы новой модели развития, безусловно, отвечает интересам как самого Китая, так и всего мирового сообщества и представляет шаг в правильном направлении. Однако неоднократно предпринимавшиеся в прошлом попытки радикально улучшить качество экономического роста в КНР обеспечивали, как правило, лишь частичный результат. Как будет на этот раз — покажет время.

Л.М.Гудошников (главный научный сотрудник ИДВ, д.ю.н.) остановился на теме о новых поправках конституции Китайской Народной республики в целом.

Вопрос об предстоящих изменениях в Конституции КНР поднимался на XVI съезде КПК, а в некоторых позициях и на XV, например, о защите прав человека. Однако форму партийного документа с соответствующими рекомендациями высшим органам государственной власти он обрел на III пленуме ЦК КПК 16-го созыва в октябре прошлого года. Этим документом были "Предложения ЦК КПК относительно частичного изменения содержания Конституции". Созданию этого документа предшествовала большая подготовительная работа. Руководствуясь "Основными положениями работы Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК на 2003 г.", 27 марта указанного года Постоянный комитет (ПК ПБ) определил основные направления изменения Конституции и образовал рабочую комиссию во главе с членом ПК ПБ, зам. премьер-министра Госсовета КНР У Банго. В апреле 2003 г. комиссия обратилась ко всем единицам провинциального уровня с просьбой направить ей предложения по поправкам к Конституции. В мае-июне рабочей комиссией было организовано шесть заседаний "круглого стола", на которых заслушивались мнения представителей с

мест, министерств, предприятий и т.д. На основе высказанных ими мнений был составлен черновой вариант поправок к Конституции. 28 августа генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао председательствовал на широком совещании представителей всех демократических партий, ответственных лиц Ассоциации торгово-промышленных кругов, представителей различных слоев населения, беспартийных демократических деятелей, высказавших свои мнения о поправках к Конституции. 9 сентября У Банго созвал еще одно заседание "круглого стола" для опроса теоретических работников правовой и экономической науки, от которых было получено много полезных предложений. На их основе, а также по результатам опросов и предыдущих обсуждений был выработан вышеупомянутый проект предложений ЦК КПК, который затем многократно обсуждался на заседаниях ПБ и ПК ПБ ЦК КПК, прежде чем был представлен на заседание 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, состоящегося 22-27 декабря 2003 г. Затем предложения были переданы ПК ВСНП, который в день окончания пленума, т.е. 27 декабря, внес их во Всекитайское собрание народных представителей.

Эти предложения целиком вошли в принятый ВСНП текст конституционных поправок, что не означало отсутствия дискуссий по этому поводу как в политических, так и в академических кругах. Дискуссии в последние были проанализированы в статье А.В. Ломанова и О.Н. Борох в № 1 ПДВ за этот год. При этом, отмечу, что там высказывались крайние взгляды вплоть до полного приближения Конституции КНР к Конституции США, не определяющей экономической строй страны. Были и предложения о разделении трех ветвей власти, установлении многопартийного режима, устранении из текста Конституции Введения и другие.

Поправки к Конституции были приняты постановлением 2-ой сессии ВСНП десятого созыва 15 марта 2004 г. Они коснулись Введения и ряда статей Конституции, отражая новый этап развития государства.

Первая из поправок Введения Конституции касается ключевого понятия китайского социализма. Здесь нужно признать, что нас несколько дезориентировали прежние переводы агентства "Синьхуа", которые положение о социализме с китайской спецификой (точно — "социализме, имеющем китайскую специфику") переводили как "на основе теории ... социализма китайской специфики". Теперь из соответствующего места конституции вслед за формулировками XVI съезда исключено слово "имеющим" или "обладающим" (ю), остается словосочетание "социализм с китайской спецификой" во фразе "по пути строительства социализма с китайской спецификой". А.В. Ломанов и О.Н. Борох видят в исключении вышеуказанного слова "более четкую национальную окраску". Возможно дело так и обстоит. Во всяком случае такое изменение не случайно. Далее во Введении наряду с "идеями Мао Цзэдуна" и "теорией Дэн Сяопина" в Конституцию включена названная важная идея "трех представительств". Во Введении нашла отражение и партийная установка "продвигать гармоничное развитие материальной, политической и духовной культуры". Наконец, при характеристике состава Единого фронта вслед за "социалистическими тружениками" и перед "патриотами, поддерживающими социализм", введена новая категория участников фронта — "строители дела социализма". В эту категорию, по словам Цзян Цзэминя, могут быть включены "появившиеся в процессе социальных перемен предприниматели и техперсонал научно-технических предприятий, управленческий и технический персонал, работающий по контракту на предприятиях иностранного капитала, лица, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, частные предприниматели, лица, занятые в посреднических организациях, лица свободных профессий и другие слои общества — все они строители дела социализма" (из доклада на XVI съезде КПК).

Постатейные поправки начаты со ст.10, где указывается, что для общественных нужд и на основании закона может быть произведено изъятие или реквизиция земли за компенсацию. В прежнем тексте говорилось только о реквизиции и о компенсации не упоминалось. Согласно китайским комментариям к этой поправке, реквизиция, в отличие от изъятия может носить временный характер. В ст. 11, где говорится о необщественном секторе экономики, вставлено важное положение о том, что государство поддерживает и направляет развитие необщественного сектора экономики, т.е. индивидуальных и частных хозяйств (ранее говорилось только об охране их законных прав и осуществлении в отношении этих хозяйств наблюдения и контроля, и это последнее положение перешло и в измененный текст Конституции). Значительно расширена 13-я статья, где говорилось об охране государством права собственности граждан на законные доходы, сбережения, жилище и т.п. Теперь защита частного имущества на конституционном уровне значительно усилена. В ст. 13 прямо говорится о недопустимости посягательства на частное имущество граждан и государство в соответствии с законом его защищает, равно как и право на его наследование. Вместе с тем оговаривается, что государство в интересах общественных нужд может в соответствии с законом производить изъятие или реквизицию частного имущества за соответствующую компенсацию. В конце обширной 14 статьи, где в числе многих содержатся положения о повышении эффективности труда, его производительности и улучшении организации, а также постепенном улучшении материальной и духовной жизни народа, вставлен абзац: "Государство создает соответствующую уровню экономического развития страны систему социального страхования".

В статью 33, открывающую главу об основных правах и обязанностях граждан, вставлено положение, вызвавшее большие комментарии в прессе Китая и других стран. В нем говорится: "Государство уважает и защищает права человека". В связи с этой поправкой заместитель председателя Китайского общества по изучению прав человека Дун Юньху писал, что внесение положения о правах человека в Конституцию КНР является важным прорывом в развитии прав человека в условиях социализма. На протяжении довольно длительного времени после образования КНР о "правах человека" в Конституции страны не говорилось и это считалось запретной зоной в идейно-теоретической области.

Другие поправки 2004 г. носят больше частный характер, однако среди них есть и довольно принципиальные положения. Частный характер, например, носит статья 59, в которой перечисляются административно-территориальные единицы, избирающие депутатов ВСНП, и она в число этих единиц вводит отсутствовавшие ранее особые административные районы. В статьях 67 и 80 среди полномочий ПК ВСНП и Председателя КНР "введение военного положения" заменено на "введение чрезвычайного положения", такая же замена в статье 89, где говорится о возможности введения Государственным советом чрезвычайного положения на части территории страны. Представляется важным дополнение в статье 81 полномочий Председателя КНР "осуществлением деятельности по делам государства" (ранее говорилось лишь о представительстве государства и приеме дипломатических представителей иностранных государств) и поэтому с юридической стороны Председатель КНР формально выглядел декоративной фигурой.

В ст. 98 Конституции поправкой установлен одинаковый пятилетний срок полномочий для всех собраний народных представителей (в прошлом для СНП низового уровня был установлен 3-х летний срок полномочий).

Наконец, в название четвертой главы был введен как один из символов КНР Государственный гимн и в качестве такого в статье 136 утвержден "Марш добровольцев" (слова Тянь Ханя, музыка Не Эра). Этот гимн был утвержден Резолюцией пленарной сессии Народного политического консультатив-

ного совета Китая 27 сентября 1949 г. Его текст однажды менялся во время "культурной революции", но затем был восстановлен в прежнем виде. До марта 2004 г. на конституционном уровне не закреплялся.

Общую характеристику внесенных в Конституцию последних поправок высказал в докладе о ее проекте на сессии ВСНП заместитель председателя ПК ВСНП Ван Чжаого: "Осуществленные изменения не являются крупным пересмотром Конституции, а лишь частными поправками". Такая характеристика, однако, не снижает значения ряда поправок, усиливающих защиту государством частного имущества от посягательств, устанавливающих компенсации за его отчуждение и реквизицию, расширяющих социальную базу политического режима за счет включения в понятие "строителей социализма" представителей различных слоев китайского общества. Поправкой с важной политической перспективой является наделение дополнительными функциями Председателя КНР. Знаковой поправкой является и положение о защите прав человека. Разумеется конституционные поправки обретут реальное значение лишь с принятием соответствующего законодательства об их применении.

О.Н.Борох (ведущий научный сотрудник ИДВ, к.э.н.) посвятила выступление разъяснению в китайской печати поправок к Конституции КНР, затронувших ее социально-экономические аспекты.

Подготовка и юридическое оформление в марте 2004 г. очередной серии поправок к конституции КНР 1982 г. стали важным событием для руководства Ху Цзиньтао. Гонконгские комментаторы называют "конституционную карту" одним из весомых политических козырей нового руководства. Вопрос об изменении конституции был поставлен на повестку дня нового состава политбюро ЦК КПК уже вскоре завершения XVI съезда КПК (ноябрь 2002 г.).

Летом 2003 г. за несколько месяцев до вынесения поправок на рассмотрение партийного пленума (октябрь 2003 г.) ЦК КПК запретил так называемые "народные обсуждения" реформы конституции. На этих мероприятиях китайские ученые выдвигали собственные предложения, выходившие далеко за рамки намеченных властями изменений. После этого обсуждение поправок к конституции было введено в русло контролируемого комментирования официально одобренных новаций.

Отличие проекта ЦК КПК от окончательного текста минимально. В поправках к статьям 10 и 13, касающимся землепользования и частной собственности, убрали запятую. Если в проекте слова "в соответствии с нормами закона" относились лишь к "реквизиции" земли и частного имущества, после исключения запятой они распространилось и на "компенсацию". В преамбуле из предложенной формулировки "по пути строительства социализма с китайской спецификой" было исключено слово "строительства", что еще более приблизило текст конституции к формулировкам XVI съезда КПК.

Весной 2004 г. обсуждение поправок свелось к агитационно-пропагандистской работе по доведению до населения утвержденного руководством толкования поправок основного закона. Круг выступающих по этой теме в СМИ был ограничен представителями официального обществоведения, отдельными членами комиссии по подготовке изменений, а также представителями народа. В последнюю категорию вошли богатые предприниматели и представители "слабых групп" из числа социальных низов.

Наибольший интерес представляет обсуждение поправок, нацеленных на правовое закрепление реалий рыночной экономики. Прежде всего это относится к сфере защиты прав частной собственности, что отразилось в добавлении в статью 13 положения о "неприкосновенности законного частного имущества граждан".

Набор базовых аргументов был изложен в интервью профессора Центральной партшколы КПК Бо Сымина журналу "Баньюэтань". По его словам, новая редакция конституции заметно расширяет рамки и степень защиты частной собственности. Во-первых, теперь в основном законе определено, что защищается не только личное имущество граждан, но и принадлежащие им средства производства. Во-вторых, если раньше под защитой государства было только право наследования, то сейчас речь идет о праве граждан на частное имущество. В-третьих, в случае конфискации частного имущества владелец получит за него компенсацию.

Особое внимание было уделено расширению понятия частного имущества. Заместитель председателя ПК ВСНП Чэн Сывэй отмечает, что по мере экономического развития и повышения уровня жизни народа объем частного имущества граждан увеличился. Если прежде в условиях плановой экономики частное имущество состояло из личного имущества или жизненных средств, то сейчас в него входят средства производства и интеллектуальная собственность, например, авторское право и патенты.

Иными словами, сколь бы скромной ни была собственность, закон охраняет ее от посягательства властей. Не была забыта и собственная китайская традиция. Во многих комментариях присутствует ссылка на слова древнекитайского конфуцианского мыслителя Мэн-цзы "Только если есть постоянное имущество, есть и постоянство". (П.С. Попов переводит эту фразу следующим образом: "Что же касается простолюдина, то, если у него нет постоянного имущества и занятия, у него нет и постоянства..."). В современном контексте эта цитата указывает на важность охраны частной собственности для поддержания в обществе стабильной атмосферы "постоянства".

Зарубежные СМИ пытались выяснить у китайских экспертов, что включается в "законное" частное имущество. В декабре 2003 г. в беседе с корреспондентом американской газеты "Нью-Йорк Таймс" директор экономического института Тяньцзэ Шэн Хун предположил, что слова о "законности" приобретения собственности "нацелены на то, чтобы доходы от коррупции не стали легальными доходами". Такая формулировка дает властям возможность оказывать давление на владельцев "незаконной" собственности, что породило порывы о проблеме так называемого "первородного греха" (*юаньцзуй*) частных предприятий, многие из которых появились на свет в условиях правовой неопределенности и на основании схем, законность которых может быть оспорена.

Французская газета "Монд" сообщает, что в процессе разработки поправок по вопросу о "законности" частного имущества велись внутренние дебаты. В ходе споров сторонники более либеральных взглядов выступали за усиление гарантий частной собственности, их оппоненты старались отстоять социалистическое наследие. Представляющий вторую точку зрения профессор АОН Китая Юй Цюаньфэй заявил "Монд", что в поправке речь идет только о "законной" частной собственности: "Если не поставить этих ограничений, можно будет увидеть сыновей представителей прежней крупной буржуазии и помещиков до 1949 г., требующих возвращения их добра под именем неприкосновенности собственности".

В конституции КНР "священной и неприкосновенной" по-прежнему является лишь общественная собственность. Бо Сымин пояснил, что аналогичное определение не было применено к частной собственности по двум причинам. Во-первых, так принято во всем мире. В XX в. конституции лишь немногих стран Запада сохранили положение о "священной неприкосновенности" частной собственности, поскольку и за рубежом государство может использовать частное имущество в интересах общества. Эту позицию поддержал его коллега из Центральной партшколы Цзэн Чжишоу: когда во многих развитых капиталистических странах положение о "священной неприкосновенности частной

собственности" уже снято, лишь в Китае некоторые продолжают считать, что частная собственность "священна" и абсолютно неприкосновенна, но эта точка зрения "ошибочна в теории и чрезвычайно вредна на практике". Во-вторых, у слова "священный" есть неуместная для основного закона "религиозная окраска". Если же убрать это слово из формулировки о статусе общественной собственности, может возникнуть ошибочное впечатление, что степень ее защиты снижается. Кроме того, и это не раз подчеркивали различные комментаторы, при внесении поправок в конституцию использовался универсальный принцип "не исправлять того, что можно исправлять или не исправлять".

Новшества в конституции должны ограничивать неправовые действия чиновников. Директор Института юстиции министерства юстиции Лю Уцзюнь полагает, что существование частной собственности ограничивает произвол правительства. Истинное значение конституционного правления (*сяньчжэнь*) — это "ограничение правительства" (*сянь чжэнь*), то есть сдерживание действий власти.

В ходе кампании пропаганды измененной Конституции китайские предприниматели заявили, что новшества добавили им уверенности в завтрашнем дне. Председатель Всекитайской федерации промышленников и торговцев Хуан Мэнфу образно сравнил их с "успокоительной пилюлей" в отношении имущества, тогда как "дух XVI съезда КПК" ранее уже дал бизнесменам "политическое удостоверение" строителей социализма.

Член НПКСК, заместитель председателя комитета НПКСК по социальным вопросам и законодательству Лю Цзяшэнь отметил, что прежде защита частного имущества была прописана в конституции юридически недостаточно четко. Из-за этого частные предприниматели выражали беспокойство по поводу законодательной защиты своего имущества, некоторые не решались инвестировать и расширять производство. Отдельные бизнесмены даже закрывали успешное производство, так как боялись, что если у них будет много денег, то им станут завидовать. Предприниматели предпочитали тратить полученные деньги, часть средств переводили за рубеж. "Мы собираемся привлечь иностранные инвестиции, однако не можем удержать собственные капиталы, которые утекают за границу", — отметил Лю Цзяшэнь.

На страницах западных СМИ постановка этой проблемы была более четкой: китайские предприниматели волнуются, что произойдет смена политического курса. Профессор права Хунаньского университета Ли Буюнь сказал газете "Монд", что "многие предприниматели боятся, что их капитал будет вновь огосударствен в случае, если идеологический маятник вновь качнется влево". Схожий комментарий дал газете "Вашингтон пост" председатель правления группы компаний "Вахаха" Цзун Цинхоу: "Даже если ты богат, ты боишься потерять свое имущество, если поменяется политика".

Одновременно в разъяснительной работе подчеркивалось, что в защите частного имущества нуждаются не только богатые. Председатель правления группы "Синь сиван" из провинции Сычуань, самый богатый в Китае частный предприниматель по рейтингу "Форбс" Лю Юнхао отметил, что правовому новшеству радуются не только богатые, но и простые люди, в том числе "слабые группы" общества "двумя руками ее поддерживают". Сходное мнение высказал гуандунский бизнесмен Ли Ган, указавший на важность правовой защиты для переселяемых в городах и крестьян, у которых забирают землю. О том же заявил профессор Бо Сымин: в выигрыше от поправки будут не только частные и индивидуальные предприниматели, но и "слабые группы", поскольку будут защищены законные права переселяемых городских жителей и лишаемых земли крестьян. В том же русле рассуждает профессор Института экономики Пекинского университета Сяо Чжоцзи: "Защита законного частного имущества — это не только защита "денежных мешков", но и защита имущества простого народа".

Цзэн Чжишоу попытался продемонстрировать “диалектическое единство” между уважением и защитой частного имущества и гарантией прав человека. По его словам, право на имущество является защитной стеной для всех прочих свобод, если она падет, другие права и свободы нельзя будет гарантировать.

Профессор Политико-правового университета Цай Динцзянь подчеркнул, что защита частного имущества является “защитой общих интересов всех слоев китайского общества”. Если конституция будет защищать частную собственность, застройщики и местные правительства, отнимая жилье у людей, уже не будут действовать столь самоуверенно; если народ поймет, что его имущество неприкосновенно, он сможет смелее защищать свои интересы. Китайские специалисты полагают, что это поможет положить конец насильственному выселению, задержке денежных выплат крестьянам, незаконному занятию основных средства производства крестьян — земли. Декан юридического факультета Административной академии Ин Суннянь сказал “Вашингтон пост”, что поправка предоставит усиленную защиту фермерам и мелким землепользователям, чья собственность конфискуется местными правительствами, желающими угодить крупным застройщикам. Такая конфискация, часто коррумпированными официальными лицами, породила волну жалоб в последние месяцы.

Еще в начале разъяснительной кампании в китайских СМИ звучали мнения экспертов, подчеркивавших важность поправки о защите частной собственности для сохранения социальной справедливости и поддержки “слабых групп”. Сотрудник Института китайской культуры Лю Цзюньин подчеркивал, что и без исправления Конституции чиновники могут защитить собственность с помощью своей власти, богатые же могут решить проблему путем установления связей с чиновниками. Однако “слабые группы” могут защитить свою собственность, лишь опираясь на справедливость правительства и законов, рациональность системы налогообложения. По мнению известного экономиста Мао Юйши, поправка о защите частной собственности продиктована также интересами поддержания стабильности в обществе, в котором необходимо увеличивать удельный вес среднего класса. Ссылаясь на опыт развитых стран, ученый указал путь к этой цели: “Необходимо защищать имущество всех людей, в особенности бедных, поскольку права этой группы людей легче всего нарушить, и только так бедные смогут постепенно превратиться в средний класс”.

Вместе с тем богатые китайские бизнесмены выражали надежду, что конституционные новшества избавят их от негативного имиджа нечестных и коррумпированных дельцов. Предприниматель Лю Юнхао хочет, чтобы поправки побудили общество правильно относиться к частному имуществу и богатым людям. Он пожаловался, что в обществе и даже в китайских СМИ звучат темы враждебного отношения к богатству, в телефильмах часто говорят о коррупции “богачей”, создается мнение о “негуманности” бизнесменов, с действиями частного бизнеса связывается чиновничья коррупция. По словам Лю Юнхао, в Китае недостаточно делается для пропаганды роли частных предпринимателей, напротив, преувеличиваются их негативные стороны. На самом же деле, по его словам, большинство частных предпринимателей обогатились в результате собственного законного и упорного труда, они не связаны с взятками и криминалом.

Буквально в тех же словах обрисовал проблему Ли Инин. Видный экономист посетовал, что позитивный имидж частных предприятий по телевизору пропагандируется недостаточно. По его словам, в печати, в кино и на телевидении частные предприниматели связываются с “взятничеством” и “криминалом”, это порождает психологию “ненависти к богатым”.

Рассуждая о положении китайских бизнесменов в обществе, представитель одной из компаний заметил газете “Чжунго гуншан шибао”, что перед лицом различных угроз (неравной конкуренции, неприязненного от-

ношения СМИ, угроз со стороны власти, завистливой “болезни красных глаз”) предприниматели “в действительности являются “слабой группой”, обладающей богатством”.

Появление этих жалоб со стороны бизнеса в ходе кампании по пропаганде изменений в Конституции указывает на то, что новое китайское руководство готово продолжить линию на возвышение политического статуса частного бизнеса и создание для него более комфортных условий внутри страны. Вместе с тем акценты были расставлены таким образом, чтобы “новая политика Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао” показала свою направленность на защиту всех слоев населения, в том числе и уязвимых “слабых групп”. Продвижение тезиса о “правлении в интересах народа” побуждает руководителей трактовать свои решения таким образом, чтобы избежать упреков в ориентации на защиту интересов состоятельной элиты.

А.М.Григорьев. Начинаем обсуждение второго блока — социально-экономические проблемы КНР.

Я.М.Бергер остановился на соотношении экономического роста и социальных проблем Китая в 2003-2004 годах.

Высокие темпы роста, отметил выступающий, — важнейшая характеристика китайской экономики в период реформ и главный стержень “китайского чуда”. Эти темпы сохранялись и при серьезных испытаниях мирового и национального масштаба. Не был в этом отношении исключением и истекший год, когда, несмотря на эпидемию “атипичной пневмонии”, ВВП увеличился на 9,1%, т.е. рост оказался выше, чем в среднем за четверть века реформ (8,8%). Экономический рост позволил добиться выдающихся результатов в социальной сфере: сократились масштабы абсолютной нищеты, увеличилась продолжительность жизни, уменьшилась неграмотность.

Вместе с тем, чем дальше, тем больше, обнаруживались и существенные недостатки как в самом экономическом росте, так и в его социальных следствиях. При этом основные проблемы связаны не столько с количественными параметрами экономического роста, сколько с его качественными характеристиками, с его источниками.

Главным двигателем экономического роста в Китае служат инвестиции, прежде всего — государственные, как централизованные, так и, особенно, местные, и сопровождающие их кредиты, получаемые у государственных коммерческих банков государственными же предприятиями. В то же время доля конечного потребления остается, по мировым меркам, очень низкой. Недостаточность конечного спроса обуславливает неполное использование производственных мощностей, затоваривание рынка, дефляцию и, как следствие, рост безработицы. При этом для производства одного юаня добавленной стоимости требуется сегодня значительно больше инвестиций, чем в 80-х и 90-х годах. По эффективности вложений Китай уступает не только прежним лидерам азиатского роста, но и сегодняшней Индии.

Стремление наращивать ВВП максимально высокими темпами, особенно на местах, ведет к раздуванию масштабов капитального строительства, включая создание дублирующих и демонстрационных объектов далеко не первой необходимости. Периодически (начиная с “большого скачка” в 50-х годах прошлого века) возникает инвестиционный бум. В очередной раз он возник в прошлом году и продолжился в начале текущего года, невзирая на многократные попытки центрального руководства его пресечь. За первые два месяца 2004 г. объем инвестиций в основные фонды в Китае вырос на невероятную величину — в полтора раза, вдвое превысив рост за 2003 год. Объем капиталовложений в основные фонды в черной металлургии вырос за год — 172,6%. В

результате к 2005 г. мощности по производству чугуна и стали могут значительно превысить собственные потребности Китая и вряд ли будут востребованы на мировом рынке. В сходной ситуации находится производство цемента, алюминия. Из 30 отраслей обрабатывающей промышленности в 16 рост инвестиций превысил 100%. Опять забрезжила угроза инфляции.

В сопоставлении с высокими темпами экономического роста их социальная отдача невелика. Нерешенность же важнейших социальных проблем, в свою очередь, не создает базы для надежного роста экономики. Отставание социального развития деформирует структуру экономического роста, придает ему нездоровые черты.

Неадекватность социального развития экономическому росту усугубляет проблемы занятости. Высокие темпы экономического роста не только не уменьшают безработицу, но, напротив, сопровождаются ее увеличением. Главная причина этого — в неадекватном качестве экономического роста, в отставании наиболее трудоемких отраслей и секторов экономики — негосударственных предприятий, в подавляющем большинстве — мелких и средних, и сферы услуг.

Фактическая безработица в городах достигла 10%. Ежегодно создается около 10 млн. новых рабочих мест, потребность же в трудоустройстве в городах в два с половиной раза больше. Уровень безработицы подошел к социально и политически опасной черте. Особенно остро это ощущается в старых промышленных зонах, таких, как Северо-Восточный Китай. Именно поэтому на развитие этого региона направлены усилия нового китайского руководства.

Как показывают социологические опросы, безработица вызывает наибольшую озабоченность городского населения. Ее ставят значительно впереди других серьезных общественных проблем, таких как коррупция, высокая дифференциация доходов, бедность, загрязнение окружающей среды и другие,

В новой концепции развития, принятой 3-м пленумом ЦК КПК 16-го созыва, подчеркивается важность расширения занятости, большое значение придается развитию трудоемких отраслей, поддержке средних и малых предприятий, максимальному расширению сферы услуг.

За годы реформ в Китае одно из самых уравнилельных в мире обществ стало одним из социально наиболее контрастных. Быстрый рост китайской экономики сопровождался не менее быстрым расслоением, а с середины 90-х годов и поляризацией общества. Социологические опросы демонстрируют растущее неприятие значительной частью китайского общества существующих перепадов в уровне получаемых доходов. Особое недовольство вызывают нелегальные доходы, связанные с коррупцией, использованием рычагов власти, монополизацией рынка.

Существующая система социального обеспечения не только не смягчает социальную дифференциацию и поляризацию, но, напротив, их усугубляет, поскольку разрыв в социальных доплатах и пенсиях еще более усиливают различия в заработной плате и доходах.

Выдвинутая Дэн Сяопином в 80-х годах прошлого века установка на опережающее обогащение части людей, социальных групп и регионов сыграла определенную позитивную роль в мобилизации наиболее энергичной, конкурентоспособной и располагающей ресурсами части общества на активное участие в экономическом строительстве. Вместе с тем сегодня эта установка все в большей мере становится идеологическим оправданием усиливающихся социальных контрастов. Поэтому новое руководство все больший упор делает на "совместной зажиточности". Этот тезис предполагает устранение слишком больших разрывов в доходах, поступательное расширение слоя людей со средними доходами, поддержку слабых групп населения, регулирование сверхвысоких и жесткое пресечение нелегальных доходов.

Противостояние города и деревни за годы реформ, особенно за последнее десятилетие, не только не сократилось, но, напротив, стало еще более контрастным, причем во всех сферах общественной жизни — от экономики до культуры и политики. Деревня не только намного беднее города, но она все более отстает в социальном и культурном отношении. Если город, особенно в восточных приморских районах стремительно модернизируется и вестернизируется, то деревня сохраняет в почти неизменном виде многие существенные черты традиционного общества.

Кардинальные изменения в этом соотношении вряд ли наступят, пока сохраняется базовая черта китайского крестьянства — “*жэнь до ди шао*” (людей много, земли мало), т. е. пока в деревне и сельском хозяйстве будет сосредоточена преобладающая часть китайского населения, пока избыточная рабочая сила из деревни не переместится в город и не обретет занятость в более производительных, неаграрных отраслях экономики. Однако этот процесс займет не одно десятилетие. Тем временем улучшение материального, социального, культурного состояния деревни и крестьянства не терпит отлагательства.

Как считают ряд китайских специалистов, в основе комплексного подхода к решению проблемы *сань нун* (три сельских: деревня, крестьянин, сельское хозяйство) должно лежать предоставление крестьянину равноправного гражданского статуса. Это предполагает уравнивание прав жителей города и деревни в доступе к обязательному образованию, ликвидацию системы регистрации (прописки), свободу перемещения, снятие ограничений на доступ к рынку, на трудовую занятость, на доступ к пользованию общественными благами, на демократическое волеизъявление, искоренение дискриминационного отношения к крестьянам.

В серьезной государственной поддержке нуждается экономика села. За годы реформ в полтора раза снизилась доля бюджетных ассигнований на поддержку сельского хозяйства. Деревня испытывает острую нехватку банковских кредитов, что ведет к росту ростовщичества. Рост материального благосостояния и покупательной способности крестьян сдерживается как низкими доходами, так и продолжающими существовать ножницами цен.

Острейшей проблемой существования и выживания китайского крестьянина стало отчуждение пахотных земель местными властями под городскую и промышленную застройку, прокладку дорог, создание т.н. “районов освоения” (*кайфа цюй*). Очень часто изъятие земель производится либо безвозмездно, либо за совершенно не адекватную плату. Обезземеливание крестьян, называемое в Китае “новым огсраживанием”, лишает крестьянина не только главного средства производства, но и, по сути, единственной страховой гарантии от старости, болезни, нетрудоспособности.

“Обезземеливанию” крестьян способствует отсутствие ясности в главном вопросе земельных отношений современной китайской деревни — т.н. коллективной собственности на землю, точнее, в вопросе о том, кто конкретно, в точном юридическом смысле, является собственником земли и какими правами он располагает. Пользуясь этой неопределенностью, власти отбирают за бесценок у крестьян землю, которая потом часто оказывается в руках земельных спекулянтов, многократно повышаясь в цене и принося, таким образом, баснословные прибыли им самим и посредникам.

Новое партийно-государственное руководство КНР с первых своих шагов обозначило первоочередную важность проблем деревни, крестьянства и сельского хозяйства. В документах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва был намечен ряд мер, направленных на улучшение экономического и социального положения крестьянства. Было предложено усовершенствовать и реформировать порядок возмездного изъятия земель. Еще раз подтверждено право крестьянских домохозяйств на легальную, добровольную и возмездную передачу права

землепользования. Ускорение этого процесса имеет большое значение для повышения эффективности сельского хозяйства путем постепенной укрупнения земельных участков и сосредоточения их в руках наиболее успешных земледельцев. Одновременно создаются необходимые условия для высвобождения части сельских работников от работы на земле и перехода их в другие, более производительные отрасли хозяйства.

Подчеркивается также необходимость создания равноправной системы занятости для трудящихся города и деревни. С этой целью предписано снять ограничения на работу крестьян в городах, а для имеющих стабильную занятость и жилье — и на прописку.

Косвенные, опосредованные сферой обращения субсидии крестьянам заменяются прямыми субсидиями, что позволит лучше защитить интересы хлеборобов и полнее использовать рыночные механизмы. Переход к прямым дотациям является шагом вперед, поскольку он не искажает сигналы рынка и не ведет к накоплению излишков зерна. Однако наиболее радикальным выходом, по мнению некоторых специалистов, была бы полная отмена всех дотаций наряду с полным отказом от взимания налогов.

Решениями 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва был окончательно отменен установленный еще в 50-е годы налог на неосновную сельскохозяйственную продукцию. Тем самым налоговое бремя облегчается на 4,8 млрд. долл. Ставка сельскохозяйственного налога будет последовательно сокращаться. Снижение ее в текущем году уменьшит налоговое бремя дополнительно на 7 млрд. юаней. В течение 5 лет этот налог будет полностью отменен.

Принятый в начале февраля 2004 года документ ЦК КПК и Госсовета КНР (названный очередным документом номер один, по примеру документов, действительно судьбоносных для реформ в деревне, под такими же порядковыми номерами в начале 80-х годов) посвящен важнейшей проблеме — повышению доходов крестьян, в особенности хлеборобов в основных зернопроизводящих районах. Это первый партийный документ такого уровня, специально посвященный данной проблеме. Озабочиться ею власти были вынуждены падением материальной заинтересованности крестьян в хлеборобстве, что имело своим следствием уменьшение в прошлом году сбора зерна и соответственно серьезное повышение цен на него.

В связи с этим, согласно докладу Вэнь Цзябао на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва, из бюджета выделяются значительные средства, которые пойдут на поддержку налоговой реформы в деревне (39,6 млрд. юаней), на прямые дотации хлеборобам (10 млрд. юаней), на улучшение сельской экологии, социальной сферы, особенно на развитие здравоохранения и 9-летнего обязательного образования, а также инфраструктуры.

Провозглашенный правительством курс на освоение Запада пока не только не сократил разрыв между восточными, центральными и западными регионами, но и не привел к перераспределению инвестиций между ними. Быстрое развитие приморских регионов, где проживает примерно 400 млн. чел., очень мало способствует развитию внутренних территорий, где проживает более 900 млн. чел. Это два разных мира, все более расходящихся друг от друга. Первый все более втягивается в глобальные процессы, становясь “мировой фабрикой”, второй — остается очень мало затронутым глобализацией и рыночными реформами.

Сокращение зазора между экономическим и социальным развитием призвано укрепить роль социальной справедливости как одной из важных ценностей развития. Вера в существование этой ценности, как и иных нематериальных, неденежных целей и идеалов, за годы реформ существенно пошатнулась в глазах огромной части общества, получающей от реформ все меньшую долю общего пирога. Расхожая формула “приоритет эффективности при

одновременном внимании к справедливости" (*сялюй юсянь, цзяньгу гунпин*)" слишком часто оборачивалась поправлением интересов подавляющего большинства народа. Восстановление, хотя бы частичное, былой веры в справедливость партийного и государственного курса, а не только в его экономическую действенность, по-видимому, входит в задачи нового руководства, стремящегося тем самым упрочить социальную стабильность в стране, оберечь ее от возможных катаклизмов и поддержать легитимность правящей партии и проводимых ею преобразований.

Л.И. Кондрашова (главный научный сотрудник ИДВ, д.э.н.) в своем выступлении исходила из того, что итогами 25-летнего проведения экономической реформы в КНР являются большие достижения Китая в экономической и социальной сферах. Задачи, которые ставило перед собой "конструкторское бюро" реформаторов, были успешно выполнены:

Значительно повысился общий экономический потенциал. По объему ВВП, рассчитанному по покупательной способности валют, Китай занимает теперь 2-ое место в мире после США.

Как полагают китайские специалисты, Китай, согласно принятым международным стандартам, является страной с рыночной экономикой. В 2001 г. уровень развития рыночной экономики составил 69%. Учитывая огромные размеры страны, значительную долю сельского населения и другие факторы, этот показатель можно считать близким к оптимальному.

В Китае создана многоукладная экономика при существенном снижении, по сравнению с прошлым, доли государственной собственности. Поскольку китайская статистика по существу отказывается от разделения экономики по секторам с учетом формы собственности, проследить тенденцию разгосударствления в будущем будет весьма затруднительно.

Рост внешней торговли и иностранных инвестиций вкуче с провозглашенным призывом "идти вовне" свидетельствует о значительном прогрессе в осуществлении политики внешнеэкономической открытости.

Общее значительное повышение уровня благосостояния в стране дало основание констатировать построение общества "сяокан", хотя и в первоначальном виде.

Можно говорить о завершении второго этапа реформы, рубежом которого явился XVI съезд КПК (2002 г.). При более строгом подходе к самому понятию "реформа", которая не может быть бесконечным процессом идентичным понятию эволюции, в дальнейшем следует вести речь об этапах социально-экономического развития КНР, или "эпохи Реформации".

Вместе с тем многие моменты свидетельствуют о незавершенности реформы, о ее просчетах и отрицательных последствиях (рынок нецивилизованный, реформа собственности не доведена до конца, открытость имеет свои явные минусы, отстает сфера науки и образования и т.п.). Если суммировать все "плюсы" и "минусы", можно сделать вывод, что Китай до сих пор был занят увеличением размеров "экономического пирога" и эта сверхзадача оттеснила на второй план социальную справедливость, что обернулось имущественной и региональной дифференциацией, отставанием темпов повышения жизненного уровня и развития социальной сферы. В погоне за экономическим ростом и "модернизацией" Китай пожертвовал не только социальной справедливостью, но и естественной средой, многими традициями, прежде всего традициями семьи, клановости и нравственности.

Помимо "вечных" проблем, решение которых не может не затянуться на многие годы (как проблема чрезмерной антропогенной нагрузки на землю), существуют сложности самой реформы, в частности, естественная асинхронность ее проведения в жизнь, и, кроме всего прочего, проблемы самого вы-

бранного пути развития, т.е. те пороки, которые имманентны рыночной экономике как таковой. Китай до сих пор не вышел за пределы т.н. “азиатской модели развития”, при которой высокие темпы роста достигаются за счет мобилизации экстенсивных факторов производства, но смена экстенсивной модели на интенсивную повлечет за собой осложнение проблемы занятости, удорожание экономического роста за счет дополнительных вложений в человека и исчезновение преимуществ в виде низкооплачиваемого труда (стратегия “сравнительных преимуществ”).

Как определить общество, построенное в Китае? На мой взгляд, наиболее подходящей была бы характеристика существующей системы как “рыночного социализма”, имея в виду совмещение рыночного хозяйственного механизма, заменившего директивное планирование, с руководящей ролью КПК и с повышением благосостояния населения при идеологической ориентации на социалистические идеалы в виде социальной справедливости, сокращения эксплуатации, социальной защищенности граждан.

Вместе с тем очевидна внутренняя противоречивость термина “рыночный социализм”, его переходный характер и заложенная в нем тенденция перерастания в “нормальный капитализм”. По мнению известного польского экономиста Л. Бальцеровича, реформы рыночного типа на первом этапе закономерно ведут к размыванию концепции социализма в виде цены, которую нужно заплатить, чтобы возросли шансы на проведение перемен. В дальнейшем такая идеологическая маскировка может быть снята.

Переживаемый в настоящее время Китаем переломный момент вновь ставит его перед выбором пути дальнейшего развития. Это отмечают и современные китайские лидеры, фиксирующие необходимость “смены экономической модели”. Провозглашенное “углубление реформы” означает, по сути, дальнейшую капитализацию страны, ее модернизацию по западному варианту. Социальная составляющая и сама социалистическая перспектива оказываются под угрозой.

Думается, что современные китайские лидеры осознают эту угрозу. Выдвигаемый сейчас лозунг “ставить человека во главу угла” требует не только повышения уровня жизни народа. ликвидации разросшейся имущественной дифференциации, но и принципиально иного отношения к характеру потребления, ухода от западного потребительства как способа стимулирования платежеспособного спроса. Лидеры КПК не могут не отдавать себе отчета в том, что дальнейшая либерализация китайской экономики потребует демократизации Китая по западному образцу и подрывает ведущую роль КПК. За всем этим маячит самая главная опасность — раскол страны с целым рядом непредсказуемых последствий.

Б.Кулик (главный научный сотрудник ИДВ, д.и.н.) посвятил свое выступление вопросу о том, насколько новый акцент в экономической политике китайского руководства — перемещение центра тяжести на развитие социальной сферы, провозглашение принципа “ставить человека во главу угла” — согласуется с требованиями и объективными закономерностями рыночной экономики, насколько реален новый курс.

Главным рычагом развития рыночной экономики является извлечение максимальной прибыли, что и обеспечивает высокие темпы этого развития. По своей природе рынок не может и не должен поступаться выгодами ради филантропических целей. В КНР сейчас сотни тысяч частных предприятий, и вряд ли можно предположить, что их владельцы пойдут на самоограничение своих доходов во имя повышения жизненного уровня рабочих. Как показывает практика, даже при высокой рентабельности предприятия капиталист предпочитает тратить сверхприбыль на удовлетворение своих личных потребностей,

какими бы причудливыми они ни были. Набивший оскомину пример этого — наш Р.Абрамович, с его покупкой футбольного клуба “Челси”. С какой стати китайские капиталисты будут большими благотворителями? В силу чего в КНР станет сокращаться разрыв между богатыми и бедными — первые опустятся ко вторым, или вторые подтянутся к первым?

Осуществление нового экономического курса предполагает повышение роли государства в экономике. Но это тоже противоречит правилам рыночной экономики, апологеты которой исповедуют принцип “рынок сам все отрегулирует”. Во всяком случае у нас в стране, где руководство экономикой осуществляют ортодоксальные рыночники, ведется линия на уход государства из сферы экономики.

Но дело не только в воле государства. Во власть в КНР все больше входит китайская буржуазия, которая будет навязывать свои правила игры. Вряд ли она позволит государству играть роль благодетеля бедных и сирых за счет своих интересов, защита которых сейчас гарантирована Конституцией в статье об охране частной собственности.

Китайское руководство подчеркивает, что рыночная экономика в КНР есть социально-ориентированная экономика. В связи с этим возникает вопрос, почему за 25 лет осуществления такой модели экономики сложилось столь неприглядное положение в социальной сфере?

25 лет — это срок существования Советского Союза с 1945 г., когда его экономика оказалась в чрезвычайно тяжелом положении из-за агрессии фашистской Германии, до 1970 г. Тем не менее в 1970 г. в СССР не возникал вопрос о сокращении хотя бы наполовину численности населения, находящегося за чертой бедности, ибо эта черта осталась далеко позади. Не произошло в Советском Союзе также отмены бесплатного образования и здравоохранения. А ведь советская экономика развивалась исключительно при опоре на собственные силы, ее не подпитывали ни американские, ни японские инвестиции, ни капиталовложения эмигрантов. Более того, она тратила огромные ресурсы на оказание помощи тому же Китаю, обеспечив создание его индустриальной базы, и целого ряда других стран: Вьетнама, Монголии, восточно-европейских государств, стран третьего мира. Несмотря на столь тяжелые обстоятельства, Советский Союз, поддерживая значительно более высокий уровень жизни населения, чем сейчас в КНР, добился паритета в военной области с экономически мощнейшей американской державой. И сделано это было на основе плановой экономики, без использования частнокапиталистического фактора.

В докладе Вэнь Цзябао на сессии ВСНП неблагоприятное положение в социальной сфере объясняется недосмотром руководства, которое чрезмерно увлеклось обеспечением высоких темпов экономического развития. Однако было ли это всего лишь недосмотром, оплошностью? Не обстоит ли дело так, что как раз этот “недосмотр” и обеспечил китайское “экономическое чудо”, то есть чрезвычайно высокие темпы развития экономики? Другими словами, не является ли выявившееся опасное отставание социальной сферы порождением рыночной экономики, которая сводит на нет усилия придать ей социальную ориентацию, или, по меньшей мере, в значительной степени снижает результативность этих усилий?

Возникает и вопрос о том, достаточно ли полно выявлены рычаги, пружины китайского “экономического чуда”. Два года назад делегация ученых нашего Института, в составе которой довелось быть и мне, при посещении в Шанхае района Пудун, выясняли у местных руководителей, что главным образом обеспечило необыкновенный строительный бум в городе. Нам ответили: “Дешевая рабочая сила”. Как выяснилось, она была дешевой настолько, что сводилась к оплате питания рабочих. Вряд ли это можно отнести к наличию

социальной ориентации китайской рыночной экономики, зато выявляет один из факторов ее успехов.

В целом, как мне кажется, остается недостаточно выясненным вопрос, возможно ли удовлетворительное разрешение противоречия между закономерностями рыночной экономики и задачами повышения жизненного уровня народа. Как мы видим, китайский опыт пока не дал ответа на этот вопрос. Возможно, мы получим его в результате осуществления линии, взятой последней сессией ВСНП. Очень бы хотелось надеяться на это. Тогда модель строительства социализма с китайской спецификой докажет свою всемирно историческую значимость. Если же сочетание рынка и процветания социальной сферы окажется недопустимым, то новый курс не сможет превратиться в стратегию экономического развития КНР и будет выполнять только роль регулятора социальной напряженности.

В целом требуется более строгий, более критический, более взыскательный анализ нового курса китайского руководства.

Р.М.Асланов (зам. директора ИДВ, к.и.н.) подчеркнул, что в докладе о работе правительства, с которым выступил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао 5 марта 2004 г. на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва, впервые сделано очень важное признание о том, что высокие темпы роста ВВП отрицательно сказываются на росте благополучия большинства населения страны. Вэнь Цзябао, в частности, указал, на чрезмерно большой разрыв в уровне доходов у части членов общества, отмечалось, что доходы крестьян растут медленно, не решены задачи занятости и социального обеспечения, многим трудно поступить на учебу, обратиться к врачу, людям с низкими доходами все еще живется очень трудно.

По мнению выступавшего, это говорит о том, что социализм с китайской спецификой, нацеленный, главным образом, на развитие рыночных отношений, охвативших все стороны общественно-экономической жизни Китая, утрачивает свой социальный, т.е. социалистический компонент, столь сильно привлекавший широкие массы населения страны.

На XVI съезде КПК, характеризуя противоречия в современном китайском обществе, Цзянь Цзэминь отметил, что "противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством по-прежнему остается главным противоречием нашего общества".

В концепции "трех представительств" Цзянь Цзэминь на первое место поставил развитие производительных сил. Такое развитие должно служить удовлетворению постоянно растущих материальных и культурно-духовных потребностей народа.

При этом почему-то не акцентируется внимание на противоречии между производительными силами и производственными отношениями. По-видимому, считается, что это противоречие уже изжито в обществе, что производственные отношения в КНР уже соответствуют уровню производительных сил и не противостоят ему. Однако, если средства производства принадлежат отдельным людям или группам, то и производимая продукция принадлежит им, а распределение производится в формах, которые соответствуют интересам собственников производства.

Если противоречия между производительными силами и производственными отношениями рассматривать в конкретных китайских условиях, то можно увидеть, что развитие производительных сил, их подъем прямо связаны с рыночными отношениями: чем более полно развиваются рыночные отношения, тем более эффективно развиваются производительные силы, собственниками которых все в большей мере становятся не только государство, но и частные национальные и зарубежные предприниматели. Поэтому основная

часть валового внутреннего продукта (ВВП) распределяется между государством и другими владельцами капитала, и только какие-то крохи достаются основной массе китайского населения. Таковы законы рынка, таково объективное противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Судя по докладу Вэнь Цзябао, правительство хочет изменить сложившееся положение, усилить внимание к социальной сфере, “повернуться лицом к человеку”. Однако рыночные отношения, закрепленные теперь в Конституции КНР, не оставляют надежд на повышение уровня жизни большинства китайского народа, если не будет снято противоречие между производительными силами и производственными отношениями, основу которых составляет рынок и частно-собственнические интересы. Р.Асланов высказал предположение, что руководство Китая предпринимает попытку решить эту проблему, переставив акценты в формуле “рынок-социализм” и поставив на первое место социализм. Без удовлетворения социальных потребностей китайского народа, достижение величия и могущества китайского государства и китайской нации теряют свой смысл, поскольку оно ничего не дает простым людям страны. Кажется, это начинают осознать представители четвертого поколения руководителей КНР.

Карлусов В.В. (главный научный сотрудник ИДВ, д.э.н., профессор) рассмотрел в своем выступлении, во-первых, проблему ресурсообеспеченности дальнейшего экономического роста Китая и, во-вторых, проблему адекватности степени институализации частной собственности в КНР нормативному уровню в мировой экономике. Состояние других острейших вопросов, как и ряда элементов “абсолютной”, на первый взгляд, специфики в развитии Китая (например многих “болячек” аграрного сектора, социально-демографических проблем, включая безработицу, “безусловной” приоритетности внешней торговли и др.), будучи, казалось бы, первичным по своей сути, на деле во многом носит производный характер от методик и скорости — особенно после вступления в ВТО — решения в Китае двух указанных выше *кардинальных* проблем.

Серьезнейшая обеспокоенность по поводу ресурсообеспеченности дальнейшего быстрого экономического роста Китая красной нитью проходит через ряд разделов доклада Вэнь Цзябао на сессии и тексты нескольких важных интервью, данных им непосредственно после ее завершения. Здесь прямо констатируется тот факт, что китайская экономика “переживает ключевой момент”, что “в ходе быстрого развития возник ряд серьезных противоречий и проблем. В числе последних слишком большой объем инвестиций, дисбаланс предложения и спроса на энергоносители, транспортные перевозки, важнейшие виды сырья, сокращение сбора зерновых, рост потребительских цен на товары и др. Все это признается “новым, серьезным испытанием для китайского правительства”. Отсюда — одно из резюмирующих предложений снизить “предполагаемый рост экономики в нынешнем году, определив его в размере примерно 7%”.

Наряду с мобилизацией *внутренних* факторов для преодоления ресурсных (прежде всего энерго-сырьевых и транспортно-инфраструктурных) ограничителей экономического роста КНР (ускорением строительства угледобывающих баз, электростанций и электросетей, форсированием разведки и добычи нефти, других важных видов ресурсов, ускорением строительства транспортных магистралей и узлов) и переходом от экстенсивного, ресурсозатратного к интенсивному типу экономического роста в Китае важнейшее значение придается развитию *внешних*, в первую очередь *внешнеэкономических* факторов, решения данной проблемы. Вэнь Цзябао призывает полностью использовать как отечественные, так и зарубежные рынки и ресурсы, расширять пространство для собственного развития, увеличивать открытость внешнему миру, наращивать возможности для участия в международном сотрудничестве и конкуренции, расширять импорт дефицитного сырья, ключевых технологий и

особо важного оборудования. Более конкретные рекомендации из этой серии включают в себя, например, возрождение пограничной РФ «северо-восточной промышленной базы», импорт энергоносителей и другого сырья Китаем из России, между которыми, как отметил Вэнь Цзябао в одном из интервью после сессии, «существуют огромная экономическая взаимодополняемость и географические преимущества, что определяет огромный потенциал расширения двустороннего торгово-экономического сотрудничества».

На основании этих и других подобного рода фактов можно, в частности, сделать вывод о том, что опережающий по отношению к динамике ВВП рост оборота внешней торговли, прежде всего импорта энергоносителей и другого сырья, фактически рассматривается Китаем — особенно в условиях нового уровня его интеграции в мировое хозяйство как члена ВТО — в качестве *необходимого внешнего средства преодоления внутренней ресурсно-сырьевой недостаточности экономического роста*. Исчерпывая собственные экстенсивные факторы опережающего экономического роста, Китай как активный субъект мирового хозяйства пытается найти варианты их внешней замены, используя для этого, в частности, возможности ресурсно-энергетического потенциала России.

Проблема *институализации частной собственности*, несмотря на заметные достижения на различных этапах ее решения в реформенный период, остается для КНР не менее важной, во всяком случае по степени значимости для экономики и всего общества последствий неполного соответствия указанной институализации нормативному уровню основных стран-конкурентов Китая на мировых рынках. Так, во многом благодаря переходному состоянию отношений собственности в аграрном секторе экономики «крестьянские доходы растут медленно, тяжелы задачи занятости», «сравнительно велико сокращение производства зерна, относительно острый характер обрели явления захвата пахотной земли в нарушение всех законов и правил». Неразвитость общекитайского рынка капиталов является одной из причин того, что «неравномерно идет региональное развитие». Нелегитимность де-факто приватизации в секторе крупных госпредприятий воспроизводит их массовую низкую прибыльность или убыточность. Последняя, в свою очередь, наряду с незавершенностью рыночного реформирования финансово-банковской системы увеличивает и без того значительный, вполне сопоставимый, например, с объемом валютных запасов страны, размер «плохих» кредитов (или «безнадежных активов») государственных коммерческих банков (их размер в 2003 г. приблизился к 2 трлн. ю., или почти 242 млрд. долл.).

В период, прошедший после XVI съезда КПК в Китае, согласно цитируемому докладу, «продолжалась реализация установок на стимулирование необщественной экономики». Не вдаваясь в детали, выделим несколько основных направлений этой государственной политики. Первое, законодательно-нормативное, можно содержательно охарактеризовать как дальнейшие усилия по преодолению неполноты *легитимности* частной собственности в Китае на макро- и микроуровнях общественных отношений. Здесь и внесение известной принципиальной поправки в Конституцию КНР о «неприкосновенности законной частной собственности граждан», и жесткая рекомендация правительствам всех ступеней аннулировать либо исправить все административные акты и установки, которые сдерживают развитие частного сектора экономики, расширить его допуск на рынок.

Второе направление предполагает активизацию и ускорение силами и средствами частных предпринимателей давно, но медленно идущей фактической приватизации предприятий госсектора, включая инфраструктурные отрасли. Третье направление — ускорение «введения современного порядка права собственности», т.е. фактически комплекса правомочий, посредством которых реализуется частная собственность, и соответствующей ему системы правовых

гарантий. Четвертое направление включает административно-организационные меры по санации теневой экономической деятельности, повышению нормативности рыночной среды.

З.А.Муромцева (старший научный сотрудник ИДВ, к.э.н.) отметила, что главным направлением реформы в госсекторе промышленности в 2003 г. был поиск эффективных мер по контролю и управлению государственным имуществом. На 1-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2003 г. был образован Комитет Госсовета, задачу которого с известной долей допущения можно охарактеризовать как стимулирование приватизации государственных предприятий. На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва была поставлена задача усовершенствовать управление госимуществом путем реформы государственных предприятий, банковской системы и формирования современной системы имущественных прав.

В связи с присоединением Китая к ВТО все отчетливее обнажаются противоречия существующей переходной банковской и финансово-налоговой системы, которая все менее соответствует развитию рыночных условий. Китай имеет большой опыт в использовании финансово-налоговой системы для макрорегулирования, но она играет слабую роль в микрорегулировании.

Реформа госсектора направлена на создание системы современных предприятий и транснациональных и трансрегиональных компаний, которая могла бы стать важным фактором интеграции Китая в глобальную экономику.

В конце 2003 г. Комитет по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР разработал "Предложения о нормативном преобразовании государственных предприятий", которые регламентируют продолжающийся процесс углубления реформы государственных предприятий. Этот документ восполняет несовершенство действующего законодательства, которое порождает утечку государственных активов. Цель документа — всемерное содействие развитию смешанной формы собственности, в которой участвуют государственный, коллективный и необщественный капитал, диверсификация инвесторов и расширение акционерной системы. Предполагается, что акционерная система со временем станет главной формой реализации общественной собственности. Смешанный сектор экономики сейчас составляет 40%. Через 5—10 лет он увеличится до 80%. Государственный капитал будет сосредоточен в отраслях и сферах экономики, связанных с государственной безопасностью и ключевыми артериями народного хозяйства.

На состоявшемся в ноябре 2003 г. в Пекине Международном форуме, посвященном слиянию и перегруппировке предприятий, был отмечен высокий удельный вес госсектора в отраслях, не относящихся к обеспечению государственной безопасности и командным высотам в экономике. Большая доля госсектора по-прежнему сосредоточена в ряде компаний с ограниченной ответственностью и акционерных компаниях, включая биржевые корпорации. Кроме того, на рынке остается большая группа государственных предприятий, подлежащих банкротству и закрытию. В 2004 г. продолжится процесс банкротств и закрытия предприятий, и их освобождение от функций социального обеспечения. В качестве субсидий на банкротство и закрытие предприятий предполагается, как и в 2003 г., выделить 17 млрд. ю.

Реорганизация государственного сектора экономики требует совершенствования законодательной базы и рынка капитала. Поощряются привлечение иностранного и негосударственного капиталов и их котировка на бирже. Стимулируется деятельность предприятий центрального подчинения по инвестированию, созданию и скупке предприятий за рубежом. Создается и совершенствуется механизм вывода с рынка безнадежных предприятий. Продолжает совершенствоваться система по зарубежному предоставлению консалтинговых услуг, правовых гарантий и международной координации в области инвестиро-

вания. Совершенствуются законодательные акты о закупке китайских предприятий зарубежными инвесторами. Все эти меры направлены на формирование современной системы предприятий с высокой конкурентоспособностью, самостоятельной интеллектуальной собственностью и широкоизвестными марками продукции.

Л.Д.Бони (ведущий научный сотрудник ИДВ, д.э.н.) остановилась на проблеме перехода к новой модели развития.

Судя по решениям XVI съезда КПК (2002 г.), 3-го пленума 16-го созыва (2003 г.) и конкретизирующим их материалам 2-й сессии ВСНП 10-го созыва (март 2004 г.), китайская деревня дождалась своего часа. Государство реально приступает к комплексной программе решения проблем деревни, известных как “сань нун” (т.н. “три сельских”), этих наиболее острых социально-экономических и политических проблем страны конца 1990-х — начала 2000-х гг. Иначе говоря, речь идет об отказе от мобилизационной модели экономического роста, с ее практикой внеэкономического принуждения сельского производителя расставаться со значительной частью произведенного им прибавочного продукта на цели индустриализации. Эта модель, применяемая во многих развивающихся странах и в свое время в СССР, используется в китайской деревне с 1953 г. (т.е. целых пятьдесят лет), со времени введения системы единых обязательных закупок (и единого снабжения) основных видов сельскохозяйственной продукции по ценам, устанавливаемым государством. За счет “ножниц цен” (т.е. неэквивалентного обмена) из деревни ежегодно, вплоть до сегодняшнего дня, изымались значительные средства в центральный бюджет (до 200 млрд ю. в год, по некоторым оценкам). Форм экономического принуждения в деревне оказалась много. Это и чрезмерно разросшаяся в 1990-х гг. практика различных дополнительных поборов и отчислений средств из доходов крестьян на многочисленные местные нужды. “Бремя” поборов составляло до 15% чистого душевого дохода крестьянина и достигало в последние годы 180 млрд ю. в год, число поборов превышало сто разных видов. Это — система трудовой повинности, согласно которой каждый двор должен был бесплатно отработать определенное число дней на различных строительных и ремонтных работах. Это — заниженная стоимость возмещения крестьянам за подрядную землю при официальном ее отторжении местными властями, что привело к появлению целого слоя “безземельных и безработных” крестьян в деревне (свыше 20 млн. человек в 2002 гг.). Это — огромная утечка средств из деревни в город через каналы денежной и финансовой системы. В результате общая сумма кредитов, полученных агросферой и несельскохозяйственной сферой в деревне в 2002 г., например, составляла 10,4% всех кредитов, выделенных денежной системой Китая, вклад же деревни в ВВП страны превышал в тот год 46%. Львиная доля кредитов (80,6%) досталась экономике города, которая обеспечила свыше 50% стоимости ВВП. Китайские ученые подсчитали, что для производства стоимости в 1 юань в ВВП городу потребовалось 2 юаня кредитов. Таким образом, за счет деревни покрывается низкая эффективность и убыточность предприятий города, обеспечивая им более высокие темпы развития. Темпы развития сельского хозяйства сильно отставали, замедлились темпы роста доходов крестьян, упала покупательная способность деревни, увеличился разрыв в уровне доходов и качестве жизни села и города. Проблема доходов крестьян приобрела крайне острый характер. Экономическая структура экономики страны оказалась деформированной. Отставание социально-экономического развития деревни все больше сказывается на динамике развития экономики страны, на социальной стабильности общества. Несомненно, падение производственной активности крестьян, особенно в главных зерносеющих районах, стало одной из важных причин резкого снижения производства зерновых в самые последние годы. Возникновение очагов социальной напряженности в ряде сельских районов также свидетельствует о том, что в китайской деревне был превышен допустимый предел внешнеэкономического изъятия. Исторически неизбежная на начальном этапе развития, мобилизационная модель изжила себя еще к началу 1990-х гг., о чем открыто предупреждали многие видные китайские ученые и практики.

Об отмене мобилизационной модели свидетельствуют не только провозглашенные установки последних партийно-правительственных документов, но уже целая серия конкретных шагов, предпринятых в 2003-2004 гг., в т.ч. отмена системы обязательных закупок по всей стране, отмена налога на специализированные виды сельхозпродукции и лесной продукции (кроме табака), снижение ставки сельскохозяйственного налога и объявленное намерение ликвидировать этот главный налог через пять лет, увеличение инвестиций непосредственно в сельское хозяйство на 20%, введение прямых субсидий крестьянам-хлеборобам, пересмотр соотношения между накоплением и потреблением в национальном доходе с учетом интересов деревни и пр. Согласно Документу ЦК КПК № 1, (декабрь 2003 г.), в деревне с 2004 г. активизируется углубление системных реформ по четырем направлениям: реформа системы отторжения пашни и возмещения за нее, реформа налоговой системы и денежных выплат для дальнейшего снижения "бремени" крестьян, реформы системы обращения зерна (переход к закупкам по рыночным ценам), реформа денежной системы в деревне (сделать кредиты доступными крестьянским дворам). Как известно, XVI съезд КПК уже объявил о снятии всех политических и системных преград на пути миграции крестьян в города. Эти системные реформы дополняют начавшиеся еще в 1999 г. структурные реформы производственной и отраслевой структуры агросферы, сельской экономики.

Главными теоретическими установками, направленными на отказ от мобилизационной модели роста, стали три: 1) проводить курс в деревне: "меньше брать, больше давать, оживлять"; 2) ликвидировать двухосновную структуру общества и экономики (с ее принципом "двух политик в одном государстве" и изоляцией деревни), как основы механизма внеэкономического принуждения в деревне; 3) "единое комплексное планирование социально-экономического развития города и деревни".

Значение смены мобилизационной модели выходит далеко за рамки деревни. Оно означает одновременно отказ от политики преимущественного развития отдельных сфер, регионов и переход к пропорциональному, сбалансированному развитию, как основы социальной экономической стабильности и гарантии устойчивого роста и повышения эффективности. Более того, понятие "единое планирование" принимает расширенное толкование, выдвигая в повестку дня стратегию комплексного пропорционального развития основных направлений общественного производства, включая его главные компоненты — человека и природу: "Единое планирование развития города и деревни, регионального развития, развития экономики и социальной сферы, гармоничного развития человека и природы, внутреннего развития и открытости внешнему миру" (Доклад о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва. Жэньминь жибао. 17.03.2004).

Как далеко может пойти руководство в плане облегчения "бремени" деревни и крестьянина? По крайней мере, до тех пределов, которые позволят значительно поднять темпы роста доходов крестьян, восстановить их производственную активность, восстановить и развить зерновой производственный потенциал, существенно сократить разрыв в уровне доходов города и деревни, обеспечить доступность основных общественных благ на селе (образование, здравоохранение, страховая система и пр.), и таким образом, создать условия стабильности и прочную материальную базу для решения долгосрочных стратегических целей, обозначенных XVI съездом КПК.

Л.А.Волкова (старший научный сотрудник ИДВ, к.э.н.) отметила, что проблемы деревни в 2003 г. еще более обострились, поскольку в стране произошли серьезные стихийные бедствия, имевшие своим результатом уменьшение объемов производства многих сельскохозяйственных культур, что обусловило снижение доходов крестьян прежде всего в зернопроизводящих районах. В 2003 г. производство зерна составило 430,67 млн. т, что на 26,4 млн. т, или на 5,8% ниже уровня 2002 г. и почти на 16% ниже рекордного урожая в 512,3 млн. т, полученного в 1998 г. В разной степени снизилось производство

маслосемян, сахарной свеклы, табака, очень незначительного урожая фруктов и овощей.

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Докладе о работе правительства на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва признал, что “народ все еще кое-чем недоволен” и “доходы крестьян растут медленно”. Можно предположить, что внимание к социальной сфере, развитие которой зримо отстает от развития экономики, является в определенной мере вынужденной реакцией руководства на обострение проблем прежде всего в деревне.

Одна из наиболее животрепещущих проблем — земельная. Китайские руководители с беспокойством отмечают сокращение пахотной площади, захваты пахотной земли в нарушение всех законов и постановлений. Несмотря на многолетние усилия руководства, не удается прекратить или хотя бы существенно затормозить процесс сокращения пашни. По данным на 2002 г., пахотная площадь составляла 130,04 млн. га. В течение 2003 г. официально зарегистрированное чистое сокращение пашни превысило 2,5 млн. га. Пашня изымается под различное строительство, для улучшения экологической обстановки, разрушается под воздействием стихийных бедствий. Достижение примерного баланса между площадью под сельскохозяйственными культурами, необходимой для обеспечения продовольственной безопасности страны, и поддержанием экологических условий, гарантирующих устойчивое развитие общества, — задача в условиях Китая столь же важная, сколь и труднорешимая.

Второй аспект земельной проблемы — крестьянское землепользование на базе семейного подряда. Утвердившаяся в начале 1980-х годов форма мелкого крестьянского землепользования, формально оставаясь неизменной в течение 25-летнего существования с ориентацией на длительную перспективу, претерпела определенную корректировку. Руководство не оставляло попыток в различных формах объединить земельные участки и сами крестьянские хозяйства для ведения более крупного хозяйства, которое могло бы быть и более эффективным. Вместе с тем возможность передавать право пользования подрядными земельными участками оживила незаконную деятельность по использованию их в несельскохозяйственных целях, прежде всего для строительства домов и других объектов. Введенный в действие с 1 марта 2003 г. “Закон КНР о земельном подряде в деревне” должен защитить права и интересы крестьян в пользовании подрядными участками. За нарушение этих прав предусматривается гражданская, а в особо серьезных случаях и уголовная ответственность.

И.Б.Шевель (ведущий научный сотрудник ИДВ, к.э.н.) рассмотрел вопросы бюджетной и финансовой политики КНР.

Доходы бюджета в 2003 г. превысили показатель 2002 г. и наметки на 2003 г. Однако финансовые расходы страны возросли в больших масштабах, что привело к бюджетному дефициту.

Продолжалось проведение активной финансовой политики. Для финансирования проектов были выпущены казначейские обязательства на сумму 140 млрд. ю. Были изменены направленность и структура их использования в пользу деревни, центральных и западных регионов, развития науки и технологий, образования, охраны окружающей среды и нужд здравоохранения.

Увеличились трансферты из центрального бюджета в местные бюджеты на социальное обеспечение, сельское хозяйство, развитие науки и технологий, на образование, здравоохранение и помощь беднякам. Непосредственно из центрального бюджета на образование, здравоохранение, науку и технологии, культуру и спорт было ассигновано на 12,4% больше чем в 2002 г.

После того, как в стране вспыхнула атипичная пневмония, центр уделил большое внимание вопросам жизнеобеспечения населения и функционирования предприятий. За счет средств центрального бюджета был создан фонд

борьбы против этого заболевания, и были определены меры по предоставлению бесплатного лечения для лиц, инфицированных вирусом этой болезни и испытывающих материальные трудности.

Осуществляется льготное налогообложение и финансовая поддержка лиц при их трудоустройстве и повторном трудоустройстве. Бюджетные дотации на выплату средств пенсионерам и лицам, уволенным с работы госпредприятиями, были на 13,1% выше, чем в 2002 г., а на поддержание жизненного уровня — в 2 раза выше. Более 22 млн. человек из низкооплачиваемого городского населения получили госдотации к прожиточному минимуму.

Н.Е. Боровская (ведущий научный сотрудник ИДВ, д.и.н.) проанализировала новые тенденции в развитии образования.

Согласно решениям XVI съезда КПК «основным показателем и фундаментом всестороннего строительства общества *сяохан* является достаточный уровень образования». Китай стремится превратить фактор избыточности населения из демографической ноши в сравнительное ресурсное преимущество — огромный человеческий капитал — путем создания в стране самой грандиозной в мире по объему и насыщенности системы образования и стать в ряды держав, поставляющих на мировой рынок знания в сфере новых технологий. При этом пока КНР остается страной с низкой по мировым стандартам плотностью знаний (8 классов образования в среднем на человека).

За два с лишним десятилетия модернизации системы образования достигнуты впечатляющие результаты: как и планировалось к 2000 г. доля неграмотных и малограмотных среди лиц в возрасте 15-50 лет оказалась чуть выше намеченных 5%; валовой охват неполной 9-летней средней школой (с 1986 г. она стала обязательной) вырос с 66 до почти 90%; полной средней — с 12 до 43%.

Однако не всех намеченных показателей удалось достичь, прежде всего из-за *дефицита финансовых вложений в образование и их недостаточно эффективного использования*. Доля государственных расходов на эту статью в ВВП в 2002 с трудом дотянула до 3,19%, так и не поднявшись до намеченных 4% (низшая планка «азиатских драконов»), пришлось установить новый срок — 2005 г. с тем, чтобы в последующие 5-10 лет достичь 4,5%. Неудовлетворителен удельный вес ассигнований на образование и в расходной части бюджета. Доля средств на базовое образование в общих текущих расходах на эту статью остается крайне низкой. В то же время государство по-прежнему предпочитало более щедро финансировать высшую школу.

Уровень благосостояния большинства населения не позволяет ему нести свою долю расходов по финансированию базового образования. Правительство КНР вынуждено было постепенно увеличить свои финансовые обязательства, особенно в деревне.

Предстоит закрепить успехи в ликвидации неграмотности и распространении обязательного 9-летнего обучения (к началу 2003 г. эта ступень школы была распространена на территории проживания 90% населения), обеспечить доступ к нему национальных меньшинств и проблемных групп населения.

2003 — 2004 гг. являются ключевыми в распространении полного среднего образования (в связи с демографическим пиком в этой возрастной категории): ускорение темпов предполагается осуществить в значительной степени за счет негосударственных школ, а также активного строительства пилотных средних школ в уездных городах. Стимулировать развитие среднего профессионального образования призваны отраслевые ведомства и предприятия.

На пороге вступления в ВТО с 1999 г. КНР стала придавать высшему образованию массовый характер. Сначала планировалось поднять охват молодежи этой ступенью обучения — с 7 до 15% к 2010 г., потом — к 2005 г., а в 2003 г. министерство отчитывается, что этот рубеж достигнут, хотя все эти го-

ды говорилось о нехватке средств и преподавателей, о том, что вузы берут огромные банковские кредиты, которые трудно отдавать, и повышают плату за обучение. С 1990 г. в 5,5 раза выросло количество аспирантов.

Вступление Китая в ВТО несет с собой новые шансы и вызовы: обостряет конкурентную борьбу между учебными заведениями, усиливает неравномерность их территориального распределения, ведет к их дальнейшей интернационализации (использование зарубежных учебников и учебных программ, двуязычное и многоязычное обучение, более активный обмен учащимися и сотрудничество с международными образовательными организациями и т.д.). КНР стремится к глобализации рынка. Это включает внедрение международных критериев качества образования и его структуры, регулирование законодательства, в частности касающегося системы ученых степеней и нострификации дипломов (их взаимное признание Китаем и Россией уже осуществлено) и пр. Решение этих проблем затруднено прежде всего тем, что образовательный рынок самого Китая сформировался лишь на 70%. В марте 2003 г. Госсовет КНР утвердил правила, регулирующие деятельность зарубежных организаций и частных лиц, самостоятельно либо совместно с китайцами создающих учебные заведения на территории КНР. Вступление в ВТО дает Китаю возможность увеличивать запасы иностранной валюты, взимая плату за обучение иностранных учащихся. Пока страна далеко отстает и от США и России по количеству обучающихся там иностранных студентов (соответственно 438 тыс., 267 тыс. и 43 тыс.). Зарубежные инвесторы проявляют все большую заинтересованность во вложениях в китайское образование.

Рыночная модель школы дает дополнительные источники финансирования, ускоряет внедрение в производство вузовских научных разработок. Вступление в ВТО еще более усиливает неравномерность в развитии образования. Стоимость обучения в вузе достигла предела доступности для значительной части населения. Предлагаются меры для сглаживания неравенства шансов на обучение и качества получаемого образования. Наряду с укреплением слабых школ в городе, главное внимание сосредоточивается на помощи сельским школам.

(окончание следует)

Политика

Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги

© 2004

В. Портяков

Российская Федерация, конституировавшаяся в качестве самостоятельного государства после распада Советского Союза в конце 1991 г., практически сразу же столкнулась с притоком граждан КНР на свою территорию, ранее почти отсутствовавшим. Как показало развитие событий, данное явление не стало кратковременным эпизодом, а приобрело устойчивый характер. На протяжении уже двенадцати лет (1991-2003 гг.) феномен "новой китайской миграции" в Россию привлекает значительное внимание центральных и местных властных структур РФ, российских и зарубежных СМИ, международного политологического сообщества. Тема китайской миграции регулярно затрагивается в ходе российско-китайских межгосударственных контактов, в том числе на высшем уровне. Эта проблема рассматривалась на нескольких парламентских слушаниях в Государственной думе РФ, в частности 15 апреля 1994 г. и 13 ноября 2003 г. в связи с обсуждением перспектив развития Дальнего Востока России. Она детально обсуждалась экспертами на специальных семинарах Московского центра Карнеги по миграционной ситуации в постсоветской России и по российско-китайским отношениям (1995-1999) и в рамках Московской исследовательской программы по миграции (2001-2003), осуществляемой под эгидой Международной организации по миграции (ИОМ). Одна из первых международных конференций по проблеме "новой китайской миграции" на российский Дальний Восток была проведена еще в декабре 1994 г. в Атланте Школой международных отношений Технологического института штата Джорджия, США. А о популярности данной темы в российских СМИ говорит такой факт: в поисковом интернет-сайте www.rambler.ru в декабре 2003 г. значилось свыше 12 тысяч документов по китайской миграции в Россию.

Все это свидетельствует о том, что проблема присутствия китайцев в России сегодня является для российского общества не только социально и политически значимой, но и весьма острой. На наш взгляд, это вызвано рядом взаимосвязанных обстоятельств.

Прежде всего применительно к России, имеющей с КНР общую границу протяженностью свыше 4200 км, феномен китайской миграции чрезвычайно многомерен. Как минимум, можно выделить его демографическое, экономическое, этнопсихологическое и геополитическое измерения. Соответственно, сегодня миграция китайцев в Россию одновременно рассматривается в качестве одного из важных факторов российско-китайских отношений в целом и на региональном уровне, в прямой связи с задачами развития Сибири и Дальнего Востока, с позиций ухудшающейся демографической ситуации в РФ, в контексте общей зарубежной иммиграции в Россию. Такая многомерность китайской миграции в Россию предопределяет весьма широкий разброс официальных и экспертных оценок плюсов и минусов данного феномена для нашей страны в настоящее время и особенно в перспективе.

Во-вторых, географическое соседство России и Китая, помноженное на непростую историю их отношений, порождает у значительной части граждан РФ особую чувствительность, а порой даже подозрительность по отношению к динамично развивающемуся соседу, которые усиливаются склонностью переживающего переходный характер российского общества к различным синдромам и фобиям. Соответственно, в массовом сознании россиян имеют место мифологизация и гипертрофированная политизация проблемы китайской миграции, что в какой-то мере затрудняет как объективное восприятие феномена, так и выработку властями адекватной политики на данном направлении.

Можно выделить три качественно различных этапа миграционного притока китайцев в Российскую Федерацию: 1992-1993гг., 1994-1999гг. и с 2000г. по настоящее время. После отъезда в 1966 г. на родину в связи с началом "культурной революции" последних групп китайских студентов и аспирантов какого-либо нового притока граждан КНР на территорию Советского Союза не было свыше полутора десятилетий. С возобновлением с 1983 г. обмена стажерами, с активизацией советско-китайских торгово-экономических связей и вслед за открытием для посещения иностранцами ранее закрытых дальневосточных территорий некоторое количество китайцев в СССР появилось, но до жолько-нибудь значительного их притока дело не дошло. Как-никак, а полностью советско-китайские отношения были нормализованы лишь в 1989 г., к тому же в СССР сохранялась государственная монополия внешней торговли со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ситуация коренным образом изменилась с распадом Советского Союза. Курс руководства России на форсированное развитие рыночных отношений, либерализацию внешнеэкономической деятельности, облегчение режима въезда и выезда из страны российских и иностранных граждан создали благоприятные условия для быстрого увеличения притока китайцев. А главным фактором, стимулировавшим такой приток, выступила обоюдная экономическая заинтересованность.

Резкий спад собственного производства и ослабление межрегиональных производственных связей в России поставили регионы и предприятия перед необходимостью выживать путем налаживания связей с зарубежными предприятиями. Вполне естественный в условиях всеобщей нехватки и быстрого обесценивания денег расцвет бартерной торговли делал Китай почти идеальным партнером: от него можно было получать ходовой ширпотреб и продовольствие (в начале 90-х годов Россия остро нуждалась и в том, и в другом), в обмен поставляя не находящие спроса на внутреннем рынке сырье, химудобрения, грузовики и т.п. Напомним, что с весны 1992 г. и до середины 1993 г.

Китай переживал настоящий экономический бум, вызванный призывом “архитектора реформ” Дэн Сяопина ускорить темпы роста народного хозяйства. Ему сопутствовал не только повышенный спрос в КНР на средства производства, но и предоставление ряду приграничных территорий различных льгот во внешнеэкономических связях. В связи с обоюдной высокой доходностью товарообменных сделок между Россией и Китаем к их осуществлению стихийно стали подключаться массы мелких торговцев и просто физических лиц, что облегчалось действовавшим в 1992-1993 г.г. режимом безвизовой приграничной торговли. Так возник знаменитый феномен челночной торговли, определивший главные черты начального — 1992-1993 г.г. — этапа новой китайской миграции в Россию. Она была экономической, причем преимущественно — торговой. Именно с торговыми целями прибывало в Россию подавляющее большинство китайцев, в том числе и те, кто числился туристами и студентами. В то же время не возбранялась и трудовая миграция китайцев в Россию, что нашло отражение в межведомственном соглашении “О принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях в России” от 19 августа 1992 г., заключенного сроком на 5 лет. Видимо, оно укрепило сформировавшееся еще в советский период представление китайской стороны о заинтересованности России в привлечении крупных контингентов рабочей силы из КНР на долговременной основе. Например, издававшийся в Чанчуне журнал “Дунбэйя луньтань” (“Форум Северо-Восточной Азии”) оценил нехватку рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке в 50-80 миллионов человек (1993. № 1. С. 55), тогда как все население России к востоку от Урала составляло в начале 1990-х годов 33 млн. человек.

Разумеется, реальное количество трудовых мигрантов из КНР было многократно меньшим: в 1994 г., когда впервые был налажен учет и появились первые официальные данные, оно составило 20301 человек.¹ Уже в начальный период четко обозначились и географические приоритеты размещения китайских мигрантов в России: южная зона Дальневосточного и Восточносибирского регионов (Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская и Читинская области), Москва и Московская область.

Российское общество оказалось психологически плохо готово к притоку китайских мигрантов. В стране возникли опасения по поводу “ползучей китайской экспансии”, при этом негативизм в отношении китайцев подпитывался убежденностью в высокой криминогенности мигрантов из КНР и реальным стремлением какой-то их части всеми правдами и неправдами осесть в России на постоянное жительство. Подозрительно воспринималась и слабая интеграция китайцев в российское общество, хотя она в значительной мере была следствием незнания приезжими русского языка и невысокой этнической толерантности большинства рядовых российских граждан.

Как бы то ни было, на волне слухов об угрожающе быстром росте числа китайцев в России — а некоторые газеты оперировали цифрами в миллионы человек — руководство страны предприняло шаги по ужесточению контроля за зарубежной трудовой иммиграцией, включая китайскую, и по укреплению визового режима взаимных поездок граждан РФ и КНР. 16 декабря 1993 г. был обнародован Указ Президента России “О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в Российской Федерации”, предусматривавший выдачу Федеральной миграционной службой специальных разрешений на привлечение рабочей силы из других государств. 29 декабря 1993 г. было подписано межправительственное соглашение о визовых поездках граждан России и Ки-

тая, вступившее в силу через месяц, причем без ограничения срока действия. Оно предусматривало обязательное получение виз подавляющим большинством обычных граждан двух стран и тем самым фактически отменяло прежнюю практику взаимных безвизовых поездок, за исключением совершаемых в составе туристических групп.

Для периода 1994-1999 гг. характерны определенный спад заинтересованности китайцев в работе и торговле в России, уменьшение численности китайских мигрантов в Российской Федерации. На наш взгляд, в основе данного явления лежат экономические причины. В России вслед за насыщением рынка размер ниши для китайских потребительских товаров стал постепенно сокращаться. Они перешли из разряда товаров "всеобщего пользования" в разряд товаров "для бедных слоев населения", испытывая к тому же растущую конкуренцию со стороны турецких, а на Дальнем Востоке — корейских изделий легкой промышленности. Плюс к этому неустойчивость экономической ситуации в России, красноречиво подчеркнутая дефолтом в августе 1998 г., отпугивала мелкий китайский бизнес от российского рынка. Менее благоприятной для российской стороны стала и экономическая конъюнктура в Китае, где спрос на некоторые массовые товары российского экспорта либо объективно упал (грузовики, стальной прокат), либо искусственно сдерживался (запрет на импорт азотных удобрений).

Кроме того, хотя в ряде российских регионов сохранялся определенный спрос на трудовые услуги китайских строителей и овощеводов, в целом стало очевидно, что в условиях высокой безработицы и экономической стагнации в России о привлечении сюда крупного контингента рабочей силы из Китая говорить не приходится. Показательны в этом плане данные по Приморскому краю: количество зарегистрированных здесь китайских рабочих с 8349 человек в 1995 г. снизилось до 6360 человек в 1999 г.

Сыграли свою роль и регулярные проверки соблюдения паспортно-визового режима находящимися на территории России иностранцами, включая китайцев. Они, как правило, вели к взиманию штрафов с нарушителей и даже к их выдворению за пределы России. Так, в Приморском крае в 1995 г. было выдворено 6640 и наказано в административном порядке 12389 граждан КНР, а в 1999 г. — соответственно 2500 и 8000 человек. Поскольку 80% выдворенных граждан КНР составляли безвизовые туристы, нарушившие установленные сроки пребывания в крае, то особое внимание обращалось на своевременность выезда этой категории туристов на родину. В результате доля безвизовых туристов из КНР, своевременно выехавших на родину, возросла в Приморском крае с 68% в 1995 г. до более 99% в 1997-1999 гг.²

В целом, к концу 1990-х годов острота проблемы китайской миграции для России несколько снизилась. Поток мигрантов стабилизировался, а в ряде регионов, например, в Москве ощутимо уменьшился даже визуально. К тому же, как отмечали авторитетные эксперты, российское "население постепенно привыкло к китайцам, реагировало на их присутствие не так болезненно, как раньше".³

Китайская миграция в Россию в постельцинский период (с 2000 г. по настоящее время) отмечена рядом новых особенностей. Во-первых, иммиграция из КНР в гораздо большей степени, чем раньше, стала восприниматься не как самостоятельное явление, а как составная, причем не самая значительная, часть общего притока зарубежных иммигрантов в Россию. Так, по оценке председателя правительственной комиссии по миграционной политике В.Зори-

на, за период 1989–2003 г.г. в Россию въехали 11 миллионов человек, а выехали из нее только 5 миллионов, в результате чего страна вышла на третье место в мире по объему миграции вслед за США и Германией. По оценке заместителя министра внутренних дел РФ А.Чекалина, в конце 2003 г. в России на легальных основаниях находились 400 тыс. иностранцев, 3,5 млн. иностранных граждан осуществляли незаконную трудовую деятельность и не менее 1,5 млн. человек не имели определенного правового статуса⁴. Вполне естественно, что государство стало уделять больше внимания регулированию миграционных потоков. Принятый 25 июля 2002 г. закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” предусматривал заполнение специальных миграционных карт прибывающими в Россию иностранцами, выдачу разрешений на временное проживание (на срок не свыше трех лет), утверждение правительством общих и региональных годовых квот на привлечение иностранцев для работы в России со взиманием за каждого работника госпошлины в размере 4 тысяч рублей. На 2003 г. квота на привлечение рабочей силы из-за рубежа была определена в 530 тысяч человек, на 2004 г. (по версии Федеральной миграционной службы) — она составила 205 633 человек, в том числе для Дальнего Востока — 10450 человек.⁵

Во-вторых, наметились сдвиги в качественном и профессиональном составе китайской иммиграции в Россию. Увеличилось количество студентов (не “псевдо”, как в начале 1990-х годов, а настоящих), врачей китайской медицины, работников общественного питания, а также — вслед за началом реализации стратегии активного выхода китайского бизнеса за национальные границы (“цзоучуцой”) — бизнесменов, менеджеров, квалифицированных работников. В ряде регионов, например в Москве, визуальное присутствие китайцев заметно выросло по сравнению с концом 1990-х годов.

В-третьих, Китай и Россия продолжали укреплять добрососедские отношения. Курс на “равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие” нашел наиболее полное воплощение в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г. В статье 20 данного договора было закреплено положение о сотрудничестве двух стран “в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц через свои территории”. Правовая основа взаимной трудовой миграции существенно укрепилась со вступлением в силу с 5 февраля 2001 г. межправительственного соглашения от 3 ноября 2000г. “О временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан КНР в РФ”, заключенного сроком на три года с автоматическим ежегодным продлением. Соглашение подтверждало как перспективность российско-китайского сотрудничества в сфере предоставлении трудовых услуг, так и “взаимную заинтересованность” в регулировании процессов привлечения рабочей силы из одной страны в другую.

Для российской стороны принципиально важным было закрепление в документе положения о том, что “принимающее государство при определении численности привлекаемых работников другой стороны исходит из потребности в иностранной рабочей силе на национальном рынке труда”. Фиксировался срок выдачи разрешения на временную трудовую деятельность — до одного года с продлением при мотивированной просьбе работодателя на срок еще не более года. Было декларировано намерение сторон создать рабочую группу по решению вопросов, связанных с реализацией данного Соглашения.

Казалось бы, очевидное улучшение всего комплекса двусторонних межгосударственных отношений и совершенствование правового регулирования вопросов трудовой иммиграции в страну, в том числе конкретно из Китая, должны были полностью рассеять атмосферу страхов и подозрительности вокруг китайских мигрантов в России.

Этого, однако, не произошло. Более того, в 2003 г. по российским печатным и электронным СМИ прокатилась новая волна алармистских публикаций в связи с "потенциальной угрозой" китайской демографической экспансии в азиатской части России. Представляется, что поводом для нынешней вспышки алармизма послужили следующие события. Прежде всего, перепись населения России 2002 г. четко выявила, что власти в центре и на местах не смогли остановить процесс сокращения населения Дальнего Востока: количество жителей региона площадью 3,6 млн. кв. километров сократилось с 8 млн. человек в 1990 г. до 6,7 млн. человек в 2002 г. При этом только в трех провинциях Северо-Восточного Китая проживает 110 млн. человек. У многих в России есть опасение, что эта разность демографических потенциалов рано или поздно "сработает" в направлении выравнивания. Высокие темпы экономического роста, помноженные на задачу учетверения ВВП страны к 2020 г., сформировали в мире образ Китая как некоего гигантского катка, способного смять на своем пути буквально все. Геополитическую слабость России в сопоставлении с Китаем наглядно подчеркнуло откровенно неудачное соперничество Москвы с Шанхаем за право проведения ЭКСПО-2010. К нарастающему геополитическому страху перед КНР добавился обычный человеческий страх перед контактами с китайцами, вызванный эпидемией атипичной пневмонии. Наконец, в рост обеспокоенности свою лепту внесла непосредственно и китайская сторона, выдвинув на переговорах с Россией об условиях ее вступления во Всемирную торговую организацию требование предоставить рабочей силе из КНР свободный доступ на российский рынок труда. Одновременно Пекин продолжал затягивать решение вопроса об эффективном межгосударственном регулировании миграции. В сентябре 2003 г. в коммюнике по итогам визита премьера М.Касьянова в КНР отмечалось, что стороны "ускоренными темпами ведут подготовку к созданию совместной российско-китайской рабочей группы по вопросам миграции". То есть, попросту говоря, через три года после заключения межправительственного соглашения по трудовой миграции предусмотренный этим документом двусторонний рабочий орган все еще не был сформирован. Между тем необходимость в таком органе явно возросла в свете более активного освоения Китаем зарубежных рынков труда. По китайским данным, численность китайских граждан, оказывающих трудовые услуги за рубежом, выросла с 352 тысяч человек в 1998 г. до 488 тысяч в начале 2002 г.⁶

Мы располагаем всего одним, но весомым, свидетельством определенно-го поощрения в Китае на государственном уровне трудовой миграции населения, по крайней мере, в последние годы. В пекинском журнале "VIP-персоны" констатируется, что член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 16-го созыва Ло Гань неоднократно выступал на заседаниях Политбюро и Госсовета (правительства) с предложением поощрять обустройство граждан КНР за рубежом, предоставляя без проволочек паспорта всем желающим выехать за границу и упростив режим выезда из страны. По словам Ло Ганя, "следует мерами практической политики поощрять и поддерживать выезд и обустройство граждан за рубежом, разумеется, избегая открытой пропаганды политики стимулирования эмиграции". При поддержке Ло Ганя Министерство обществен-

ной безопасности в экспериментальном порядке разрешило с 1 сентября 2002 г. выдачу загранпаспортов жителям Шанхая по их запросу. С 2005 г. аналогичный упрощенный порядок намечается ввести для жителей всех крупных и средних городов Китая.⁷

Вопрос о *количестве китайцев* в России по сей день остается предметом дискуссий. По итогам переписи населения 1989 г. количество китайцев на территории России составило примерно 5 тысяч человек, а во всем бывшем СССР — 11,3 тысяч.⁸ Перепись населения России 2002 г. определила численность китайцев в стране в 35 тысяч человек, в т.ч. 30 тысяч — граждан КНР.⁹ Очевидно, что последней переписью оказалась охвачена лишь часть постоянно проживающих в России китайцев (напомним, что и само участие в ней было, по сути дела, добровольным), тогда как другие категории находящихся в РФ граждан КНР, в т.ч. реальные или гипотетические “нелегалы”, туристы и прибывающие на короткие сроки сезонные рабочие в вышеприведенные данные Госкомстата РФ явно не попали. Большинство экспертов оценивают общую численность китайцев, одновременно находящихся в настоящее время на территории России, в диапазоне от 200 тысяч до 450 тысяч человек. Вполне возможно, что на самом деле точные данные на этот счет — секрет Полишинеля, и Федеральная миграционная служба РФ, переданная под эгиду Министерства внутренних дел, после введения миграционных карт располагает достоверными сведениями о количестве китайцев в РФ. Во всяком случае, в докладе омбудсмена РФ по правам человека О.Миронова за 2001 г. была названа конкретная цифра — 311 тысяч человек. Другое дело, что в стране есть силы, стремящиеся не замечать ни статистики, ни экспертных оценок и по-прежнему спекулировать данными о миллионах китайцев, якобы уже осевших в России, а то и на одном лишь Дальнем Востоке.

Немаловажно и то обстоятельство, что далеко не все китайцы, находящиеся в данный момент в России, могут считаться иммигрантами в строгом смысле этого слова, то есть лицами, постоянно проживающими на территории РФ или хотя бы стремящимися к этому. Многие из приехавших рассматривают работу или торговлю в России как “стартовую площадку” для последующего открытия или расширения своего бизнеса в Китае.¹⁰ Приобрести вид на жительство и инвестировать деньги в России хотели бы 10-15% “российских китайцев”.¹¹

Китайская миграция в России весьма неоднородна по своему культурно-образовательному и имущественному уровню. В обыденном сознании россиян это обстоятельство, однако, практически полностью игнорируется. Как показывают опросы населения, позитивный образ китайцев, существовавший в СССР в 1950-е годы, сменился на преимущественно негативный после двух десятилетий межгосударственной конфронтации и особенно после поистине “шокового” впечатления от массовых “народных” контактов граждан РФ и КНР в первой половине 1990-х годов. Так, в ходе опроса летом 1997г. российские дальневосточники, отмечая трудолюбие (83% опрошенных) и предприимчивость китайцев (34%), одновременно называли их хитрыми (40%), агрессивными (20%) и крайне жадными — “щедрыми” их назвал лишь 1% респондентов, тогда как у русских эту черту выделили 65% опрошенных.¹²

Необходимо, однако, подчеркнуть, что негативное восприятие “чужаков” адресовано в сегодняшней России отнюдь не только китайским мигрантам, но распространяется на абсолютное большинство приезжих, включая русских из республик СНГ (что, кстати говоря, существенно затрудняет практи-

ческую реализацию любых переселенческих программ). Кроме того, применительно к китайцам негативизм этот носит, как правило, абстрактный характер и не влечет за собой какой-либо их дискриминации в повседневной жизни. Более того, в России существует устойчивая мода на “китайщину” — от увлечения ушу, фэншуйем и иероглификой в интерьерах до высокой популярности в обществе высказываний Конфуция и Лаоцзы, что в какой-то мере помогает мириться с не всегда благоприятным впечатлением от реальных китайцев — торговцев и работяг (подозреваю, что нечто подобное имеет место в Европе, где реальные российские туристы не во всем соответствуют представлениям местных граждан о русской культуре).

Что касается регулярных обвинений российскими СМИ китайских мигрантов в “повышенной криминогенности” и частом браконьерстве, то правонарушения со стороны китайцев (сплошь и рядом совершаемые при прямом участии российских поделщиков) в гораздо большей степени объясняются общим высоким уровнем преступности в стране и низким уровнем доходов многих граждан России, нежели некоей “китайской спецификой”.

В целом, можно констатировать, что при всех бытовых трениях и различиях в культурно-ценностных ориентациях россияне и китайцы пока вполне уживаются друг с другом. В то же время, китайская диаспора в России, наравне, впрочем, со строителями и торговцами из СНГ, остается объектом мздоимства и других незаконных поборов, выколачиваемых всеми правдами и неправдами чиновниками различных ведомств, своими и чужими рэкетирами. Это обстоятельство препятствует нормальной адаптации китайских мигрантов к российским реалиям и, напротив, способствует устойчивому сохранению земляческих связей.

Официальная позиция российского руководства по отношению к феномену китайской миграции выглядит в настоящее время следующей. Исходя из интересов укрепления российско-китайских отношений, Кремль предпочитает не выделять проблему китайских мигрантов и не поддерживать страсти вокруг нее, периодически вспыхивающие в российских СМИ. В то же время в ходе контактов с высшим китайским руководством российская сторона в корректной форме регулярно доводила до сведения Пекина свою озабоченность по данному вопросу и выражала готовность к нахождению здесь взаимоприемлемых решений. Кстати, именно для этого и нужна двусторонняя рабочая группа по миграции, о которой говорилось выше.

Российское руководство не может не понимать, что дальнейшее развитие двусторонних торгово-экономических отношений с Китаем и реализация Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества до 2020 г. неизбежно приведет к определенному увеличению количества китайцев в России. Важно найти оптимальные формы правового регулирования этого процесса, постоянно соизмерять возможный рост числа китайцев в РФ с демографической ситуацией в стране в целом и в ее конкретных регионах, а текущие экономические выгоды — с долгосрочными экономическими последствиями.

Центральная власть РФ прекрасно осознает критическую важность улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке и экономического развития региона для судеб российской государственности. В этом отношении показательно высказывание Президента РФ В.В.Путина во время пребывания в Благовещенске летом 2000 г.: “Если в ближайшее время не предпримем реальных усилий по развитию Дальнего Востока, то русское население через не-

сколько десятилетий будет в основном говорить на японском, китайском и корейском языках".¹³ Остается надеяться, что за правильным видением ситуации последуют и незамедлительные шаги по ее радикальному исправлению.

В анализе российскими учеными "новой китайской миграции" как объекта исследования можно выделить следующие основные подходы.

1. "Китаеведческий". Российские ученые-китаеведы, как правило, исследуют проблему китайских мигрантов с учетом общего контекста российско-китайских межгосударственных отношений и с широким использованием китайских источников, с ориентацией на объективный и взвешенный анализ ситуации.

Монография В.Г.Гельбраса (Институт стран Азии и Африки при МГУ) "Китайская реальность России" базируется на результатах опроса представителей китайских землячеств в Москве и на Дальнем Востоке. Автор полагает, что китайским мигрантам надо предложить "человеческие условия существования" и в то же время не допустить формирования в России территориальных анклавов с китайским этническим большинством.¹⁴

А.Г.Ларин (Институт Дальнего Востока Российской Академии наук, Москва) в монографии "Китайцы в России вчера и сегодня" основное внимание уделил "старой китайской миграции" в царской России, в период революции и гражданской войны и в Советском Союзе. Вместе с тем, заслуживает внимания и авторская оценка проблемы китайских мигрантов в современной России как феномена, значение которого будет "с каждым годом возрастать".¹⁵

Глубокий анализ положения китайцев в Москве на основе изучения материалов интернет-сайтов китайской диаспоры в российской столице дал С.Н.Гончаров (МИД РФ) в статье "Китайцы в России — кто они?".¹⁶

В.В.Карлусов и А.П.Кудин рассматривают китайскую миграцию в России в контексте общего процесса глобализации экономики Китая,¹⁷ а В.Я.Портяков — в связи с проблемами развития российско-китайских торгово-экономических отношений и интеграции Дальнего Востока России в мировое хозяйство.¹⁸

2. "Региональный". Исследование проблем китайской миграции применительно к какому-либо конкретному российскому региону (чаще всего — Дальнему Востоку) отличает хорошее знание местных реалий и широкое использование региональных статистических данных.¹⁹ Особого упоминания заслуживают монографии В.И.Дятлова (Иркутский университет) "Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске)" и В.Л.Ларина (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН) "Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия". Обе они, как и другие работы этих авторов, далеко выходят за формально региональные рамки и затрагивают ряд принципиальных вопросов выработки общегосударственной политики в отношении китайской миграции. Как констатирует В.И.Дятлов, ее цель — "добиться того, чтобы приехало (в т.ч. и надолго) столько и таких китайцев, сколько это необходимо не китайцам и Китаю, а России".²⁰ По мнению В.Л.Ларина, регулярно критикующего Москву, т.е. федеральный центр, за отсутствие четкой политики по отношению и к Дальнему Востоку, и к Китаю, проблема китайской миграции превращена некоторыми политиками в "способ отвлечения населения от поиска истинных виновников критического состояния экономики на Дальнем Востоке".²¹

3. “Демографический”. Ряд демографов, например, Ж.А.Зайончковская (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) считает иммиграцию китайцев в Россию одним из наиболее естественных путей, позволяющих хотя бы частично компенсировать растущую депопуляцию в стране (ООН прогнозирует сокращение численности населения России с нынешних 145 млн. человек до 138 млн. к 2025 г., и это — самый оптимистический прогноз из всех имеющихся). По мнению Ж.А.Зайончковской, к середине XXI века численность китайцев в России может достичь 7-10 млн. человек, и они в этом случае превратятся во вторую по численности нацию страны после русских. Основным аргумент в пользу данного варианта решения проблемы убыли населения в РФ состоит в том, что-де без привлечения китайцев огромные территории Сибири и Дальнего Востока так и останутся толком неосвоенными.²² Не вдаваясь в подробности, отметим, что пока эта позиция не только не встречает широкой общественной поддержки, но и вызывает активные возражения.

4. “Геополитический”. Некоторые российские политологи рассматривают китайскую миграцию, особенно в перспективе, как прямую угрозу национальным интересам и самой территориальной целостности России и как фактор, ведущий к изменению мирового баланса сил в пользу Китая. Показательны уже сами по себе названия материалов, размещаемых в российских веб-сайтах: “Удержит ли Россия свои Дальневосточные территории?”, “Россия 2010-2020 — без Сибири?”.²³ Надо прямо сказать, что такие опасения подогреваются не только быстро меняющимся в пользу Китая соотношением экономических потенциалов двух стран, но и ссылками китайских авторов на якобы утраченные Китаем в пользу России полтора миллиона квадратных километров территории, которые встречаются и по сей день в большинстве публикуемых в КНР материалов об истории двусторонних российско-китайских отношений.²⁴

С формированием в России достаточно мощного “проглобалистского” лобби в российском политологическом сообществе появились и позитивные оценки возможного увеличения масштабов китайской миграции. На наш взгляд, здесь находит отражение заинтересованность крупного частного бизнеса, в т.ч. транснационального, в строительстве в азиатской части России ряда крупных инфраструктурных объектов, прежде всего нефте- и газопроводов, для чего и может понадобиться рабочая сила из КНР.

Итак, “новая китайская миграция” в Россию — это сложное многоаспектное явление, весьма противоречивое по своим последствиям для страны — реципиента и потому порождающее неоднозначные оценки. Хотя, на наш взгляд, применительно к сегодняшнему дню масштабы и негативные стороны китайской миграции нередко сознательно преувеличиваются, она все же остается одним из тех немногих факторов, которые выбиваются из общего благоприятного фона российско-китайских отношений. В этом смысле проблему миграции можно считать своего рода “миной замедленного действия”. Чтобы ее обезвредить, необходимы как четкое конструктивное взаимодействие России и Китая по проблемам миграции и укрепление социальной базы двусторонних отношений, так и продуманная миграционная политика самой России. Ключом же к устранению всех реальных и мнимых страхов и подозрений остается подлинная забота о надлежащем обустройстве Сибири и Дальнего Востока.

1. Российская газета. 1995. 16 сентября.

2. Богаевская А.Н. Китайская миграция на Дальний Восток России http://www.crime.vl.ru/docs/books/book_4.htm.

3. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). Москва: Наталис, 2000. С. 118.
4. Известия. 2003. 29 ноября.
5. Там же.
6. 21 шицзи цзинци баодао. Гуанчжоу, 2003. 17 апреля.
7. Фэньюнь жэнью. Пекин, 2003. № 318. С. 82.
8. См.: Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. Москва: Муравей, 2001. С. 17; Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк — Москва, "Муравей", 2003. С. 150.
9. Труд. 2003. 5 декабря.
10. См.: Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 21-24, 101.
11. Гончаров С. Китайцы в России — кто они? // Проблемы Дальнего Востока. Москва, 2003. № 4. С. 26.
12. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 166.
13. Ларин А.Г. Указ. соч. С. 168.
14. Гельбрас В.Г. Указ. соч. С. 309.
15. Ларин А.Г. Указ. соч. С. 192.
16. См.: Гончаров С. Указ. соч.
17. См.: Карлусов В.В., Кудин А.П. Китай и Россия: глобализация и миграция // Глобализация экономики Китая. Москва, 2003. С. 339-353.
18. См.: Портяков В. Китайцы идут? Миграционные процессы на Дальнем Востоке России // Международная жизнь. Москва, 1996. № 2. С. 79-86; Портяков Владимир. Проблемы интеграции российского Дальнего Востока в мировое хозяйство // Politikon. Москва, 1997. № 3-4. С. 149-160.
19. См.: Ващук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002; Дудченко Г.Б. Отраслевая и территориальная структура китайской трудовой миграции в России на современном этапе // Российское Приморье и Китайская Народная Республика на рубеже третьего тысячелетия: современное состояние и перспективы сотрудничества. Владивосток, 1999. С. 44-47; Мотрич Е.Л. Демографический потенциал и присутствие китайцев на российском Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. Москва, 2001. № 6. С. 55-63.
20. Дятлов В.И. Указ. соч. С. 185.
21. Ларин В.Л. Периферия "сверхдержав": Дальний Восток России в российско-китайских, российско-американских и российско-японских отношениях на рубеже веков // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток, 2002. № 1. С. 11.
22. Зайончковская Ж.А. Китайцы в России: угроза или спасение? <http://www.egaa.ru/EgaaRus/kitay4.htm>
23. См.: Лифшиц Р.Л. Удержит ли Россия свои Дальневосточные территории? Доклад на концеренции в Хабаровске 12-13 февраля 2003 г. <http://www.festraregy.ru/article.php?id=19>; Иващенко Олег. Россия 2010-2020 — Без Сибири? Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа <http://antropotok.archipelag.ru/text/all6.htm>
24. См., например: "Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши" сюэшу таолуньхуй чжаокай [Научная конференция "Китайско-российские отношения: история и современность"] // Дандай Чжунго ши яньцзю. Пекин, 2003. № 6. С. 121.

Китайский фактор в текущей президентской кампании в США

© 2004

В. Кашин

"Китайский след" всплывает в каждой президентской кампании в США последних 10-15 лет. Важную роль тема отношений с КНР играет и на выборах в конгресс США. Обращает на себя внимание тот факт, что в течение 90-х — 2000-х годов использование обвинений в предосудительных связях с китайскими коммерческими и государственными структурами используется во внутривнутриполитической борьбе США по нарастающей, вплоть до развертывания в период второго президентского срока Б.Клинтон масштабного политического скандала, известного как Chinagate.

Следует отметить, что, по мнению большинства американских наблюдателей, разногласия в американских политических кругах по вопросам политики в отношении Китая не носят партийного характера. Взгляды американского политика на отношения с КНР обычно зависят не от его принадлежности к одной из партий, а от преобладания в его округе тех или иных отраслей экономики. Как правило, представители регионов, где сильны позиции авиационно-космической, электронной промышленности, некоторых отраслей машиностроения, а также предприятий крупнейшей ТНК, ведущих дела с КНР, будут склонны к "пропекинским позициям". Остальные политики занимают либо выраженные антикитайские позиции (в особенности, если в их округе имеются сильные профсоюзные, религиозные организации, либо широко представлены отрасли экономики, страдающие от китайского экспорта), либо безразличны к вопросам двусторонних отношений, примыкая к тому или иному лагерю в зависимости от текущей политической конъюнктуры.¹

В условиях нынешней выборной кампании, когда действующий президент-республиканец борется с сенатором-демократом Джоном Керри, китайский фактор также активно используется в предвыборной пропаганде сторон. Так как Джон Керри до сих пор не отличался большой активностью в политике на китайском направлении и, соответственно, данные о его "компрометирующих связях" с китайцами разрозненны и редки, то республиканцы стремятся продемонстрировать связь между персонажами Chinagate времен Клинтон и нынешним окружением Керри. Обращается внимание на то, что среди финансовых доноров демократического кандидата присутствуют такие фигуранты "китайского скандала", как специалисты по привлечению средств в выборные кампании Джонни Чан и Джон Хуан (оба были под следствием по подозрению в шпионаже в пользу КНР), бизнесмен Джордж Чао Чи, Бернард Шварц, глава Loral Aerospace (компания Loral и ее руководство обвинялись в передаче китайцам ракетных технологий, позволивших существенно усовершенствовать состоящие на вооружении НОАК ракеты DF-4 и DF-5) и др. Наконец, сам Кер-

ри обвиняется в получении пожертвований в свой выборный фонд от Лю Чаоин, сотрудницы китайской авиационной компании САТИС и, по мнению американских СМИ, старшего полковника НОАК и сына известного китайского военачальника, бывшего зам. председателя ЦВС адмирала Лю Хуацина.²

Обвинения против республиканской элиты в незаконном получении средств от китайских и тайваньских представителей являются более разнообразными, что естественно, учитывая положение республиканцев как правящей партии. •

Одна из недавних вспышек интереса к финансовым отношениям между американскими политиками и китайскими коммерческими и государственными структурами связана непосредственно с членом семейства Бушей — младшим братом действующего президента Нейлом. По сообщению газеты Los Angeles Times 28 ноября 2003 года, Нейл Буш был нанят китайской компанией Grace Semiconductor Manufacturing Corporation за 400 тысяч долларов в год и пакет акций (общая сумма контракта — 2 млн. долларов США) на должность консультанта по вопросам стратегии развития бизнеса. Факт работы на китайскую корпорацию, одним из основных владельцев которой считается старший сын Председателя Центрального Военного Совета КНР и бывшего Председателя КНР Цзян Цзэминя Цзян Мянхэн не афишировался Н.Бушем и всплыл лишь в ходе его бракоразводного процесса с Шэрон Буш. В его обязательства, согласно контракту, входит периодическое предоставление GSMC бизнес-стратегий и информирование руководства компании о тенденциях развития отрасли и по другим вопросам, относящимся к сфере экспертных знаний Н.Буша. Отметим, что на суде Нейл Буш признал, что не обладает никакими специальными знаниями в области электронной промышленности.³

Факт работы члена семьи президента в крупной китайской компании в условиях, когда сам президент Буш ведет активную кампанию против китайской торговой экспансии в США, используется представителями Демократической партии для дискредитации действующего президента.

Вместе с тем, по мнению ряда американских и тайваньских наблюдателей, Нейл Буш использовал свои родственные связи с президентом для получения средств не только в КНР, но и на Тайване. В ноябре 2003 г. представители тайваньской оппозиции обвинили президента острова Чэнь Шуйбяня в том, что тот в целях укрепления своего авторитета в рамках предвыборной кампании встретился с Нейлом Бушем, выплатив за это брату американского президента более 1 млн. долларов. Встреча состоялась во время прошлогодней неофициальной поездки тайваньского лидера в США. Интересно, что по словам представителей ГМД, неназванная американская лоббистская фирма предлагала организовать за 1 млн. долларов подобную встречу и оппозиционному кандидату в президенты Лянь Чжаню, однако лидер оппозиции от такой встречи отказался. Следует отметить, что представители администрации Чэнь Шуйбяня решительно отвергали подобные обвинения.⁴

Эти данные о китайских связях Нейла Буша являются лишь одними из многих упоминаемых в американской прессе фактов деловых взаимоотношений семейства Бушей с различными китайскими структурами. Эти связи берут свое начало с пребывания в 1974-1976 гг. Джорджа Буша — старшего на посту главы американской миссии связи в КНР. В период его работы в Китае, его посещал сын — нынешний президент США Джордж Буш-младший.

Однако центральная роль в системе связей семьи с Китаем принадлежит Прескотту Бушу, старшему брату Дж.Буша-старшего и первому сыну основателя политического клана Бушей — Прескотта Шелдона Буша. Политическая карьера Прескотта Буша была краткой и безуспешной — она сводилась к неудачной попытке стать сенатором в 1982. В дальнейшем Прескотт Буш занимался преимущественно бизнесом. Впервые он посетил КНР в 1983 г., а в 1988-

м принял участие в совместном с рядом японских компаний проекте строительства в Шанхае комплекса для игры в гольф. Предполагается, что именно тогда он познакомился с Цзян Цзэмином, занимавшим в то время пост мэра этого города.

Другим контактом Прескотта Буша в китайском руководстве являлся лидер китайской "национальной патриотической буржуазии" а в дальнейшем — вице-президент КНР Жун Ижэнь. В 1993 г. он представил П.Буша группе китайских бизнесменов как "старого друга". Сам П. Буш признавал, что его родство с президентами США открывало ему любые двери в Китае, но при этом подчеркивал, что достижение конкретных результатов в бизнесе было возможно только благодаря его личным усилиям.

Оппоненты семейства Бушей обращают внимание на следующие шаги П. Буша в отношении Китая:

- в 1989 г. он посетил Пекин через три месяца после событий на площади Тяньаньмэнь и имел встречи с китайскими руководителями;

- В 1989 г. связанная с ним американская компания Asset Management смогла в обход введенных в отношении КНР санкций поставить туда телекоммуникационные спутники.

- П.Буш принимает активное участие в деятельности US-China Business Council, структуры, призванной лоббировать интересы американского бизнеса, ведущего дела с Китаем.

Наконец, предметом для спекуляций является роль П.Буша в урегулировании кризиса в американо-китайских отношениях после инцидента со столкновением самолетов двух стран над Южно-Китайским морем и аварийной посадкой американского разведчика EP-3 на о.Хайнань. П. Буш отправился в Китай несколько часов спустя после инцидента на борту первого рейса United Airlines из Чикаго в Пекин. В этом рейсе, открывавшем регулярное сообщение между двумя городами, участвовали многие известные в США люди, однако в большинстве своем они вернулись назад через 2-3 дня. П.Буш пробыл в Китае две недели и был единственным из именитых пассажиров рейса, с кем в Пекине встретился американский посол в КНР Джозеф Прюер. Прескотт Буш покинул КНР на следующий день после освобождения экипажа американского самолета.⁵

Вместе с тем, менее афишируемыми, но при этом более существенными являются интересы семьи Бушей и их окружения на Тайване. Политика поддержки Тайваня, проводимая при администрации Буша с возрастающей активностью, в немалой степени подкрепляется финансовыми интересами значительной части республиканской элиты, тесно связанной с инвестиционной корпорацией Carlyle Group.

Корпорация Carlyle Group, основанная в 1987 г. является одной из крупнейших международных инвестиционных компаний. В настоящее время в 23 принадлежащих компании фондах под управлением находится 17.3 млрд. долларов США. Основными направлениями инвестиционной деятельности компании являются оборонная, авиационно-космическая, автомобильная, энергетическая отрасли, а также проекты в сфере недвижимости, транспорта и телекоммуникаций.⁶ Под контролем Carlyle Group находится компания The United Defense, один из крупнейших в США производителей вооружения и военной техники для сухопутных войск.⁷

Основой стратегии Carlyle Group является привлечение в ряды сотрудников и консультантов компании влиятельных политиков-отставников из разных стран мира, но, прежде всего, из США. С момента основания компании и до января 2003 года в состав ее высшего руководства входил Фрэнк М.Карлуччи, являвшийся ранее министром обороны в администрации Р.Рейгана (в

1987 — 1993гг. исполнительный директор, далее до 2003 — председатель Правления). В настоящее время он остается Почетным председателем Правления компании⁸.

Среди других видных политиков, связанных с Carlyle Group, можно отметить бывшего президента США Дж.Буша-старшего⁹, бывшего премьер-министра Великобритании Джона Мейджора¹⁰, бывшего премьер-министра Филиппин Фиделя Рамоса¹¹, бывшего премьер-министра Таиланда Ананда Паньярачуна¹², бывшего госсекретаря в администрации Рейгана Джеймса Бэйкера, бывшего главу службы внутренних доходов США Чарльза Розотти, бывшего главу бюджетной комиссии в администрации президента Буша-старшего Ричарда Дармана.

Carlyle Group осуществляет масштабную инвестиционную деятельность на Тайване. Примером крупных вложений компании на острове является инвестирование 187 млн. долларов США в Taiwan Broadband, 4-ю по значению тайваньскую компанию в области кабельного телевидения¹³. Показателем тесных связей Carlyle Group с политическими и деловыми кругами Тайваня является то, что Фрэнк Карлуччи в период 1999-2003 гг. совмещал свою позицию в руководстве корпорации с постом Председателя Американско-тайваньского бизнес-совета (US-Taiwan Business Council), крупнейшего лоббистского органа, занимающегося защитой интересов американских компаний, торгующих с Тайванем.

Именно Карлуччи в качестве председателя Американско-Тайваньского бизнес-совета пригласил в США министра обороны Тайваня Тан Яомина в 2002 г. Состоявшиеся переговоры тайваньского министра с представителями американской администрации и ВПК сыграли важную роль в расширении американско-тайваньского военно-технического сотрудничества. Начиная с 2002 г., встречи между руководящими работниками министерства обороны Тайваня и высокопоставленными представителями военно-политических и военно-промышленных кругов США проводятся ежегодно.

Тема контактов окружения действующего президента США с Carlyle Group и влияния этих контактов на американскую политику в АТР, в том числе в отношении Тайваня, неоднократно поднималась СМИ, близкими к Демократической партии. Это вынудило Carlyle Group выступить с разъяснениями относительно роли, которую играют в ее работе сотрудники из числа бывших политиков, а также сократить их число в группах консультантов. Тем не менее, ориентация на использование бывших политиков, военных и топ-менеджеров крупнейших ТНК в деятельности Carlyle Group сохраняется.

Таким образом, обвинения в незаконном получении денег от китайских(тайваньских) структур, выдвигаемые в рамках нынешней избирательной кампании, можно разделить на следующие группы:

- **получение пожертвований в выборный фонд от структур, связанных с китайским правительством.** Нередко в качестве первоисточника средств фигурирует ГРУ ГШ НОАК. Отметим, что хотя на первый взгляд упоминания китайской военной разведки носят чисто пропагандистский характер, отчасти они все же могут быть обоснованы фактом существования до 1998 г. под контролем НОАК обширной бизнес-империи со значительными экономическими интересами в Соединенных Штатах. Помимо этого, крупные китайские военно-промышленные корпорации, такие как AVIC I и AVIC II отличаются сложной и непрозрачной структурой и имеют гигантские непрофильные активы, причем многие входящие в них компании, производящие продукцию и услуги невоенного характера, также активно представлены на территории США. Таким образом, военные и военно-промышленные круги КНР имеют все технические возможности для финансирования выборных кампаний в Соединенных Штатах. Характерно, что другое китайское ведомство, осуществляющее внеш-

ную разведку — Министерство Государственной Безопасности — в связи с финансированием выборных кампаний в США практически не упоминается.

- устройство лиц из ближайшего окружения действующих политиков, а также влиятельных отставников на посты консультантов в китайские и тайваньские компании, а также в американские корпорации, имеющие особые интересы на Тайване и в КНР. Если передача китайскими или тайваньскими правительственными структурами пожертвований в предвыборные фонды американских политиков очень часто труднодоказуема ввиду использования сложных финансовых схем, факт найма родственников влиятельных лиц и отставников со связями на должности консультантов не является новостью. К данной практике широко прибегают и власти КНР, и тайваньцы. Вместе с тем, есть основания предполагать, что в использовании данного канала влияния на действующее поколение американских политиков представители острова превзошли материк. Пример Carlyle Group демонстрирует, что крупные инвестиционные корпорации, делающие в своей работе ставку на использование инсайдерской информации и лоббизм, имеют несравненно больше возможностей для реализации крупных проектов в условиях Тайваня, чем КНР, политическая элита которой остается относительно закрытой для внешних влияний. Пример Нейла Буша, занявшего пост консультанта в шанхайской полупроводниковой компании, является скорее исключением, чем правилом.

- подверженность лоббизму со стороны американских компаний, заинтересованных в снятии барьеров для торговли с КНР или Тайванем. Учитывая большую привлекательность китайского рынка для большинства американских ТНК, основной бизнес которых находится в сфере производства (машиностроение, электронная промышленность, химическая промышленность, авиационно-космический комплекс и т.д.), тема подрыва национальной безопасности США в результате действий спонсируемых этими компаниями политиков является в американских СМИ постоянной. Однако данные обвинения касались прежде всего Клинтона и, лишь по наследству перешли к Джону Керри. Например, обращается особое внимание на финансирование его выборной кампании корпорацией Logal, замешанной в "китайском скандале" клинтоновских времен. Что касается действующего президента, то ввиду демонстрируемой им относительной жесткости в отношениях с КНР он гораздо реже является объектом обвинений в "прокитайской" политике.

В целом анализ публикаций американских СМИ о связях участников нынешней президентской кампании и их окружения с китайскими структурами, позволяет предположить, что и Тайвань и Китай сохраняют действенные рычаги для влияния на американскую внешнюю политику в АТР. При этом влияние тайваньцев наиболее сильно среди республиканской элиты, в том числе в окружении действующего президента. Что касается материкового Китая, то его представители достигли наибольших успехов в налаживании контактов с представителями демократической партии, прежде всего теми из них, кто был ранее близок к президенту Б.Клинтону.

Несомненно, смена президента не может привести к кардинальному изменению курса США в отношении КНР ввиду надпартийного характера противоречий в американской элите по данному вопросу. Однако ослабление или, наоборот, усиление влияния той или иной стороны Тайваньского пролива в Вашингтоне может существенно повысить эффективность выдвигаемых ею политических инициатив и ее информированность о процессах, происходящих в американских верхах.

1. Такие оценки встречаются во многих работах по тематике американского лоббизма, в том числе : Bernstein, Richard and Munro, Ross H. The Coming Conflict With China. New York: Alfred A. Knopf, 1997. 245 p.
2. Charles R. Smith. Kerry's Donation Records Under Fire, Money From Chinese Army Charles R. Smith//Tuesday. Feb. 10, 2004. <http://www.newsmax.com/archives/articles/2004/2/10/135320.shtml>
3. President's Brother Has \$2m Contract in China. By Warren Vieth and Lianne Hart.// Los Angeles Times. 28 October 2003.
4. Tsfi Ting-1. President Chen rebuts rumor of paying US\$1m to meet Neil Bush, 2003-11-11 //Taiwan News. <http://www.etaiwannews.com/Taiwan/2003/11/11/1068514178.htm>
5. Debbie Howlett. President's uncle shares Bush family ties to China. USA today. 18 February 2002.
6. Официальный сайт компании <http://www.thecarlylegroup.com/eng/company/index.html>
7. 'Carlyle Group', справка [globalsecurity.org](http://www.globalsecurity.org), <http://www.globalsecurity.org/military/industry/carlyle.htm>
8. <http://www.thecarlylegroup.com/eng/team/15-team399.html>
9. до октября 2003 года являлся старшим советником фонда Carlyle-Asia, <http://www.thecarlylegroup.com/eng/company/13-company737.html>
10. Нынешний глава Carlyle Europe, <http://www.thecarlylegroup.com/eng/company/13-company737.html>
11. Являлся советником фонда Carlyle Asia до февраля 2004.
12. Tim Shorroc. Carlyle Group — Crony Capitalism goes global. The Nation. 14 March 2002.
13. Tim Shorrock. Carlyle's tentacles embrace Asia //Asia Times. March 20, 2002.

Уголовное законодательство Китая в XX веке

© 2004

Н. Ахметшин

Основы китайского уголовного права в средние века и новое время были заложены кодексами Тан /кит. "Тан люй шу и"/ и Мин /"Да Мин люй"/, принятыми соответственно в 653 г. и в конце XIV в. На протяжении столетий уголовные законы Среднего государства сохраняли "отпечаток величайшей древности".¹

Тысячелетиями государство в Китае добивалось от населения полного и беспрекословного послушания. Менялись эпохи и династии, происходили социальные взрывы и потрясения, но неизменным был курс правителей на суровое преследование тех, кто своими действиями создавали угрозу устоям общества или его безопасности. Конечно, всегда оставалось место для злоупотреблений и самодурства во властных структурах, нерадивости и продажности чиновничьего сословия, убийств и насилия, разбойных нападений, грабежей и краж, но китайцы в массе своей с большой опаской относились к суду и поэтому не торопились преступать закон.

Традиционное китайское право и основанное на нем правосознание народа оказали влияние на процесс формирования уголовного законодательства Китая в XX в. В то же время это вовсе не означает, что новые законы повторяют старые нормы. Можно согласиться с позицией видного российского востоковеда Е. И. Кычанова, который в книге, посвященной основам средневекового китайского права, утверждает, что в современном праве КНР "могут быть обнаружены" только "отдельные его интонации"². Сегодня уголовное законодательство материкового Китая нацелено на решение актуальных проблем борьбы с преступностью в условиях строительства социализма с национальной спецификой.

В 1912 г., через год после свержения династии Цин, было утверждено состоявшее из 411 статей Уголовное уложение /Временное новое уголовное уложение/, работу над которым начали еще в императорском Китае. Несмотря на его очевидные достоинства и в целом достаточно прогрессивный характер /отказ от применения уголовной репрессии по аналогии, укрепление национального суверенитета через расширение сферы действия закона в пространстве, более четкие определения уголовно-правовых понятий и т. д./, после введения в действие, по мнению китайских ученых, оно вызвало немало нареканий, прежде всего в отношении установленных "разрядов наказаний, системы степеней наказаний и сроков наказаний", а отсутствие в законе необходимых норм "давало большую свободу усмотрению судьи и порождало опасение в отношении правильности и соответствия налагаемых им наказаний". Видные правоведы У Чаошу, Сюй Юаньгао и Ван Чунхуэй утверждали также, что

Ахметшин Наиль Хасанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН.

Уголовное уложение во многом противоречило зарубежному законодательству и современным китайским условиям³.

Уголовный кодекс Китайской Республики /КР/ /387 статей/ был опубликован гоминьдановским правительством и вступил в силу в 1928 г. В дальнейшем он действовал в редакции 1935 г. /357 статей/ с изменениями 1948 г. После 1949 г., когда гоминьдановцы, потерпевшие поражение в гражданской войне с коммунистами, во главе с Чан Кайши бежали на Тайвань, данный УК стал применяться лишь на территории острова.

Следует подчеркнуть, что разработчики уголовного закона находились под сильнейшим влиянием зарубежного права. В основном это были относительно молодые юристы, в начале XX века обучавшиеся в Японии, США и странах Европы. Во время подготовки Уголовного кодекса их регулярно консультировали иностранные советники. Специалисты, издавшие УК КР 1928 г. на русском языке /Харбин, 1929 г./, отмечали в этой связи, что, "составляя опыт сочетания национальных особенностей правотворчества Китая с достижениями европейской и внеевропейской юридической мысли", он "дает интересное построение уголовных норм как в Общей своей части, так и в Особенной"⁴. Профессор А. Камков так писал о нем в 1932 г.: "Почти целиком заимствованный из японского УК, а частью из законодательств Франции, Бельгии, Германии, Голландии, УК 1928 г. вносит в уголовное право Китая много абсолютно новых идей и институтов, которые, проходя через призму мировоззрения китайского народа, ... под влиянием этого мировоззрения приобретают совершенно особенный своеобразный характер"⁵.

Интересно, что в статье министра юстиции Китайской Республики того периода Ван Чунхуэя "Различие между проектом УК и Временным новым уголовным уложением", впервые опубликованной в 1928 г. и затем помещенной в книге "Уголовный кодекс Китайской Республики", приводятся ссылки на японское, швейцарское, германское, голландское, мексиканское, французское, англо-американское, итальянское, шведское и др. уголовные законодательства. В частности, в ней указано, что "ввиду отсутствия в Уголовном уложении точного критерия, коим можно было руководствоваться в отношении повышения и понижения наказания, что на практике не давало возможности назначить наказание вполне правильно, в Уголовном кодексе по примеру швейцарского и германского проектов УК введена специальная отдельная статья, в коей изложены те деяния, на которые суд должен обращать внимание при определении наказания в смысле повышения или понижения такового в пределах установленного законом наказания"⁶.

Здесь речь идет о статье 76 главы 10 "Об определении меры наказания" Общей части УК КР 1928 г., которая устанавливала, что при назначении наказания за совершенное преступление необходимо учитывать целый ряд обстоятельств, в том числе: причину совершения преступного деяния, цель совершения преступного деяния, побудительные причины во время самого совершения преступного деяния, душевные свойства виновного, обычные взаимоотношения между виновным и потерпевшим, поведение виновного, степень умственного развития виновного, последствия преступного деяния, состояние виновного после совершения преступного деяния⁷.

Представляется, что после многовекового господства в обществе традиционного права использование зарубежного опыта в области кодификации уголовного законодательства сыграло до некоторой степени положительную роль. Тем не менее, откровенный курс в процессе нормотворчества на иностранные

заимствования в условиях роста национального самосознания, политической нестабильности 20-40-х гг. прошлого века, исключительно сложной внутривнутриполитической борьбы и агрессии японских милитаристов объективно вряд ли соответствовал конкретным реалиям Китая. Он так и не был воспринят большинством населения. Как резонно считает американский ученый С. Б. Дэвис, новые нормы закона "никогда не применялись на практике в полном объеме"⁸. В конечном счете жесткое противостояние коммунистов и гоминьдановцев, Мао Цзэдуна и Чан Кайши проявилось и на уголовно-правовом уровне.

После поражения национальной революции 1925-1927 гг. вооруженные отряды Коммунистической партии Китая /КПК/ стали создавать в сельской местности опорные базы и обеспечивали их жизнедеятельность в чрезвычайных условиях военного времени. Формальное объединение освобожденных ими территорий произошло на I съезде Советов в ноябре 1931 г., где были приняты Основная конституционная программа Китайской Советской Республики /КСР/ и целый ряд других нормативных актов, в том числе законы о земле и о труде. Борьба за свержение гоминьдановского правительства под лозунгом Советов продолжалась до середины 1930-х гг. Несколько позже /1937 г./ было подписано соглашение о сотрудничестве КПК и Гоминьдана и объявлено о создании единого антияпонского фронта.

Летом 1932 г. Центральный исполнительный комитет /ЦИК/ КСР утвердил Временные правила об организации судебных отделов и судопроизводства. Согласно статье 2 этого документа, все уголовные и гражданские дела, за исключением дел военнослужащих и работников военных учреждений, передаются для разбирательства в судебные отделы. Последние до учреждения судов являлись временными органами юстиции, осуществлявшими все права в отношении разбирательства и решения уголовных и гражданских дел /ст. 1⁹/. Кстати, дела о преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами, находившимися на службе в воинских частях и учреждениях, а также дела о правонарушениях в прифронтовой полосе рассматривались военными трибуналами; соответствующее положение об их организации ЦИК принял еще в феврале 1932 г.

В ходе гражданской войны и непрерывных карательных походов армии Гоминьдана руководство компартии пришло к выводу о целесообразности разработки некоторых норм уголовного права. Документом такого рода следует считать Положение о наказании за контрреволюционные преступления, одобренное декретом ЦИК КСР 8 апреля 1934 г.¹⁰. Оно объединяло 41 статью, 27 из которых предусматривали уголовные наказания за конкретные преступления.

Согласно статье 2, под контрреволюционными преступлениями понимались любые попытки свергнуть или подорвать советские правительства, а также лишить рабочих и крестьян прав, завоеванных ими в демократической революции, любые попытки поддержать или восстановить классовое господство помещиков и капиталистов, независимо от того, какими способами это осуществляется. Действие данного положения распространялось как на китайцев, так и иностранцев, независимо от места совершения преступления /ст. 1/.

Исключительно смертной казнью карались организаторы контрреволюционных вооруженных отрядов и бандитских групп, подстрекатели к совершению контрреволюционных преступлений /ст. 3/, лица, вступившие в сговор с империалистами, Гоминьданом и милитаристами для оказания сопротивления Красной армии или осуществления вооруженного вторжения на советскую

территорию /ст. 4/, организаторы и исполнители террористических актов против представителей советской власти, красноармейцев, революционеров /ст. 9/, лица, перешедшие на сторону врага /ст. 15-16/ или проникшие в революционные вооруженные отряды с целью склонить их на сторону врага либо морально разложить /ст. 17/, лица, умышленно не выполнявшие приказы командиров, сеявшие на фронте панику /ст. 20/, с контрреволюционной целью укравшие боеприпасы /ст. 22/ или вновь вернувшиеся на советскую территорию для осуществления контрреволюционной деятельности /ст. 29/.

В санкциях еще 17 статей указанного положения допускалось применение высшей меры наказания. Лишь в статье 13/изготовление или хранение реакционных, подстрекательских листовок и плакатов/ максимальное наказание было установлено в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Статья 38 предусматривала применение уголовной репрессии по аналогии.

На территории опорных баз, находившихся под контролем КПК, в 30-40-е гг. XX в. были обнаружены и иные документы уголовно-правового характера, среди которых: положение о борьбе с курением опиума в Юго-Западном Китае /1938 г./, положение о наказаниях за уголовные преступления в период антияпонской войны в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся /проект, 1939 г./, положение периода антияпонской войны о наказании изменников в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся /проект, 1939 г./, положение о наказании военнослужащих гоминьдановской армии в Пограничном районе Хубэй-Хунань-Хэнань /1943 г./, положение о борьбе с коррупцией, наказании расхитителей в освобожденных районах на Северо-Востоке /1947 г./ и т. д.

Следует признать, что в суровые годы гражданских и антияпонской войн положение о наказании за контрреволюционные преступления 1934 г. и другие законодательные акты, разработанные коммунистами в освобожденных районах, действовали более эффективно, нежели кодексы гоминьдановского правительства, "скомпилированные из законодательств западноевропейских стран и Японии"¹¹.

В феврале 1949 г. Центральный комитет КПК принял директиву об отмене всех законов Гоминьдана, согласно которой судам было предложено руководствоваться установлениями, закрепленными "в программах, положениях, приказах, решениях и других документах, опубликованных народными правительствами и Народно-освободительной армией, а при их отсутствии — политикой новой демократии"¹².

После образования КНР с учетом опыта социалистических государств и, прежде всего, СССР в стране развернулась интенсивная работа по созданию новых законов, в том числе уголовного законодательства. Уже к концу июля 1950 г. комиссия по законодательству Центрального народного правительства /ЦНП/ предложила первоначальный проект Основ уголовного законодательства /157 статей/, но его разработчики не смогли прийти к единому мнению по целому ряду ключевых проблем и настаивали на продолжении серьезных исследований в данной области. В результате нормы уголовного права устанавливались отдельными актами, принятыми главным образом в начале 1950-х гг.

Так, в первые годы КНР были разработаны: Циркуляр о строгом запрещении опиума и других наркотиков, изданный Государственным административным советом 24 февраля 1950 г.; Положение о наказании за контрреволюционную деятельность, утвержденное Центральным народным правительственным советом 10 февраля 1951 г.; Временное положение о наказании за подрыв государственной денежной системы, принятое Государственным админи-

стративным советом 19 апреля 1951 г.; Временное положение об охране государственной тайны от 1 июня 1951 г.; Положение о наказании за коррупцию в КНР от 21 апреля 1952 г.; Временные правила надзора за контрреволюционными элементами от 27 июня 1952 г. и др.

Развитию законодательного процесса в стране способствовало принятие в сентябре 1954 г. Конституции КНР. Именно в это время юристы активизировали свои усилия по разработке Уголовного кодекса. Специалисты по уголовному праву из состава упомянутой комиссии по законодательству ЦНП на базе проекта Основ уголовного законодательства подготовили документ под названием "Руководящие принципы уголовного законодательства КНР /первоначальный проект/", включавший 76 статей. Официально работа над проектом УК была начата в октябре 1954 г.

В те годы с китайскими правоведами энергично сотрудничали советские ученые. По проблемам уголовного законодательства КНР и практики его применения интересные работы опубликовали М. А. Гельфер, Л. М. Гудошников, В. Е. Чугунов и др. Уголовное право социалистического Китая развивалось тогда под определенным влиянием права социалистического типа, которое возникло в результате Октябрьской революции 1917 г. как советское право. Последнее "закрепляло коммунистическую идеологию, носило откровенно классовый характер... и было подчинено задачам строительства социализма и коммунизма"¹³. Однако следует подчеркнуть, что, разрабатывая теорию уголовного права в рамках системы социалистического права, китайские специалисты исходили прежде всего из национальных особенностей построения социализма.

Между тем Уголовный кодекс принять так не удалось, хотя его необходимость, как и других законодательных актов, подчеркивалась в материалах и решениях первой сессии VIII съезда КПК, проходившей в Пекине с 15 по 27 сентября 1956 г. Выступая на съезде, член Политбюро ЦК КПК, председатель Верховного народного суда Дун Биу отмечал: "У нас уже имеется первоначальный проект Уголовного кодекса, давно имеется также и первоначальный проект Уголовно-процессуального кодекса, мы просим ЦК обязать товарищей, составивших настоящие проекты, передать некоторые принципиальные вопросы проектов на рассмотрение и утверждение центральных органов. Я считаю, что проекты этих двух кодексов можно в скором времени закончить". В то же время он подчеркивал, что "если и дальше будет продолжаться или надолго затянется положение, когда отсутствует система законов, то это, безусловно, станет серьезным недостатком"¹⁴.

В конце февраля 1957 г. на очередном заседании Верховного государственного совещания Мао Цзэдун выступил с программной речью "О правильном разрешении противоречий внутри народа"¹⁵. Содержавшиеся в ней указания китайские юристы, в том числе специалисты в области уголовного права, восприняли как руководство к действию. По мнению председателя КНР, в обществе существуют социальные противоречия двух типов: "противоречия между нами и нашими врагами и противоречия внутри народа". "Первой функцией диктатуры", т. е., согласно Конституции /1954 г./, демократической диктатуры народа, руководимой рабочим классом и основанной на союзе рабочих и крестьян, остается "подавление внутри страны реакционных классов, реакционеров и тех эксплуататоров, которые оказывают сопротивление социалистической революции, подавление тех, кто подрывает социалистическое строительство, иначе говоря, разрешение противоречий между нами и нашими внутренними врагами".

Особое внимание в речи было уделено вопросу “об искоренении контрреволюции”. Настаивая на продолжении борьбы “с нашими врагами”, Мао Цзэдун убеждал, что “не искорененные притаившиеся контрреволюционные элементы никогда не примирятся со своим поражением и непременно будут строить козни при каждом удобном случае”; “если мы утратим бдительность, то станем жертвой обмана и жестоко за это поплатимся”.

В стране, с его слов, имелось также “незначительное число лиц, которые не считаются с общественными интересами, бесчинствуют, нарушают законы и посягают на жизнь людей”. Их необходимо преследовать по закону, поскольку применение наказаний в отношении “этой категории людей является требованием широких народных масс, не наказывать их — значит идти против желания масс”. По справедливому замечанию Л. М. Гудошникова, “крайне неопределенные, расплывчатые” формулировки Мао Цзэдуна “призваны были заменить точные определения признаков преступлений и правонарушений, оснований и условий ответственности”¹⁶.

Теория о двух типах противоречий внутри народа оказывала значительное влияние на развитие общественной мысли и процесс законотворчества в Китае на протяжении нескольких десятилетий. Дискуссию о целесообразности применения ее положений в уголовном праве свернули лишь в начале 90-х гг. прошлого века, когда в стране окончательно утвердился курс на продолжение реформ.

22-й вариант УК, во многом созданный на основе только что изложенных идейно-политических установок Мао Цзэдуна, в июне 1957 г. был передан на рассмотрение 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей /ВСНП/ первого созыва. Сессия приняла решение поручить Постоянному комитету /ПК/ ВСНП внести в проект кодекса поправки с учетом мнений депутатов и других сторон, а затем опубликовать его в опытном порядке. Однако принятое решение не удалось реализовать из-за обострения внутривластной борьбы.

Следует отметить, что Э.З.Имамов в своей монографии “Уголовное право КНР. Теоретические вопросы общей части” (М., 1990 г.)¹⁷ анализирует не тот проект УК, который после упомянутой сессии так и не был введен в действие, а 13-й вариант Уголовного кодекса, разработанный несколько ранее, в ноябре 1956г.

За незначительный, казалось бы, промежуток времени /немногим более полугодия/ ситуация в Китае заметно изменилась. В стране началась кампания острейшей борьбы с “правыми элементами”, переросшая затем в очередное “исправление стиля”. Она была направлена, в первую очередь, против лидеров демократических партий, научной и вузовской интеллигенции, деятелей культуры, работников правоохранительных и судебных органов. В течение 1957 г., например, были сняты со своих постов и отнесены к числу “пролезших в партию правых элементов” многие ответственные работники Министерства контроля КНР /ликвидировано в апреле 1959 г./, Верховного народного суда, Верховной народной прокуратуры и т. д.

Поэтому неудивительно, что вариант уголовного закона, подготовленный в условиях ожесточенной идеологической полемики и репрессивных действий властей /июнь 1957 г./¹⁸, существенно отличался от проекта УК периода относительной стабильности в обществе /ноябрь 1956 г./¹⁹ не только по количеству статей /соответственно 216 и 261/, но и по их содержанию. Прежде всего следует обратить внимание на главы 1 (“Контрреволюционные преступ-

ления”) и 2 (“Преступления против общественной безопасности”) Особенной части. Совершенно очевидно, что разработчики 22-го варианта УК с учетом сложившейся политической конъюнктуры взяли курс на ужесточение уголовных санкций. Так, его статья 110 предусматривала лишение свободы на срок от трех до десяти лет за агитацию, пропаганду или фабрикацию и распространение ложных слухов с контрреволюционной целью. Между тем в ноябре 1956 г. лиц, виновных в совершении указанных преступлений, предлагалось наказывать лишением свободы от одного года до семи лет /ст. 112/.

Кроме того, проект уголовного закона, рассматривавшийся на сессии ВСНП, допускал применение смертной казни, в частности, за подстрекательство, вовлечение, подкуп государственных работников, вооруженных отрядов с целью измены /ст. 102/, за похищение, выведывание государственной тайны или передачу секретной информации /ст. 105/, а также в отношении руководителей феодальных сектантских организаций, осуществлявших контрреволюционную деятельность /ст. 107/. Во всех перечисленных случаях и ряде других статей главы о контрреволюционных преступлениях 13-й вариант УК в отличие от более позднего проекта устанавливал максимальное наказание в виде бессрочного /пожизненного/ лишения свободы /ст. 99, 103, 106/.

В этой связи необходимо напомнить, что выступая 15 сентября 1956 г. на первой сессии VIII съезда компартии с политическим отчетом ЦК КПК, Лю Шаоци решительно настаивал на ограничении смертной казни. По его словам, высшая мера наказания должна была применяться в отношении “весьма незначительного числа лиц, совершивших вопиющие преступления и вызвавших ненависть народа”. Что же касается контрреволюционеров, то борьбу с ними “необходимо вести строго в рамках законности, причем следует, исходя из новой обстановки, в настоящее время сделать еще шаг вперед в применении к ним политики великодушия”²⁰.

В годы “большого скачка” /1958-1960 гг./, когда “демократическая жизнь в партии и государстве, — как позднее сказал Дэн Сяопин, — начала выходить из нормы”²¹, работники правоохранительных и судебных органов, представители юридической науки главным образом обеспечивали поддержку всевозможных массовых движений, проведение пропагандистских кампаний и других мероприятий в городе и на селе, включая непосредственное участие в производственной деятельности трудовых коллективов.

Правоведы возобновили работу над Уголовным кодексом лишь в начале 1960-х гг. Так, в феврале и октябре 1963 г. появились соответственно 30-й /204 статьи/ и 33-й /206 статей/ варианты УК. Последний даже рассматривался на высшем партийно-политическом уровне. Через 16 лет именно 33-й вариант УК на сессии высшего органа государственной власти дважды упомянул в своем докладе председатель комиссии по законодательству ПК ВСНП Пэн Чжэнь, выступивший с разъяснениями по проектам новых законов. В частности, он подчеркнул, что предложенный депутатам новый проект Уголовного кодекса “основывается на 33-м варианте, исходит из опыта последующих десяти с лишним лет, новой ситуации и новых проблем”²².

Следует признать, что многие положения проекта УК 1963 г. /октябрь/²³ вошли в окончательный текст уголовного закона, принятого в 1979 г. В то же время были и некоторые различия. 33-й вариант кодекса, например, не содержал упоминания о том, что закон “разработан на основе руководящего курса идей марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна” /ст. 1 УК 1979 г./. При определении сроков давности он предусматривал привлечение к уголовной от-

ветственности лиц, совершивших некоторые виды преступлений /контрреволюционные преступления, умышленное убийство/ еще до образования КНР, т.е. до 1949 г. /ст. 81-82/. Таких норм в УК 1979 г. нет. Разработчики указанного проекта исключали возможность применения бессрочного /пожизненного/ лишения свободы к лицам, не достигшим к моменту совершения преступления 18 лет /ст. 46/, а в 1979 г. законодатели сочли целесообразным включить в кодекс норму, согласно которой лица от 16 до 18 лет за особо тяжкие преступления могли быть приговорены даже к смертной казни с двухлетней отсрочкой /ст. 44/. Кроме того, арест как вид уголовного наказания предлагалось в 33-м варианте кодекса установить на срок от трех дней до шести месяцев, при назначении наказания за совершение нескольких преступлений — до одного года /ст. 32/ (в УК 1979 г. срок ареста определен от пятнадцати дней до шести месяцев/; срок надзора в 1963 г. составлял от шести месяцев до трех лет, при назначении наказания за совершение нескольких преступлений он мог достигать пяти лет /ст. 36/; в УК 1979 г. — от трех месяцев до двух лет и т. д).

С учетом той роли, которую рассматриваемый проект сыграл при разработке УК 1979 г., можно заключить, что китайские юристы в начале 1960-х гг. подготовили сбалансированный и добротный закон. Принятие кодекса в те годы объективно создало бы благоприятные условия для эффективной борьбы с преступностью, способствовало бы поддержанию политической стабильности в государстве и выявлению его мощного экономического потенциала. Между тем история, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Очень скоро все исследования в области уголовного права были прекращены.

В связи с резким обострением противоречий в руководстве КНР группа Мао Цзэдуна, планируя отстранение от власти и ликвидацию политических оппонентов, отказалась от дальнейшей разработки и принятия Уголовного кодекса, как и других законопроектов, которые в какой-то степени могли воспрепятствовать актам произвола и беззакония. Поэтому с начала “культурной революции” в середине 1960-х гг. об УК уже не вспоминали. Суд и прокуратура в том виде, в каком они существовали ранее, были уничтожены. Практика массовых судилищ и расправ не нуждалась в законодательной регламентации. За годы “десятилетнего хаоса” количество репрессированных составило около 100 млн человек²⁴.

Обстановка в материковом Китае изменилась только после смерти Мао Цзэдуна, устранения “банды четырех” и завершения “культурной революции” /осень 1976 г./ К декабрю 1978 г. специалисты ПК ВСНП, Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности КНР, профильных научно-исследовательских учреждений АОН, ведущих высших учебных заведений, других организаций и ведомств подготовили 34-й вариант Уголовного кодекса /241 статья/. Следующий проект УК /также 241 статья/ был готов к февралю 1979 г. Его разработчики учли мнения практических организаций, а также политико-юридических учебных заведений из ряда провинций и городов центрального подчинения, высказанные относительно предыдущего варианта закона. Наконец, на второй сессии ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г. был рассмотрен 38-й вариант проекта УК и принят первый в истории КНР Уголовный кодекс, который включал 192 статьи²⁵.

После долгих лет сложных и неоднозначных политических процессов, судебного беспредела “культурной революции”, весьма сомнительных, с точки зрения легитимности, идеологических кампаний указанный документ при всех его недостатках и просчетах стал, бесспорно, не только большим достижением

специалистов-разработчиков и китайских законодателей, но и продемонстрировал принципиальные позитивные изменения в правовой культуре правящей элиты и всего общества. Кодекс отразил новые тенденции и веяния в стране, где прошлое оставило "в наследство намного больше традиций феодальной деспотии, чем традиций демократии и законности"²⁶.

Некоторые западные ученые в начале 1980-х гг. отмечали, что на УК КНР 1979 г. решающее влияние оказали советские уголовные кодексы. В частности, высказывалось мнение, что китайский закон ближе к УК РСФСР 1926 г., "поскольку кодекс РСФСР 1960 г. является выражением победившей революции, тогда как кодекс КНР — выражение законов еще бурлящей революции". Другие в подтверждение своей точки зрения ссылались на китайских юристов, которые в частных беседах утверждали, что советские УК были для них "своеобразной моделью" при подготовке китайского уголовного закона²⁷.

Американский исследователь Х. Дж. Берман в одной из статей привел весьма любопытную метафору относительно западного, советского и китайского /после 1949 г./ права, своеобразно использовав систему родственных связей. Советское он считал незаконнорожденным сыном западного права, который уже достиг зрелости, а китайское сравнил с капризной дочерью советского права, которая все еще "слоняется по улицам"²⁸.

Подобные рассуждения при кажущейся правдоподобности и логичности вызывают серьезные сомнения. Действительно, ученые, практические работники и законодатели работали над УК многие годы, в том числе и в период расцвета дружбы между СССР и КНР, регулярных и плодотворных контактов советских и китайских юристов, о чем уже было сказано выше.

Однако, на наш взгляд, необходимо все-таки четко осознавать, что за минувшие десятилетия страна, вставшая на путь социалистического строительства, пережила серьезные социально-экономические потрясения и частые смены политического курса. Решающую победу в ожесточенной борьбе за власть одержали в целом прагматически настроенные руководители, отстаивавшие в первую очередь государственные интересы. При принятии важных решений по различным направлениям, включая сферу законодательства, они подчеркивали своеобразие национального развития, одновременно учитывая знания, накопленные мировым сообществом. Выступая 1 сентября 1982 г. на открытии XII съезда КПК, Дэн Сяопин, в частности, заявил, что "слепое копирование чужого опыта и чужих моделей никогда к успеху не приводило". По его словам, "идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой — таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения многолетнего исторического опыта"²⁹.

Можно, конечно, отыскать сходные нормы в УК КНР и других стран, но совершенно очевидно стремление китайских законодателей наиболее эффективно решать насущные и вполне конкретные собственные проблемы борьбы с преступностью. К тому же лидеры компартии первого поколения в 20-30-е гг. XX в. стали свидетелями неудачного эксперимента гоминьдановского правительства по использованию зарубежного опыта в деле разработки и последующего применения УК.

Плюсы и минусы нового уголовного закона лежали, как говорится, "на поверхности". В отечественной научной литературе достаточно глубоко и подробно проанализированы его основные положения, дана оценка общим подходам китайских политиков и юристов к кодификации уголовного законодательства, в определенной степени прослежена его эволюция в 1980-90-е гг. Правда,

необходимо признать, что перевод кодекса на русский язык, выполненный в начале 1980-х гг. и служивший непосредственной основой для научных исследований, к сожалению, не всегда адекватен оригиналу. Во многом это объясняется терминологической путаницей, нечеткостью и обтекаемостью формулировок в прежнем УК, объективными трудностями перевода сложнейших законов и их редактирования при полном отсутствии необходимых словарей и специальной литературы на китайском и русском языках после десятилетий затянувшегося пропагандистского советско-китайского противоборства.

О несовершенстве принятого Уголовного кодекса в Китае заговорили очень скоро. Новый закон практически не был приспособлен к стремительно развивавшимся событиями в условиях реформ, начавшихся в конце 1970-х гг. под руководством Дэн Сяопина. Последние не только привели к удивительным и грандиозным переменам в обществе, но и спровоцировали появление абсолютно новых для социалистического Китая видов преступлений, заставили по-иному взглянуть на криминогенную обстановку в стране. Кодекс, вступивший в силу 1 января 1980 г., уже через два года подвергся существенной корректировке, когда 8 марта 1982 г. на 22-м заседании Постоянного комитета ВСНП пятого созыва было принято Постановление об усилении наказаний в отношении лиц, совершивших серьезные хозяйственные преступления. Оно ужесточало уголовные наказания за контрабанду, взяточничество, торговлю наркотиками и другие преступления, значительно расширяло возможности применения смертной казни.

Спустя полтора года, 2 августа 1983 г., ПК ВСНП шестого созыва на своем заседании утвердил Постановление об усилении наказаний преступников, серьезно нарушивших общественную безопасность, которое предусматривало, в частности, наказание выше высшего предела /вплоть до смертной казни/ в отношении довольно широкого круга осужденных. Как утверждал в октябре 1983 г. Дэн Сяопин, власти наносили "массированный удар по элементам, совершившим тяжкие уголовные преступления, незамедлительно применяя к ним устроженные меры наказания". По его словам, в сложившейся ситуации "с мягкотелостью и беспомощностью руководства нужно кончать без лишних разговоров"³⁰.

Последовавшие затем различные положения, дополнительные установления и постановления, в соответствии с которыми вносились изменения в Уголовный кодекс, нарастали как снежный ком. За 17 лет были приняты 24 нормативных акта, непосредственно направленных на совершенствование УК. Более чем в 80 законов экономического, административного и другого характера было включено 130 с лишним норм, которые во многом меняли действовавшее законодательство³¹.

Параллельно с перекраиванием УК 1979 г. велась интенсивная работа над новым кодексом, проект которого подготовили к декабрю 1988 г. /217 статей/. В июле того же года на втором заседании ПК ВСНП седьмого созыва вопрос о его скорейшем принятии был поставлен в конкретную плоскость. Однако после известных событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в политико-юридической среде возникли глубокие разногласия по содержанию уголовного закона, прежде всего по проблеме сохранения в нем норм о контрреволюционных преступлениях.

В трудное для страны и реформ время Дэн Сяопин сумел придать дополнительный импульс коренной перестройке общества. В январе-феврале 1992 г. 87-летний политик совершил поистине историческую поездку на юг Ки-

тая, где недвусмысленно высказался в поддержку всеобъемлющих преобразований, потребовал “действовать смелее и не бояться экспериментировать”. Он, в частности, заявил: “Необходимо по-прежнему браться за дело обеими руками — одной за политику реформ и открытости, другой за борьбу против преступности. Притом обе руки должны быть одинаково твердыми”. В то же время Дэн Сяопин призвал опираться в борьбе с преступностью на закон, подчеркнув, что “применение правовых норм более надежно”³².

Вскоре специалисты вернулись к комплексной разработке УК. Особенно активно она шла в середине 1990-х гг. С августа 1996 г. по февраль 1997 г. в ВСНП были представлены сразу несколько проектов Уголовного кодекса. В начале марта 1997 г. на 25-м заседании ПК ВСНП восьмого созыва рассматривался еще один проект УК /449 статей/, но и в него позднее внесли изменения.

14 марта 1997 г. после многолетних оживленных дискуссий, яростных споров и политических согласований на пятой сессии ВСНП восьмого созыва была принята новая редакция Уголовного кодекса 1979 г. Поправки и изменения носят столь масштабный и, временами, кардинальный характер, что можно с полным основанием говорить о реформе УК и всего уголовного законодательства в Китае. Нынешний кодекс, объединяющий 452 статьи, вступил в силу 1 октября 1997 г.³³

В новом законе нашли отражение опыт социально-экономического и политического развития КНР в 80-90-е гг. XX в., состояние и динамика совершаемых преступлений, а также практика работы правоохранительных и судебных органов по борьбе с преступностью. Его отличительной чертой следует считать откровенный прагматизм. Юристы и законодатели, наученные не самым удачным опытом УК 1979 г., стремились включить в кодекс максимальное количество составов преступлений, которые реально совершаются в государстве, и подробно описать их признаки. Свободные от сомнительных международных обязательств и политиканской фракционной конъюнктуры они закрепили в законе то, что считали актуальным для современного китайского общества.

КНР с ее огромным населением крайне нуждается в социально-политической и экономической стабильности, законопослушании граждан, чтобы осуществить амбициозные проекты и обеспечить поступательное движение по пути прогресса. Поэтому все негативные явления в стране, прежде всего в области экономики, тщательно отслеживаются и анализируются. При необходимости в уголовное законодательство вносятся соответствующие изменения и дополнения.

Постоянный комитет ВСНП в декабре 1998 г. принял Постановление о наказании за приобретение обманным путем, утечку за границу и незаконную торговлю иностранной валютой, которое предусматривало, в частности, внесение изменений в статью 190 УК. В последующие пять лет /до конца 2003 г./ ПК ВСНП четырежды принимал поправки к уголовному закону, дал конкретные разъяснения к части 2 статьи 93, статье 228, части 1 статьи 294, статьям 313 и 342, части 1 статьи 384, статье 410, разъяснил вопрос о субъектах преступлений против интересов государственной службы, предусмотренных в главе 9 Особенной части УК.

Уголовный кодекс на момент его принятия в 1997 г. охватывал 413 видов преступлений. По состоянию на 15 августа 2003 г. с учетом внесенных ПК ВСНП поправок действующий УК КНР включал уже 422 вида преступлений, в новой редакции даны еще 23 вида преступлений³⁴. Можно не сомневаться, что и в дальнейшем власти будут внимательно следить за уровнем и тенденциями развития преступности в Китае, своевременно и четко решать конкретные задачи борьбы с нею с использованием уголовно-правовых средств.

1. Козлов С.В. Китай. Гражданское и уголовное законодательство. СПб., 1899. С. 18.
2. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права /VII-XIII вв./ М.: Вост. лит. РАН, 1986. С. 255.
3. Уголовный кодекс Китайской Республики. Харбин, 1929. С. XXI.
4. Там же. С. V.
5. Камков А. Очерк современного уголовного права Китайской Республики. М., 1932. С. 7.
6. Уголовный кодекс Китайской Республики. С. XI.
7. Там же. С. 16-17.
8. Journal of Chinese Law. 1987. Vol. 1. No 2. P. 308.
9. Советские районы Китая. М.: Вост. лит. РАН, 1977. С. 113.
10. Там же. С. 127-133.
11. Современное право КНР. М.: Вост. лит. РАН, 1985. С. 7.
12. Там же. С. 9.
13. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 506.
14. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С. 253, 248.
15. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин, 1977. Т. 5. С. 461-508.
16. Гудошников Л.М. Политический механизм КНР. М.: Вост. лит. РАН, 1974. С. 82.
17. Имамов Э.В. Уголовное право КНР. Теоретические вопросы общей части. М.: Вост. лит. РАН, 1990. С. 14-16.
18. Синь синфа цюаньшу [Энциклопедия нового Уголовного кодекса]. Пекин 1997. С. 1448-1457.
19. Там же. С. 1437-1448.
20. Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. С. 57.
21. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления. М.: Палея 1997. С. 156.
22. Жэньминь жибао. 1979. 1 июля.
23. Синь синфа цюаньшу. С. 1467-1475.
24. Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 2. С. 81.
25. КНР. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1984. С. 331-366.
26. Дэн Сяопин. Указ. соч. С. 158.
27. The Journal of Criminal Law and Criminology. 1982. Vol. 73. No 1. P. 236, 238.
28. Contemporary Chinese Law: Research Problems and Perspectives. Cambridge, Massachusetts. 1970. P. 315.
29. Дэн Сяопин. Указ. соч. С. 192-193.
30. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 29.
31. Синь синфадянь ды чуанчжи [Разработка нового Уголовного кодекса]. Пекин, 1997. С. 3.
32. Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. С. 394, 400.
33. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М.: Муравей, 2000. С. 254-411.
34. Синфа цзуймин цзинши [Виды преступлений по УК. Подробные разъяснения]. Пекин, 2003. С. 10-14.

О перспективах реформирования и открытия Северной Кореи

© 2004

Ю Се Хи

После распада социалистической системы северокорейский режим сталкивается с глубоким системным кризисом, причиной которого стали нарастание внутренних противоречий и сокращение внешних связей.

В этот весьма сложный период, получивший название "трудного похода" почти все внутренние резервы страны были исчерпаны. В Пхеньяне стали искать новые пути экономического развития, которые позволили бы преодолеть кризисную ситуацию. С этой целью предпринимались шаги в направлении налаживания отношений с Южной Кореей (проведение межкорейского саммита), осуществлялись отдельные элементы рыночных реформ, создавались зоны свободной экономической деятельности, включая специальный административный район в Синьчжу, промышленную зону в г. Кэсоне и совместный (с Южной Кореей) туристический проект в горах Кымгансан. Однако все эти усилия и поиски по ряду внутренних и внешних причин пока не принесли ощутимых результатов. Некоторые начинания оказались неэффективными, другие до сих пор находятся в стадии реализации. Возникшая в октябре 2002 г. северокорейская ядерная проблема затруднила осуществление намеченных программ выхода из кризисного состояния.

Предпринятые 1 июля 2002 г. "государственные меры" представляют собой наиболее крупные шаги по усовершенствованию управления экономикой. Они стали концентрированным выражением перемен во внутренней экономической политике — началом экономических реформ. С другой стороны, указанные перемены можно рассматривать как типичные, которые в подобных условиях осуществляются в качестве одной из моделей открытия экономики внешнему миру.

Попытки скорректировать экономическую политику предпринимались в Северной Корее и раньше: закон о совместных предприятиях 1984 г., создание в 1991 г. Раджин-Сонбонской экономической зоны и другие начинания. Однако все эти новации не принесли особых успехов, что не могло не актуализировать задачу по-новому и всесторонне пересмотреть экономическую политику в целом.

Реформы 1 июля 2002 г. по совершенствованию управления экономикой по сути дела стали очередным этапом курса на изменение экономической политики. Основной смысл реформы заключается в повышении зарплаты и цен, а также в совершенствовании управления экономикой. На первом этапе проведения реформы интерес СМИ и ученых в основном концентрировался на фак-

Профессор Ю Се Хи, видный южнокорейский специалист в области международных и межкорейских отношений, проректор университета Ханъян посвящает эту статью своему другу и коллеге, академику М.Л.Титаренко, с которым он тесно сотрудничает на протяжении вот уже более 15 лет. Статья дается в сокращении.

тах роста цен и зарплаты. В этой связи высказывалась озабоченность относительно того, что Северная Корея может не справиться с дефицитом товаров. Спрос на товары превышал предложение, что могло привести к глубокой инфляции.

Следует отметить, что ценовая реформа в Северной Корее не является неожиданной или случайной.

Во-первых, меры по укреплению и совершенствованию управления экономикой, являющиеся стержнем ценовой реформы, представляют собой естественную основу для строительства могущественной державы, главной задачей которой названо наращивание государственной мощи. В Северной Корее существует мнение, что капиталистические государства, демонстрируя свои экономическое и технологическое преимущества и высокие темпы развития, рассчитывают таким образом подорвать веру северокорейского населения в социализм. Вера в возможность развития по пути "экономически могучей державы", как считают в Пхеньяне, придаст уставшим от хронического кризиса северокорейским гражданам уверенность в совершенстве существующего строя.

Изменение методов управления экономикой можно обнаружить, прежде всего, в популяризации принципа "экономического прагматизма". Ранее считавшийся типичной частью капитализма, прагматизм теперь утверждается в качестве нормы управления экономикой.¹ Первоочередное значение для обеспечения максимальной практической отдачи приобретают повышение эффективности и производительности.² В соответствии с этим на каждом производстве осуществляются меры по повышению производительности за счет технической реконструкции промышленных объединений, освоению новой продукции, совершенствованию планирования и системы хозрасчета. Подчеркивается, что в управленческой деятельности акцент теперь делается на рационализацию производства, при которой сокращаются издержки труда, сроки первоначального накопления капитала, сроки пуска в строй сооружаемых предприятий, ускоряется оборачиваемость капитала. Другими словами, по сравнению с капиталистической системой управления здесь нет особых различий. До недавнего времени Северная Корея отличалась главным образом тем, что придерживалась метода коллективизма. Для получения валюты, необходимой для закупки на капиталистическом рынке сырья, топлива использовались любые методы, тем не менее, утверждалось, что "проблемы будут решаться на принципах коллективизма, а не на основанной на индивидуализме рыночной экономике". Проще говоря, шел "поиск такой модели социалистической экономики, которая могла бы сосуществовать с капиталистической".³

3 октября 2001 г Ким Чен Ир опубликовал работу "Об улучшении и совершенствовании управления социалистической экономикой в соответствии с требованиями строительства могущественной державы", получившую название "указания 3 октября". Часть этих указаний была сразу же реализована, а часть вошла в ценовую реформу. Среди тех шагов, которые были осуществлены, можно назвать, во-первых, разделение полномочий в области экономического планирования. Раньше Государственный плановый комитет составлял все планы в соответствии с принципом унификации и детализации планирования. Отныне Госплан устанавливает лишь государственные, стратегически важные показатели. Обязанности по их детализации возложены на органы управления либо на сами предприятия. Указанная мера способствовала использованию инициативы низов для нормализации производства и управления. Теперь предприятия получили право самостоятельно конкретизировать плановые показатели. Предприятия также обрели право по своему усмотрению решать ряд финансовых вопросов, касающихся, в частности, фиксированных платежей в казну государства, прежде осуществлявшихся по статьям армотизационных отчислений и платы за использование оборудования; размера внутренних ре-

зервов от дохода с продаж основных фондов. Они также получили право выпускать продукцию помимо плановой.⁴

Во-вторых, в качестве меры по укреплению самостоятельности предприятий изменена традиционная практика, при которой приоритет отдавался плановому руководству со стороны государства. Теперь в промышленности и сельском хозяйстве организационные и управленческие вопросы решаются в соответствии со специализацией производства и местными условиями. Параллельно с этим укрепляется система хозрасчета, расширена сфера его применения.

В-третьих, увязка технических планов с финансовыми позволила повысить значение таких ранее игнорировавшихся в производстве и строительстве финансовых показателей как цена и прибыль, что будет способствовать экономии материальных и финансовых ресурсов.

В-четвертых, введение социалистического товарного рынка позволило отказаться от практики, при которой госкомитет по материально-техническому снабжению нес ответственность за плановые поставки всех материальных ресурсов, необходимых в промышленности и строительстве и перейти к взаимному обмену недостающим сырьем и запчастями между предприятиями. Эта мера, будучи дополнением к государственной системе материально-технического снабжения, расширила возможности для движения материальных ресурсов и тем самым явилась шагом по созданию условий для нормализации производства. Правда, предприятия до сих пор никак не могут отказаться от сложившейся практики иметь у себя максимально возможные запасы, как говорится, "на черный день", а так же из опасений столкнуться с нехваткой ресурсов. Тем не менее, существует вероятность того, что в результате финансового бремени, которое они будут нести из-за излишних запасов, а также по мере усиления финансового контроля, такая практика будет постепенно корректироваться.

В пятых, практическое применение НТР перестраивает процесс производства; подчеркивается, что его основой является развитие информационных технологий (ИТ) и иных современных и информатизированных видов производства. В связи с этим активно развивается модернизация и информатизация экономики, научно-техническое сотрудничество с зарубежными странами. Все это стало органичной частью политики, направленной на повышение производительности и эффективности посредством НТР.

В ходе реализации пятилетнего плана научно-технического развития на 1998-2002 гг., основное внимание было сосредоточено на улучшении производственно-технической базы, обновлении производственного оборудования. Обновление шло вначале в таких сферах, как легкая, пищевая промышленность, рыбное хозяйство и птицеводство, а затем распространилось на машиностроение и производство жаропрочных материалов.

Кроме того, реформа цен предполагала следующие изменения: Во-первых, в процессе децентрализации цен на потребительские товары местные производители наделялись правом самостоятельно устанавливать цены и стандарты. Конечно, контроль со стороны вышестоящих органов остается неизменным условием, однако "для повышения ответственности и инициативности" работников и развития местной промышленности изменяется основной принцип унитарности цен. Это нашло отражение в одновременном повышении цен и зарплат.

Во-вторых, ликвидируется уравниловка в распределении. В рамках конкретизации курса на получение "реальной отдачи" это стало заметным отходом от существовавшей до сих пор практики равномерного распределения государственных благ к новому порядку, когда это распределение зависит от практических результатов, т.е. от количества и качества труда. Для поощрения хозяйского отношения трудящихся социалистического общества к управлению

и использованию госсобственности предусматривается обеспечить четкую связь между трудозатратами и зарплатой"⁵. Подчеркивается, что тот, кто больше и лучше работал, в соответствии с результатами труда получает и большую долю материальных благ, и соответствующую политическую оценку.⁶

И, наконец, в-третьих, если прежде доход северокорейского населения в основном складывался из натурального распределения, а заработная плата играла вспомогательную роль, то в перспективе следует ожидать сокращения государственных дотаций и других льгот, а оставшиеся блага каждый должен будет приобретать на свою зарплату. Розничные цены будут меняться, зарплата станет основным доходом, определяющим материальное положение семьи. Ожидается резкий рост и цен, и доходов. Пока властям удастся минимизировать издержки реформ, сохранить систему бесплатного образования и медицинского обслуживания населения, систему социального обеспечения, т.е. то, что определяет специфику "социализма нашего образца".

Вступают в силу и другие новации правительства по совершенствованию управления экономикой, которые не входили в перечень указаний Ким Чен Ира от 3 октября 2001 года.

Во-первых, модернизация предприятий, реструктуризация экономики определены в качестве главной задачи. Вследствие острого дефицита электроэнергии ряд предприятий тяжелой промышленности и химии не могут работать в непрерывном режиме. Естественно, поэтому взят курс на развитие производств с невысоким уровнем энергопотребления. Пока не ясно, как будет реализована эта программа, поскольку надо будет искать источники финансирования, поставщиков нового оборудования и способы его внедрения. Насколько известно, только оборонная промышленность продолжает работать успешно под присмотром Второго экономического комитета.

Во-вторых, в такой обстановке были осуществлены меры по регулированию структуры предприятий, работающих в составе промышленных объединений. За минувшие 10 лет застоя многие из них прекратили работу из-за нехватки сырья и топлива, на других — оборудование устарело или вышло из строя. Все это вынуждало идти на объединение предприятий. Было непросто объединить размещенные в разных местах страны заводы, но это позволяло сократить управленческий аппарат. На деле производительность труда и эффективность работы объединенных производств все же снизилась, так как были нарушены привычные производственные связи. Производственные объединения представляли собой сеть крупных заводов, символизирующих социалистическое государство как форму коллективного управления производством, но их производительность и эффективность находилась на низком уровне. В 1999 г. по соображениям нерентабельности прекратили работу 21 промышленное объединение, а в 2000 г. — еще 16.

В третьих, внесение корректив в плановую, командную экономику, не в лучшую сторону отразилось на приоритете плана. В Северной Корее и раньше в планы включались подчас задания, которые не были выполнимыми. Случалось и по-другому, когда для подстраховки плановые показатели на предстоящий год намеренно занижались. Имела место практика, когда под мало значимые результаты записывались чрезмерные бюджетные ассигнования, при этом планировалось также использование избыточных трудовых ресурсов.

В КНДР утверждают, что для преодоления такого рода негативных явлений необходимо обеспечить активное применение плановых начал и не ориентироваться на субъективные устремления отдельных лиц или организаций. Подчеркивается, что сверстанные на этих принципах планы могут и должны быть выполнены.⁷

Существуют определенные надежды на то, что меры, предпринятые первого июля, положительно скажутся на повышении производительности труда. Но, как неоднократно отмечалось специалистами, одновременное много-разовое увеличение цен наряду с зарплатой вряд ли порадует многие слои населения. Уже сейчас наблюдаются серьезные трудности. По сравнению с ценовой либерализацией, которая была проведена в Китае, в Северной Корее за сравнительно небольшой период цены возросли в несоизмеримых масштабах. И само по себе это — малоприятное явление. Известно, что цена на рис, установленная в 1946 г. и остававшаяся неизменной в Северной Корее в течение 56 лет, выросла после первого июля 2002 г. в 550 раз. Такие скачки цен оказались неожиданными и не соответствовали расчетам правительства. В этом состоит особенность северо-корейского варианта ценовой реформы.

Дело в том, что поначалу в Пхеньяне решили отрегулировать цены на продовольствие, а затем на этой основе установить цены на другие товары. В недалеком прошлом уровень ценообразования в КНДР определялся ценами на основные промышленные товары — электроэнергию и уголь. Теперь же все цены зависят от колебания цен на продовольствие, как основного продукта, определяющего спрос и предложение.

Цены на потребительские товары в Северной Корее в сравнении с промышленными товарами всегда были значительно ниже. Это соответствовало указаниям Ким Ир Сена, который утверждал, что при установлении уровня цен государство обязано различать цену и стоимость товара, стремясь снижать цены на товары массового спроса.⁸

Сейчас, когда полностью отменены государственные субсидии на зерно, рост цен в какой-то мере компенсируется сохранением невысоких цен на энергоносители. В прошлом цены ориентировались на потребителя, в новых условиях, когда действуют принципы экономической выгоды, производители будут стремиться получить прибыль и доход, превышающие, насколько это возможно, издержки производства.

Как отмечалось выше, сейчас действует принцип зависимости цен от спроса и предложения. Теперь нет фиксированных цен на рис, как и на другие товары. И это сегодня лежит в основе всей системы ценообразования в Северной Корее.

После прихода к власти Ким Чен Ира в стране наблюдается отчетливый интерес к научно-техническому развитию и открытию страны для внешнего мира в рамках политики прагматизма в области экономики. Такие перемены в Северной Корее особенно наглядно проявились в планах создания специального административного района в г. Синчжун. Хотя в Северной Корее и понимают, что реформы и открытость являются реальной альтернативой для преодоления экономических трудностей, там опасаются, что эти процессы могут создать угрозу существующему строю. Поэтому власти проводят реформы в тех направлениях, где такая опасность минимальна.

Если рассматривать проблемы, с которыми сейчас сталкивается Северная Корея, то не подлежит сомнению, что, по сравнению с экономическим кризисом, более серьезным является обусловленный политическими, экономическими, социально-культурными и внешним факторами кризис всей системы, который не может быть преодолен без проведения внутри нее реальных перемен. Конечно, возможность того, что нынешний системный кризис приведет к быстрому краху Северной Кореи, невелика. Но нет никакого сомнения в том, что перемены тем или иным способом должны быть проведены. Вопрос в том, какие методы будут для этого использованы.

При этом северо-корейская ядерная программа кажется наибольшим препятствием для процесса реформирования. Но на самом деле проблем на-

много больше. Прежде всего, это вопросы различий между масштабами экономики и объемом необходимой помощи. Сложности привлечения иностранных инвестиций связаны не с позицией руководства Северной Кореи, а с объективными условиями. С другой стороны, изоляция северокорейской экономики от мировой, закрытость политической системы, единая идеология, наличие сил, опасющихся внешних угроз для существующего строя, разница в национальной мощи с другими странами представляют собой, с точки зрения северян, трудно преодолимые препятствия.

В конечном счете, для успеха реформ и открытости самым важным является позиция высшего северокорейского руководства. Ему предстоит обеспечить макроэкономическую стабильность, нормализовать производство и обеспечить расширение потенциала развития.

Отказавшись от своей ядерной программы, Северная Корея могла бы стать на международной арене активным членом мирового сообщества и таким образом, преодолев внешнеполитическую изоляцию, получить от международного сообщества большую экономическую поддержку. Тогда могут появиться финансовые источники для создания жизненно необходимой для Севера инфраструктуры. Помощь со стороны Южной Кореи в перспективе также связана с военными и дипломатическими решениями Северной Кореи по обеспечению благоприятного развития отношений между Севером и Югом. Надо будет также законодательно обеспечить гарантии инвестиций и свободу действий иностранных бизнесменов на территории Северной Кореи, предоставить налоговые льготы, обеспечить дополнительные условия для привлечения инвестиций в специальные экономические районы.

Перевод с корейского В.П.Ткаченко

1. Хен Чер. Расчет экономической эффективности — важный путь обеспечения практической отдачи экономической работы. // Кенчже энгу. Пхеньян, 2001. № 1. С.11-13.
2. В этом смысле в Северной Корее не ставят знак равенства между прибылью и реальной пользой. Там подчеркивают, что реальная польза — это цель, которую надо преследовать не с точки зрения отдельной (производственной) единицы, а с точки зрения коллектива // Чосон синбо. 2002. 22 ноября.
3. Там же.
4. Кан Ир Чхон. Меры по совершенствованию управления экономикой от 1 июля. Доклад на семинаре в Институте Северной Кореи Университета Корё (июнь 2003 г.). С. 8.
5. Пак Хон Ёп. Общественно-экономическая основа единого управления госпредприятиями // Кёнчже энгу. 1998. № 1. С 19.
6. Конечно, так как в КНДР не смогли дойти до этапа построения коммунизма, принцип распределения там заключался не в том, чтобы “каждому по потребностям”, а “каждому по труду”.
7. Нодон синмун. 2002. 26 мая.
8. Ким Ир Сен. О некоторых теоретических вопросах социалистической экономики. ПСС. Пхеньян, 1985. Т. 23. С. 471.

Наши рефераты

Известные исследователи китайско-советских и китайско-российских отношений Сюэ Сяньтянь и Луань Цзинхэ из Института новой истории Академии общественных наук КНР опубликовали в журнале "Сиболиньцзю" свою очередную работу "История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве". Статья посвящена анализу союзнических отношений между Китаем и Россией (СССР), оформленных в виде "Договора о взаимопомощи и совместной обороне" (1896 г.), "Китайско-советского договора о дружбе и союзе" (1945 г.), "Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи" (1950 г.) и, наконец "Китайско-российского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.). Китайские историки подвергают всестороннему анализу значение упомянутых договоров для развития двусторонних китайско-российских связей и обеспечения для этого благоприятной международной среды. На этом фоне интерес представляет рассмотрение авторами территориально-пограничного вопроса между Китаем и СССР (Россией), остро поставленного Мао Цзэдуном в 1964 г.

Сюэ Сяньтянь и Луань Цзинхэ выступают с оптимистическим прогнозом развития отношений стратегического партнерства и взаимодействия двух стран, считая, что устранение недопонимания, укрепление доверия и постоянное наполнение сотрудничества практическим содержанием сделают наши отношения еще более совершенными.

История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном Китаем и Россией 16 июля 2001 г., указано, что народы двух стран твердо решили жить в вечной дружбе. С позиций последних лет видно, что Договор был рожден из совместных российско-китайских заявлений и деклараций, подписанных и одобренных главами двух стран начиная с 1992 г. Заглядывая в более отдаленные времена, можно сказать, что он как минимум является логическим результатом неуклонного тесного дружественного сотрудничества двух великих народов в последние несколько столетий. Общественность многих стран позитивно оценивает хорошее будущее для развития китайско-российских связей. Однако после официального установления в 1996 г. партнерских отношений стратегического сотрудничества между Китаем и Россией опреде-

ленные круги в некоторых странах, выступая с прогнозами и провокационными заявлениями в адрес китайско-российского стратегического сотрудничества и добрососедских дружественных отношений, утверждали, что “Китай и Россия никогда не были настоящими друзьями”, что “в 17-19 веках китайцы вынашивали в душе планы провести широкомасштабный и стремительный бросок в Сибирь”, что между Китаем и Россией “возникнут столкновения на Дальнем Востоке и в Сибири”, и т.д. Эти круги, игнорируя историю и современность, совершенно не стремились понять сущностную основу отношений добрососедства и дружеского сотрудничества между Китаем и Россией. Вообще-то говоря, на это можно было бы и не обращать внимания. Однако дело в том, что за исключением соответствующих специалистов обеих стран, большинство в Китае и России, в особенности молодежь, недостаточно полно и системно представляет себе реалии, истории китайско-российских отношений в последнее столетие. К тому же “большая полемика” между двумя компартиями в 60-х годах, а также период абсолютного противостояния в китайско-советских отношениях, о влиянии которых на отношения двух стран уже говорилось очень много, заслоняли или вымывали самое важное и самое позитивное. Возникали представления, будто ряд подписанных нашими странами документов о дружбе и сотрудничестве служит лишь для того, чтобы избежать конфронтации. Вот почему настоятельно необходимо прояснить, какое самое главное историческое наследие оставило народам двух стран последнее столетие двусторонних отношений, чтобы наши потомки вечно им дорожили. Следует знать, что это наследие является самым основным фактором, стимулирующим вечную дружбу и сотрудничество между народами наших стран.

1. Об истории: “врозь” и “вместе” в китайско-российских отношениях

1) Взгляд на историю трех союзов.

Оглядываясь на последнее столетие истории китайско-российских отношений, можно обнаружить по крайней мере один факт — Китай и Россия три раза подписывали союзные договоры, то есть трижды вступали в союз. Три союзных договора — это подписанные Китаем и Россией Договор о взаимопомощи и совместной обороне (т.н. “Китайско-российский секретный договор”) от 3 июня 1896 г., Китайско-советский договор о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. и Китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г.

Китайско-российский Договор о взаимопомощи и совместной обороне (“Китайско-российский секретный договор”) гласил: “В случае если Япония вторгнется на территорию восточно-азиатской части России, либо на территорию Китая, либо на территорию Кореи, препятствуя реализации настоящего Договора, предпринимаются незамедлительные действия в соответствии с настоящим Договором. В случае если это произойдет, оба государства договорились, что направят все морские и сухопутные войска, которые смогут направить в установленный срок, и окажут взаимную помощь. Стороны окажут всю возможную помощь, включая вооружения и продовольствие”.

Китайско-советский договор о дружбе и союзе гласил: “Договаривающиеся государства обязываются совместно с другими Объединенными Нациями вести войну против Японии до победного конца. Договаривающиеся государства обязуются в ходе данной войны предоставить друг другу всю необходимую военную и иную помощь и поддержку”.

Китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи гласил: “Обе Договаривающиеся Стороны обязуются, что ими совместно будут предприниматься все имеющиеся в их распоряжении необходимые меры в це-

лях недопущения повторения агрессии и нарушения мира со стороны какого-либо другого государства, находящегося в створе с Японией. Если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны Японии или ее союзников и в этой связи окажется в состоянии войны, другая Договаривающаяся Сторона в полной мере окажет ей военную и иную помощь”.

Из основного содержания вышеуказанных трех союзных договоров можно заключить, что в случае внешней агрессии, угрожающей безопасности обоих государств, Китай и Россия не просто окажут обычное взаимное содействие, либо выразят сочувствие, а направят “морские и сухопутные войска”, которые смогут “незамедлительно направить”, “взаимно предоставят друг другу всю необходимую военную и иную помощь и поддержку”, “в полной мере окажут взаимную военную и иную помощь”. Рассматривая основные цели трех союзов, можно констатировать, что это были без всякого сомнения военно-политические союзы. Китай и Россия за примерно 50-летний период трижды объединялись в военно-политические союзы, что является единственным в своем роде феноменом в новой истории двусторонних межгосударственных отношений!

Вглядываясь в исторический контекст, несложно видеть, что эти три союза для России приходятся на периоды царской России и СССР, а для Китая — на периоды Цинской империи, Китайской Республики и Китайской Народной Республики. В те времена в Китае и России происходили огромные изменения в государственных, социальных укладах и в идеологиях. Изучая тогдашнюю международную ситуацию, мы видим, что три союза прошли через периоды политики силового диктата в конце XIX века, войну с фашизмом и период начала “холодной войны”. Конечно, помимо трех союзных договоров Китай и Россия подписывали и другие документы и соглашения о взаимной поддержке и взаимной солидарности, например, Китайско-советское соглашение 1924 года (также называется “китайско-советским рамочным Соглашением о разрешении спорных вопросов”), Договор о взаимном ненападении 1937 года, “Декларация Сунь Ятсена — Иоффе”, не уступающая по своему значению договорам. Вслед за распадом СССР и окончанием “холодной войны” сегодня, когда мир идет по пути многополярного развития, Китай и Россия вновь установили партнерские отношения стратегического взаимодействия и заключили российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

С момента заключения Китаем и Россией первого союза и до установления партнерских отношений стратегического взаимодействия прошло как раз сто лет. Это, естественно, можно рассматривать как удивительное историческое совпадение, однако одновременно можно считать и исторической закономерностью. Вышеприведенные самые основные факты объясняют по крайней мере одну простую истину — если говорить о народах двух стран, то вне зависимости от каких-либо изменений и реформ их государственных и социальных укладов, от того, в каком направлении будет развиваться ситуация в мире, обе стороны всегда будут нуждаться во взаимной поддержке и сотрудничестве, будут неуклонно искать эффективные способы сотрудничества. Если где-то сотрудничество не заладилось, то надо делать новые попытки и обязательно найти более совершенную форму сотрудничества с тем, чтобы дружба двух наших народов продолжалась из поколения в поколение!

2) Внутренние и внешние факторы, способствующие сближению Китая и России.

Поскольку мы считаем, что три союза Китая и России сами по себе представляли собой беспрецедентное явление в новой истории международных отношений, то соответственно это особенное явление и было вызвано особыми

причинами. Контакты и связи между великими народами Китая и России насчитывают долгую историю, кроме того, две страны — близкие соседи, поэтому исторические и географические факторы сыграли исключительно важную роль. Однако это ни в коем случае не является самой главной причиной союзов Китая и России. Ведь Китай и Япония тоже являются близкими соседями, более того, они имеют и общий фон восточной культуры, однако исторически эти страны никогда не были союзниками. Наоборот, три союза Китая и России были направлены против Японии. Каковы же все-таки особенные причины сближения Китая и России? Если говорить о внутреннем факторе, то и у Китая, и у России были общие интересы с точки зрения революции, реформ и строительства, а также порожденные этим фактором искренние взаимные симпатии и поддержка двух великих народов. Именно это и есть самая основная причина, способствовавшая сближению Китая и России.

В начале XX века в обществах, в мышлении людей и в культуре Китая и России произошли важные революционные изменения. К этому времени народы Китая и России имели блестящие и славные культуры, которыми они гордились. История и культура двух великих народов оказали глубокое влияние и на другие народы. В начале XX века у народов Китая и России возникли кризисные настроения в отношении национальной истории и культуры. Самым главным фактором, способствовавшим этим настроениям, была русско-японская война 1904-1905 гг. Она явилась важным переломным этапом не только в новой истории российского государства, но также и в новой истории Китая — это еще одно историческое совпадение. Империалистические Россия и Япония сражались за обладание северо-востоком Китая, где была развязана несправедливая война. Поскольку коррумпированное и недееспособное цинское правительство проводило политику “изоляции и нейтралитета”, оно тем самым полностью утратило способность управлять Китаем. Поражение же России в этой войне привело к революции 1905 года, которая способствовала обновлению мышления российской нации. В 1905 г. в Китае была создана “Союзная лига”, что означало начало демократической революции в стране и пробуждение китайской нации. Говоря объективно, ощущение кризиса у китайской нации возникло в результате насильственной оккупации и угнетения страны Западом, однако у русского народа это чувство было связано с развязанной российским самодержавием войной с внешним врагом, в особенности с тем, что за русско-японской войной последовала Первая мировая. Две великих империи — Китай и Россия, одна вследствие захвата страны внешними силами, другая в результате войны, хотя и в силу разных причин, пришли к сходному результату: империи были разрушены, а старая идеология сломана.

В процессе революции в России Ленин учил российский народ, что к соседним государствам надо подходить, исходя из общечеловеческих принципов равенства; следует “решительнейшим образом, неуклонно, отважно и революционно добиваться того, чтобы все народы, ранее испытывавшие гнет со стороны великороссов, имели равные с ним права”; Ленин не только восстановил должное чувство национальной гордости русского народа, но и призвал его к солидарности к другим угнетенным народам мира. Он является создателем великой теории и практики единения пролетариев и угнетенных народов всех стран. Это объединяло народы Китая и России. Идеи Ленина о национальном равенстве вызвали отклик китайского народа, подвергшегося империалистической агрессии и гнету. Именно эти узы нерушимо связывают китайский и российский народы.

Как бы сегодня ни оценивать Октябрьскую революцию, китайский народ никогда не забудет декларацию правительства Советской России в отношении Китая 1919 и 1920 гг., а также “Декларацию Сунь Ятсена и Иоффе”, принятую Сунь Ятсеном и представителем Советской России Иоффе в 1923 г. В 20-х гг. XX века между компартиями СССР и Китая сложились тесные свя-

зи, подготовившие Великую китайскую революцию, главная цель которой состояла в сокрушении империалистического гнета. Борьба против империализма была общей необходимостью для народов Китая и России и вышла за рамки партийных интересов и идеологии. Для китайского народа она одновременно являлась и борьбой за национальную независимость, свободу и освобождение. Для российского народа она была призвана укрепить и усилить политическую власть молодого государства, улучшить внешнюю среду развития российской нации, а также расширить ее жизненное пространство. В период великой революции народы Китая и России искренне сотрудничали, что сделало их добрыми друзьями и переросло в глубокую дружбу. Это оказало неоценимое воздействие на дальнейшее развитие наших стран и отношений между двумя великими народами. Хотя впоследствии в китайско-российских отношениях возникали те или иные проблемы, но взаимные симпатии и поддержка, родившиеся в антиимпериалистической борьбе, никогда не прерывались. Совпадение интересов, связанных с борьбой против империалистической оккупации и гнета, тесно связали народы Китая и России. В 40-х и 50-х годах Китай и Советский Союз дважды были союзниками, что как раз и отражало совпадение их интересов и соответствовало логике развития. В современных условиях то, что Китай и Россия установили партнерские отношения стратегического взаимодействия, выступают против гегемонизма, политики силы, за многополярный мир и равноправный диалог между народами, также демонстрирует совпадение интересов великих народов Китая и России в историческом противостоянии империализму и отвечает логике развития ситуации в современном мире.

Говоря о внешних факторах, приведших к созданию трех союзов между Китаем и Россией, нельзя не упомянуть о геополитических факторах и изменениях мировой обстановки, которые непосредственно влияли и обуславливали отношения между двумя странами. С точки зрения геополитики, внешние факторы, сыгравшие роль "толчка" в китайско-российских отношениях, были связаны главным образом с Японией. Китай, Япония и Россия — это три великих соседа на Дальнем Востоке, из которых в течение достаточно длительного времени Япония была самой сильной державой, за ней следовала Россия, а Китай был самым слабым. Япония предпринимала самые жестокие нападения на Китай, а противоречия между Россией и Японией тем более затрагивали самые разные сферы. В целом, на протяжении длительного времени Япония занимала агрессивную позицию по отношению к Китаю и России. Поэтому-то три союза Китая и России была заострены против Японии. После Второй мировой войны США взяли Японию под свое крыло и заключили с ней союз. В результате возникла общая угроза для Китая и России на восточном направлении. Поэтому правильнее говорить, что третий союз Китая и России был скорее направлен не против Японии, а против США. Однако все три союза Китая и России по отношению к третьим странам носили оборонительный, а не наступательный характер. Можно сказать и так, что исторически степень сближения Китая и России зависела от степени прессинга либо "принуждения в отношении двух стран" со стороны окружающего мира. Эта ситуация также свидетельствует о закономерности данного явления, поскольку развитие китайско-российских отношений отражает изменения, происходящие в окружающем мире, и как только внешняя угроза затрагивает общие интересы двух стран, то они находят надлежащую форму реагирования, включая и вступление в военно-политический союз.

Объединение внутренних и внешних факторов, о которых говорилось выше, является концентрированным воплощением интересов двух стран в их взаимных отношениях, а национальные интересы двух государств являются конечным фактором, обуславливающим их развитие. Несмотря на то, что китайско-российские отношения не идентичны обычным отношениям, влияние на

их изменения и развитие оказывают также партийный и идеологический факторы, а также фактор личностный, причем эти факторы иногда способны играть и решающую роль. Тем не менее если они не смогут отвечать потребностям и интересам двух великих народов, то как бы ни было велико их влияние и продолжительность, отношения между двумя странами в конечном итоге войдут в русло, соответствующее общим интересам их народов. Это и есть основная причина установления партнерских отношений стратегического взаимодействия, добрососедства, дружбы и сотрудничества спустя 20 лет после прекращения в 1979 г. действия китайско-советского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

3) *Наследие истории двусторонних отношений.*

Вышеизложенное — это основная нить истории китайско-российских отношений за последние сто лет. Конечно, на протяжении века наша история не всегда сопровождалась цветами и аплодисментами. В этом долгом процессе были и радости, и досада, и гнев, были также кровь и слезы. Русско-японская война 1904-1905 гг. обернулась для китайского народа именно кровью и слезами. Воспоминания китайцев о первом союзе между Китаем и Россией исполнены печалью и горечью. Спустя 4 года после заключения Договора о взаимной помощи и совместной обороне (“Российско-китайского секретного договора”), когда в Китае развернулось “Движение ихэтуаней”, объединенная армия восьми государств вступила в Пекин, и в этой военной коалиции были также и российские войска. Объединенные войска восьми держав разграбили и сожгли Пекин, даже русскоязычный оригинал “Российско-китайского секретного договора” был похищен русскими солдатами из спальни императрицы Цы Си. Один этот инцидент оставил у китайцев ощущение позора.

Но ведь история состоит из позитивов и негативов, в ней много пластов. Позитивные и негативные моменты не могут заслонять либо подменять друг друга. Что касается первого неудачного союза, то он оставил за собой не одну только “боль”. Прежде всего непосредственным порождением этого союза стало появление в глубинных районах северо-восточного Китая прошедшей с севера на юг в форме буквы “Т” великой железной дороги — Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). Независимо от того, сколько стычек произошло между двумя странами, вооруженных конфликтов и даже международных раздоров, тем не менее эта дорога в конечном счете построена кровью и потом китайского и русского народов. Ее прокладка еще крепче связала народы Китая и России, и вплоть до сегодняшнего дня дорога является важным каналом китайско-российских контактов и обменов в экономической, культурной и гуманитарной областях. Для строительства этой железной дороги Россия инвестировала 375 млн. тогдашних рублей, Китай предоставил большие земельные участки и рабочую силу, только в земляных работах в пиковые периоды там было задействовано до 200 тыс. человек. Процесс строительства дороги резко стимулировал экономическое развитие китайского северо-востока, вдоль КВЖД появились такие города, как Харбин и Чанчунь, дорога способствовала процветанию морских и речных портов — Даляня, Льюшуня, Цзямусы, Фуцзиня. Эксплуатация железной дороги привела к расцвету и развитию торгово-экономической жизни в городах, ускорила прогресс модернизации Северо-Востока Китая. К 20-м годам XX века в крупных городах и населенных пунктах Китая вдоль КВЖД повсеместно использовалось электричество, керосин пришел на смену соевому маслу. Открытие железной дороги способствовало развитию научно-технического и культурного обмена между россиянами и китайцами. По мере развития КВЖД большое число китайских рабочих из прилегающих к ней районов выехало в Россию, накануне Октябрьской революции численность китайских рабочих и переселенцев в России достигала временами двух миллионов человек. Многие из них приняли участие в Октябрьской революции и последующем строи-

тельстве России, а некоторые отдали жизнь на российской земле, другие получили советское гражданство и навсегда стали россиянами. В то же время представители различных классов и социальных прослоек России в большом количестве переселились в Харбин и другие китайские города вдоль КВЖД. К началу 20-х годов XX века их число достигло 400 тыс. человек. Один родившийся в Харбине русский ученый на основании многих исторических документов так описывал китайско-российские культурные обмены, центром которых был Харбин: "...Приехавшие в то время в Харбин жители России поголовно были грамотными, квалифицированные рабочие и техперсонал имели высокий культурный уровень, обслуживающие КВЖД техники и инженеры были лучшими представителями российских научно-технических кругов того времени. В связи с тем, что Харбин был центром железной дороги, именно здесь обособилось больше всего россиян, талантливых в различных областях, и именно они сыграли важную роль в расширении взаимного обогащения и взаимного проникновения двух великих культурных цивилизаций — российской и китайской". "Между русскими и китайскими жителями Маньчжурии не было никакого отчуждения... В то время наиболее передовые в России и Европе наука и техника, творчество и искусство стремительно становились достоянием живших по соседству китайцев, перенимались и использовались китайцами; в то же время богатое разнообразие материальных и духовных ценностей китайского народа также впитывалось россиянами, по разным каналам вносилось в общественную жизнь русских людей, в особенности полезный опыт и знания местных китайцев в сельском хозяйстве, ремеслах и промышленности, которые принимались и заимствовались земледельцами и промышленниками в России". Объективно говоря, КВЖД стала поясом, благодаря которому через масштабные культурные и гуманитарные обмены углублялось взаимопонимание между народами двух стран, взаимные симпатии и дружба, а дружба и взаимопонимание между народами явились важным фактором развития отношений между двумя государствами на длительный период.

Прямым результатом заключения в 1945 г. Китайско-советского договора о дружбе и союзе стало ускорение победы в войне Китая против агрессии японского империализма и досрочное завершение войны против фашизма в мировом масштабе. И невзирая на разные оценки этого Договора, данный фундаментальный факт изменить невозможно. В то же время необходимо отметить, что в самый сложный период антияпонской войны китайского народа именно Советский Союз первым оказал Китаю щедрую помощь.

А в отношении Китайско-советского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. можно сказать, что он развил отношения взаимного сотрудничества между Китаем и СССР в различных областях до небывалого уровня, принес народам наших стран неопределимые материальные и духовные плоды. Сейчас можно по-разному смотреть на противостояние Востока и Запада и систему социалистического лагеря. Однако невозможно отрицать само существование социалистического лагеря, нельзя отрицать и ту пользу, которую принес народам двух стран, а также всему социалистическому лагерю данный Договор. Фактические результаты китайско-советского союза вышли далеко за пределы двух государств, ознаменовав самый плодотворный период в истории всего социалистического лагеря. Китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи утвердил дружбу, по меньшей мере, между тремя поколениями людей в Китае и России. Эта дружба оказалась настолько глубокой и прочной, что она нейтрализовывала тот ущерб, который был нанесен нашим странам в период 20-летней большой полемики и взаимной критики. Но срыв того союза оставил у народов России и Китая самое большое сожаление, потому что в то время ни внутренние, ни внешние факторы все-таки не имели предпосылок к неопределимому разрыву союза между Китаем и СССР, потому что в

ситуации противостояния двух мировых лагерей не происходило коренных изменений, а Китай и Советский Союз по-прежнему нуждались во взаимной поддержке в международных делах. Оба государства по-прежнему придерживались социалистического курса развития, отдавали все для социалистической революции и социалистического строительства, нуждались во взаимном понимании и помощи; их сотрудничество в экономической, культурной и научно-технической областях имело широкие перспективы и возможности развития. К счастью, досадные перемены привили “иммунитет к противостоянию” между китайским и российским народами, и руководители двух стран нашли форму сотрудничества, позволяющую избегать противостояния. Вместе с тем “иммунитет к противостоянию” и для китайского, и для российского народов всегда будет оставаться важным духовным достоянием.

II. О действительности: укреплять взаимное доверие, наполнять сотрудничество конкретным содержанием.

1) Укреплять взаимное доверие

Будущее китайско-российских отношений прекрасно. Однако ради этого необходимо проделать еще весьма масштабную работу, ключевое значение в которой имеет как раз укрепление взаимного доверия между двумя нашими великими народами. Поднимая данный вопрос, нельзя не вспомнить о наиболее крупных проблемах — территориальной и пограничной, — из-за которых в 60-70-х годах между учеными двух стран разгорелась острая полемика. Упомянутый в начале данной статьи тезис о так называемой “проблеме возможного китайско-российского конфликта в Сибири и на Дальнем Востоке” как раз и базируется на выводах, сделанных по результатам полемики, особенно на выводах из беседы Мао Цзэдуна 10 июля 1964 г. с японской делегацией. В той беседе Мао Цзэдун сказал: “Во второй половине XIX века царская Россия на основании Айгуньского и Пекинского договоров, Протокола о демаркации северозападной границы, Илийского договора и других неравноправных договоров отторгла от Китая 1,5 млн. кв. км территории”. Каков же был, в конце концов, смысл тогдашнего высказывания Мао Цзэдуна? На встрече 9 октября того же года с албанской делегацией он дал по этому поводу четкие разъяснения: “Переброска Хрущевым войск на границу с Китаем поставила нас в трудное положение, однако мы должны были проявить готовность. Поэтому в разговорах нам нужно было сделать “холостой выстрел”, произнести “пустые слова”, и на пограничных переговорах занимать наступательную позицию. Цель заключалась в том, чтобы добиться рационального положения на границе и подписать договор о границе. Вы, наверное, подумали, что мы и в самом деле хотим вернуть 1,54 млн. кв. км земель, занятых царской Россией. Отнюдь нет. Это, как раз и называется “холостым выстрелом”, чтобы вызвать настороженность другой стороны”. Это высказывание Мао Цзэдуна отчетливо продемонстрировало, что у Китая и в мыслях не было возвращать те 1,54 млн. кв. км, это был “холостой выстрел”, стремление отделить историческую правду и неправду; все, что требовалось — это добиться рационального пограничного урегулирования. В связи с началом в феврале 1964 г. китайско-советских переговоров по погранвопросам заявление Мао Цзэдуна об отторгнутых землях было сделано прежде всего в интересах переговорного курса и тактики. Иными словами Китай и СССР на переговорах по погранвопросам должны были отделить историческую правду от неправды, признать, что соответствующие договоры о нынешней границе между Китаем и СССР являются неравноправными договорами, навязанными Китаю империалистической царской Россией; принимая во внимание сложившуюся ситуацию, на основе этих договоров и путем переговоров полно-

стью решить пограничную проблему, определить линию прохождения всей границы между двумя странами; территория одной Стороны, оккупированная другой Стороной в нарушение договоров, в принципе подлежит возвращению этой Стороне. В общем, посредством “холостого выстрела” или наступательной тактики нужно было достичь рационального положения на границе.

Следует заметить, что выдвинутого Мао Цзэдуном принципа определения базовой линии прохождения китайско-российской границы на основе неравноправных договоров постоянно придерживались и все прежние правительства Китая. Хотя эти договоры были заключены в XIX веке и для Китая носили крайне неравноправный характер, однако коррумпированное и недееспособное цинское правительство вплоть до его свержения могло действовать лишь в рамках международных сношений того времени и обязано было уважать эти договоры. После победы Синьхайской революции (1911 г.) ни “северное правительство” (т.н. “клика северных милитаристов”, 1912-1927 гг.), ни гоминьдановское правительство не ставили вопрос о денонсации упомянутых договоров. После “Движения 4 мая” (1919 г.) в Китае был провозглашен лозунг “Долой империализм, долой неравноправные договоры!”, который был направлен прежде всего против “двадцати одного условия”, за ликвидацию концессий и консульской юрисдикции, за суверенитет во взимании таможенных пошлин. В начальный период существования нового Китая в “Общей программе”, которая тогда играла роль временной конституции, декларировалось: “В части договоров и соглашений, заключенных между гоминьдановским правительством и иностранными правительствами, Центральное народное правительство Китайской Народной Республики проведет тщательную проверку и в зависимости от их содержания либо признает их действующими, либо денонсирует, либо внесет изменения, либо переподпишет”. Упомянутые здесь договоры и соглашения между гоминьдановским правительством отнюдь не включают договоры и соглашения, заключенные между цинским правительством и правительствами зарубежных государств. Факты свидетельствуют о том, что правительство и народ Китая при урегулировании доставшихся от истории вопросов придерживаются рационального подхода.

Однако спор между Китаем и СССР в связи с переговорами по пограничным вопросам и по погранично-территориальному вопросу возник в особый исторический период китайско-советской полемики. И Китай, и Советский Союз всю свою работу концентрировали вокруг полемики “о генеральной линии международного коммунистического движения”. И в этот момент выдвигание территориального вопроса, вне всякого сомнения, само по себе лишь подлило масло в огонь и так накаленной полемики. Поэтому в Китае от критики ревизионистской линии Хрущева постепенно перешли к критике “ренегатской клики Хрущева” за следование царским регалиям, проведение гегемонистского курса и политики социал-империализма. Напротив, в СССР от критики догматизма Мао Цзэдуна перешли к критике проведения “маоцзэдуновскими элементами” политики великоханьского гегемонизма и территориального экспансионизма. Идеологическое противостояние переросло в межгосударственное, а истинные намерения высказываний Мао Цзэдуна в 1964 году, оказались полностью заслонены едким дымом великой критики. Никто уже не обращал внимания на неизменность позиции всех китайских правительств, а в СССР сложилось ошибочное представление, будто Китай вознамерился вернуть “утраченные территории”.

На самом же деле, еще задолго до того, как разгорелась полемика, некоторые российские и советские ученые и даже правительственные чиновники отнюдь не отрицали неравноправного характера Айгуньского и Пекинского договоров, отдавали “историческую правду от непраавды” в территориальном и пограничном вопросах между Китаем и Россией и не считали их чувствительными проблемами.

Однако по вышеупомянутым причинам, особенно из-за того, как понимать взаимную связь между историческими вопросами и ошибочным представлением о намерении Китая "вернуть утраченные территории", ситуация все больше усложнялась. В 60-70-х годах XX века ЦК КПСС неоднократно принимал решения, предписывая соответствующим ведомствам исправить в учебниках, научных трудах и на картах "ошибочные высказывания" и "неправильные оценки" в отношении Нерчинского, Айгуньского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров и издать новые книги в соответствии с "правильной позицией". В то же время и в Китае, начиная с 1969 г. и до середины 80-х гг., историки могли заниматься только одной исследовательской работой — критиковать агрессивность и экспансионизм царской России. Стороны мобилизовали все инструменты общественного мнения для критики друг друга, доведя дело даже до пограничного вооруженного конфликта. Пролилась кровь, и лишь только после этого началось отрезвление. В результате в общественном мнении сложилась такая ситуация, при которой невозможно было объективно отражать историю китайско-российских отношений, негативные исторические моменты заслонили собой позитивные; на чувства двух народов была брошена тень, что сказалось на взаимном доверии.

В настоящее время заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними. Договаривающиеся Стороны в соответствии с Соглашением между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 г. продолжают переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных участках. До их разрешения на этих участках соблюдается статус-кво.

Подписание китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве ясно продемонстрировало всему миру, что за исключением несогласованных участков границы территориальный и пограничный вопросы между Китаем и Россией разрешены на вечные времена. Учитывая это, повторное их обсуждение носит чисто научный характер. Что же касается научных вопросов, то, естественно, по ним можно вести различные дискуссии. Однако в ходе обсуждений следует постоянно обращать внимание на то, чтобы устранять негативное влияние, оказанное историей на чувства наших великих народов, и тем более не допустимо раздувание националистические настроения.

Одновременно с наличием базового понимания магистрального пути развития китайско-российских отношений за последнее столетие мы, очевидно, можем сделать следующий вывод: китайско-российские отношения партнерства и стратегического взаимодействия, отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества, а также граница дружбы между Китаем и Россией протяженностью более 4000 км являются самыми фундаментальными и позитивными факторами китайско-российских отношений, прочным фундаментом продолжения развития дружественных связей между двумя странами. Это является крепкой гарантией дружбы двух народов из поколения в поколение. Все это в свою очередь, не оставляет камня на камне от утверждений, будто Китай и Россия никогда не смогут быть настоящими друзьями, будто дружба между ними не долговечна, а их отношения обречены на конфликт.

2) Наполнение сотрудничества реальным содержанием.

Мир и развитие являются лейтмотивом современной эпохи. Основная цель заключения Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — обеспечение мира и развития двух стран. В настоящее время обе они активно развивают взаимное сотрудничество в сфере реформ и государственного строительства, продолжают углублять и укреплять дружбу между двумя великими народами. В международных делах Китай и Россия активно наращивают взаимодействие и координацию во всех областях, в особенности консультации и сотрудничество по важнейшим стратегическим вопросам международных отношений. В этом залог благоприятных условий для мира и развития не только двух наших великих народов, но и других народов мира. Цели китайско-российского стратегического сотрудничества не направлены против третьих стран, и причина этого в том, что сейчас в мире нет противников, которые бы напрямую угрожали общим интересам двух стран. Хотя мы надеемся, что такие противники у нас никогда и не появятся, тем не менее это не означает того, что Китай и Россия в случае внешней угрозы будут беспомощными и безучастными друг к другу. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве устанавливает, что “в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из Договаривающихся Сторон, может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы ее безопасности, а также в случае возникновения угрозы агрессии против одной из Договаривающихся Сторон Договаривающиеся Стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы”. Нет никакого сомнения в том, что перед лицом конкретной внешней угрозы “вступление Китая и России в контакт друг с другом и проведение консультаций” явится решающим противовесом.

Китай и Россия сотрудничают в области строительства и развития, и это взаимодействие также не должно быть ординарным. Его основу должны составлять проекты, соответствующие статусу двух великих государств и уровню их взаимоотношений, которые потянут за собой и все другие виды сотрудничества. Иными словами, необходимы проекты сотрудничества, имеющие эпохальное значение, такие, например, как 2500-километровый нефтепровод из российского Иркутска в китайский Дацин, нефтяные и газовые проекты в Сибири с тем чтобы подобно проекту КВЖД в XX веке заложить прочный фундамент экономического взаимодействия между двумя странами на последующие десятилетия нового века и, исходя из политических и экономических соображений, поднять двусторонние отношения на новый уровень.

Укрепление взаимного доверия между нашими великими народами неразрывно связано с развитием двустороннего сотрудничества. Только устранение недопонимания, укрепление доверия и непрерывное наполнение сотрудничества практическим содержанием сделают отношения между нашими странами еще более прекрасными.

Российский Дальний Восток

Проблемы интеграции экономики Камчатки в международный и дальневосточный рынки

© 2004

Р. Моисеев

Вопросы интеграции экономик Дальнего Востока и Камчатки в международный рынок актуальны, хотя обе имеют во внешнеэкономической деятельности удельные показатели, казалось бы, достаточно благополучные на общероссийском фоне. За 2000-2002 гг. Дальний Восток, имея около 4% населения России, обеспечивал 4,3-5,6% российского экспорта и 2,0-2,5% импорта товаров. Камчатская область, имея около 0,26% населения России, обеспечивала 0,3-0,4% российского экспорта и 0,1-0,2% импорта товаров. При этом Дальний Восток вывозил товаров на сумму в 3-5 раз большую, а Камчатская область — в 5-7 раз большую, чем ввозил. В целом по России это соотношение составляет 1,5-2,5 раза. Можно считать, что Дальний Восток и Камчатская область обогащают Россию. Но числятся в дотационных регионах, испытывают большое напряжение в ликвидации экономических и социальных тупиков, уровень жизни населения в них ниже, чем в среднем по России, и население из них выезжает.

Поэтому один из главных вопросов интеграции их в мировой рынок состоит, на наш взгляд, в том, чтобы привести в соответствие результаты внешнеэкономической деятельности региона и области с их последствиями для социально-экономического развития. Это, несомненно, стимулировало бы интенсификацию и рационализацию интеграции регионов в мировое хозяйство и увеличение вклада в развитие России.

Вторая важная проблема состоит в том, что и по объективным обстоятельствам, например по пространственной, транспортной и ресурсной составляющим, экономика Дальнего Востока и Камчатки тяготеет к мировым рынкам в гораздо большей степени, чем это имеет место в действительности. Расширение и углубление их интеграции в мировую экономику могло бы принести большую пользу и регионам, и России.

Поэтому рассмотрение проблем интеграции в мировой рынок Дальнего Востока и Камчатки актуально, а решение их необходимо в интересах не только самих регионов, но и страны в целом. Рассмотрение этих проблем для Камчатской области целесообразно разделить на три круга. Один связан со своеобразием современного российского федерализма и проблемами отношений по линиям Россия — Дальний Восток и Россия — Дальний Восток — субъекты

Федерации. Третий — проблемы интеграции Камчатки в международный и дальневосточный рынки.

Начало XXI в. в России характеризовалось ослаблением федерализма. Неизбежная во внезапно обедневшей стране определенная централизация политической и экономической власти, как представляется, перешла меру рационального. Это проявляется не только в консервации процессов социально-экономического обрушения во многих регионах, но и в формировании механизмов, тормозящих и даже препятствующих возрождению этих регионов. На федеральном уровне чрезмерно концентрируются доходы консолидированного бюджета. Недаром из 100 крупнейших банков России 84 находятся в столице страны. А в субъектах Федерации и муниципальных образованиях концентрируется ненаделенная ресурсами ответственность за финансирование образования, здравоохранения, культуры, катастрофическое состояние коммунального хозяйства и т.д. и т.п. Попытки регионов получить разрешение пользоваться правами, предусмотренными Конституцией для самостоятельного развития, вызывают в Центре подозрения в покушении на целостность страны.

В Камчатской области собирается более 14 млрд. руб. налогов и сборов, около 3 млрд. руб. остается в консолидированном бюджете области, около 6 млрд. руб. передаются с федерального уровня в виде трансфертов. Область, как видим, не нахлебник в России. Это — иллюстрация к сложившемуся в стране положению, которое тормозит развитие и страны, и периферийных регионов, называемых отсталыми, дотационными, депрессивными, стагнирующими, кризисными. В политических и экономических отношениях, характеризующих федерализм в современной России, сложилось слишком много недоверия. Федеральный уровень забирает до 70% средств государственного бюджета, объясняя это тем, что регионы неправильно тратят финансы. Государственная Дума и регионы подозревают в том же Правительство. Федеральный уровень формирует экономику страны под концепцию целостного, общего, единого российского экономического пространства. При этом проводится политика создания реальной экономики России как однообразного, унифицированного целого, действующего по единым законам и правилам. Но в России теоретически невозможны однообразное экономическое пространство, однообразная экономика. Невозможны из-за многообразия природных, социально-экономических, геополитических, иных условий развития, требующих различий и в организации экономических процессов. А организовать эти различия Центр не умеет, даже когда, в отдельных случаях, хочет.

Центр не доверяет местному уровню принятие оперативных хозяйственных решений даже в каждодневно меняющихся ситуациях. Вершина такого парадокса — ежегодное подписание Председателем Правительства России разрешений на промысел лососей, идущих на нерест в реки за десять тысяч километров от Москвы. Подготовка решений на таком уровне требует многочисленных согласований и времени большего, чем время хода лососей. Такой мелочной централизации власти Дальний Восток не знал ни при царской, ни при советской власти. На местах не верят финансовой системе, оставляющей губернаторов и муниципалитеты без ресурсов наедине с не получившими зарплату бюджетниками, массово разрушающимися инженерными коммуникациями, неразрешимыми долгами в энергетической сфере и тотальными обвине-ниями в плохом хозяйствовании. Политические власти не верят так называемым олигархам, которые, в свою очередь, не верят власти. Никто не верит их видимым взаимоотношениям. Банки не верят Правительству. Правительство — банкам. Население, как показывают публикуемые результаты исследований, не верит никому.

Эта проблема всеобщего недоверия — важнейшая из тормозящих развитие Дальнего Востока. Он наиболее удален от Центра. Наименее понят Центром. Теряет население. Имея гигантское геополитическое значение, регион вызывает у центральной элиты платоническую, а у власти — реальную тревогу. Эта тревога превращается в поручения, например о разработке мер по “Закреплению экономически активного населения”. Неадекватность этого подхода для решения проблемы заселенности региона, с природными условиями от арктических до почти субтропических и занимающего территорию площадью более 6 млн. кв. км, — очевидна, но не воспринимается на федеральном уровне управления. Главное, что необходимо решить для раскрепощения социально-экономического потенциала Дальнего Востока, в том числе для интеграции в мировой рынок, — это сменить атмосферу недоверия на полное доверие, без которого невозможно никакое развитие. Не надо чиновникам Центра бояться сепаратизма населения Дальнего Востока. У Дальнего Востока нет желания стать нерусским Дальним Востоком. Он может стать нерусским только вопреки своему желанию, только вследствие боязни Центра дать Дальнему Востоку стимулы для развития, управляемого самостоятельно в рамках общегосударственных долговременных стратегий развития. Тогда откроется возможность полно и рационально использовать выгоднейшее географическое положение и богатейший природно-ресурсный потенциал Дальнего Востока и Камчатской области в тех секторах мирового рынка, где это можно сделать высокoeffективно.

Второй круг проблем связан с характером социально-экономических взаимодействий между входящими в состав Дальнего Востока субъектами Федерации.

В начале 1990-х годов территориальные социально-экономические организмы Дальнего Востока, и ранее пространственно разделенные, но увязанные организационно и экономически, были порознь вброшены в хаос нерегулируемых интегрирующих и дезинтегрирующих воздействий. Дезинтегрирующие факторы оказались сильнее. Каждый субъект Федерации выплывал в одиночку. Попытки оживить интеграцию путем создания Ассоциации субъектов Федерации, а также института Полномочного представителя Президента РФ прямого видимого влияния на усиление действия интегрирующих факторов не оказало. Отдельные территориальные и отраслевые секторы экономики, вплоть до отдельных экономических единиц, развивались порознь. Одним нужна была рыба. Другим — нефть. Третьим — транзитные возможности Транссиба и морских портов. Четвертым — золото. Экономика Дальнего Востока в целом не была никому.

Рассмотрение темы интеграции Камчатки в дальневосточный рынок должно быть начато с вопросов, существует ли дальневосточный рынок, и, если существует, каковы его основные черты?

Правомерен ли теоретически вопрос о возможности расчлененности всероссийского рынка на региональные рынки с определенными, равными или близкими всероссийскому рынку таксономическими признаками (за исключением государственных границ, таможенной системы, единой валюты и т.п.)? Мы же не утверждаем, что на европейской части России самостоятельно функционируют северо-западный, центральный, южный, другие региональные рынки. Объективная основа для деления страны на соответствующие федеральные округа — есть. В свое время на такой основе выделялись такие территориально-экономические явления, как экономические районы. Но экономический район — не самостоятельно функционирующий рынок. Не возникают же вопросы об интеграции Краснодарского края в южный рынок, а Новгородской области — в северо-западный.

На Дальнем Востоке действительно существуют общие для региона и резко отличающие его от других регионов России условия развития торговых, финансовых, производственных, иных внутрорегиональных экономических связей. Можно назвать транспортную удаленность от развитых районов страны, разбросанность освоенных очагов по гигантской территории, выход протяженным побережьем в Тихий океан, общность глобального значения природно-ресурсного потенциала исключительной экономической зоны и шельфа, ориентация экономических связей на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Можно назвать и такие субъективно разрешимые на государственном уровне, но не решаемые факторы, как высокие тарифные транспортный и энергетический пороги; низкий уровень доходов, не соответствующий высокому уровню стоимости жизни; комплекс разрушительных демографических тенденций.

Составляют ли эти и другие особенности необходимую и достаточную совокупность условий для формирования рынка, который можно было бы рассматривать как самостоятельно функционирующий? Вероятность этого есть. С ними, например, связано исторически длительное экономическое тяготение к Дальнему Востоку Читинской области и Забайкалья, фиксируемое в государственных документах на протяжении десятилетий.

Представляется нецелесообразным выяснять сегодня, существует ли в настоящее время дальневосточный рынок как понятие абстрактное, всеобщее. Тем более, что эта абстракция в научной литературе и учебниках разных научных и идеологических школ описывается по-разному. Для нас важнее установить, наблюдаем ли мы формирование рыночных механизмов, характерных для целостного функционирующего экономического образования. Специфику сущности, форм, признаков, структуры этого образования еще предстоит изучить. Важно выяснить, есть ли предмет изучения. Представляется, что такой предмет есть. На это указывает сочетание нескольких признаков.

Явно различимо общее для Дальнего Востока преобладание ориентации на Азиатско-тихоокеанский рынок потребительских товаров: автомашин, бытовой техники, продовольствия, товаров широкого потребления и т.п. Воздействие мощных экономик Японии, Китая, других стран АТР в большей или меньшей степени охватывает весь мир. Но преобладание его на Дальнем Востоке очевидно.

Консолидации экономики Дальнего Востока способствуют реальные шаги по восстановлению некоторой части замершего в 1990-е годы военного потенциала. Оставшиеся в строю корабли стали выходить в море. Самолеты — летать. Личный состав — заниматься боевой подготовкой. А военный потенциал в таком крупном регионе не может не быть интегрированным организационно и не опираться на экономически интегрированную региональную промышленность, в первую очередь машиностроение, инфраструктуру, продовольственную базу.

На Дальнем Востоке еще сохранился накопленный в советский период и достаточно заметно экономически интегрированный в регионе производственный, инфраструктурный, социальный, интеллектуальный потенциал. Он проявил удивительную, пока не изученную, способность к самосохранению, самовосстановлению, самовоспроизводству в условиях, когда все внешние факторы способствовали его разрушению. В начале 2000-х годов этот потенциал стал проявлять большую активность, в том числе и по восстановлению интеграционных процессов. Субъективно это связано с произнесенными, наконец, на уровне государственной власти словами, что Дальний Восток нужен России. За этими словами последовали слабые, плохо продуманные, неадекватные реальностям, но видимые подвижки, показывающие, что для России Дальний Восток — исторически устойчиво осваиваемая русским народом территория; что экономика Дальнего Востока должна обеспечивать общегосударственные инте-

рессы. Общегосударственный потенциал Дальнего Востока всегда развивался с осознанием этой задачи, а также с высокой степенью региональной интеграции экономических и социальных связей, закреплённой материально и в общественных отношениях. Задача — найти формы региональной интеграции, соответствующие условиям нового общественного строя, названного рыночным. Естественно, что это название пролонгировано в название той формы интеграции дальневосточной экономики, которая необходима для обеспечения общегосударственных интересов в неразрывном сочетании с региональными, дальневосточными интересами.

Вопросы о существовании дальневосточного рынка существуют и в отраслевом разрезе. Рассмотрим, например, отрасль, определяюще важную для Камчатки и представленную в экономике всех приморских регионов Дальнего Востока, — морское рыбное хозяйство. Эта отрасль развивалась на единой, объединяющей ее природно-ресурсной базе, и ранее была даже организационно объединённой. Интегрирована ли она сейчас в дальневосточную территориально-экономическую целостность? Или интегрирована только в Правительство РФ и в администрации субъектов Федерации, в те периоды, когда распределяется право на промысел рыбы, и только по поводу этого распределения? Или реальная его интеграция ориентирована на корейский, японский, китайский, иные рынки, в том числе на рынок Московской области, где, как следует из публикаций, сформировался крупнейший в России центр промышленности, перерабатывающий рыбу с Дальнего Востока? Не является ли “теневая экономика”, сформировавшаяся в рыбодобывающей отрасли, своеобразной “рыночной мутацией”? Не показывает ли само ее существование, что она — есть одна из форм регионального рыбного рынка с отлаженными рыночными механизмами, только официальные власти видят в ней что-то другое?

Дальневосточное рыбное хозяйство оперирует на мировом рынке активно и непрерывно около 15 лет. Рассматривая этот процесс укрупненно, можно отметить, что интерес мирового рынка к этому хозяйству проявился в следующих направлениях. Природно-ресурсная база — главный, основной интерес, определяемый платежеспособным спросом мирового рынка. К рыбодобывающему сектору хозяйства — вспомогательный интерес, до тех пор, пока сохраняется эффективность его использования на легальном и теневом промысле, с вывозом рыбы и морепродуктов на мировой рынок в сыром и мороженом виде. Рыбоперерабатывающий сектор Дальнего Востока — конкурент, отнимающий у мирового рынка часть конечной стоимости продукции из рыбы, рабочие места и т.п. Эта система интересов инициировала процесс, общая ориентация которого определена и наблюдалась в мире не раз. Собственная рыбопереработка региона для спроса на мировом рынке будет испытывать затруднения. Собственная рыбодобыча будет существовать в заметной мере и в теневой экономике, и, когда станет неэффективной (например из-за износа судов), будет заменяться иностранным флотом. Природно-ресурсная база будет истощаться до того предела, когда использование ее для мирового рынка перестанет быть эффективным. Эти процессы мы наблюдаем сейчас на Дальнем Востоке.

Изменить ориентацию этих процессов могут несколько основных факторов.

Во-первых, мировой рыбный рынок образует дополнительный, кроме каждодневного платежеспособного спроса, регулятор — стратегический расчет. Поведение мирового рынка может измениться, когда он осознает, что с уничтожением чужой природно-сырьевой базы рыбного хозяйства разрушатся его рыбоперерабатывающее хозяйство и потребительский рынок. Возникнет ли этот регулятор и будет ли он учитывать интересы Дальнего Востока — покажет время.

Во-вторых, дальневосточное рыбное хозяйство административными мерами переводят с мирового рыбного рынка на внутренний. Реальность такого процесса сомнительна, если учесть возможности внутригосударственного платежеспособного спроса и государственную политику либерализации рынка.

Третий регулятор — создание регионального механизма с его экономическими рычагами и применением административных методов, регулирующего поведение дальневосточного рыбного хозяйства при взаимодействиях с мировым рыбным рынком. Как будет называться этот механизм, региональным рынком или другими терминами — вопрос второй. Важно, что для региона он объективно необходим. Обнаружатся ли для его формирования субъективные факторы — покажет время. Как показывает мировая практика, времени понадобится не больше, чем то, за которое истощится природно-ресурсная база. При современном прессе на дальневосточные рыбные ресурсы этого времени отведено не много. В настоящее время среди участников рыбохозяйственной деятельности в России наблюдаются попытки создания такого механизма. Их эффективность низка, но желание искать выход из процесса, разрушающего рыбное хозяйство, несомненно есть.

Таким образом, можно констатировать, что на Дальнем Востоке существуют предпосылки и наблюдаются процессы создания региональных экономических регуляторов социально-экономического развития. Совокупность этих регуляторов может развиваться в экономический механизм рыночного типа. Очевидно, что этот механизм охватывает воздействиями пока не все субъекты Федерации Дальнего Востока, а только те, хозяйственная деятельность которых тяготеет к Тихому океану и бассейну р. Амур. Исследования параметров этого механизма, его места в видовом и территориальном многообразии проявлений рыночного хозяйства, таксономического уровня, характера системообразующих признаков и т.д. крайне необходимы. В частности, немаловажен вопрос о пределах устойчивой самостоятельности этого механизма, ниже и выше которого наступает его поглощение всероссийским или международным рынками.

Переходя к проблематике, связанной с Камчатской областью, отмечаем следующее. Включение экономики Камчатки в мировой рынок может быть спонтанным и регулируемым. В основном спонтанный процесс происходит сейчас и не соответствует ни краткосрочным, ни долгосрочным интересам ни регионов, ни страны. Регулируемым этот процесс может быть из Центра, или из региона, или смешанным способом. При унитарном регулировании методологически сложно ставить вопрос об интеграции в мировой рынок отдельного региона: она вкладывается в сценарии интеграционных процессов общероссийской экономики. В этих условиях для отдельных регионов любого ранга (и Камчатки, и Дальнего Востока) вопрос о региональном регулировании интеграции беспредметен. Как сказано выше, регионы, в особенности с не крупномасштабной экономикой, находятся в рамках бессистемного оперативного и даже мелочного регулирования социально-экономических процессов органами центрального (федерального) подчинения. Все контакты с международным рынком (валютные операции) регулируются федеральными органами полностью. Региональная полная самостоятельность в регулировании процессов интеграции в мировой рынок невозможна без изменений в сфере суверенитета, и поэтому не рассматривается в принципе. Смешанная форма интеграции региона во внероссийские рынки возможна, если федеральный уровень задает стратегические, долгосрочные ориентиры и твердые рамки интеграционного поведения, в которых региональные органы и экономические субъекты могут маневрировать, оперативно управляя взаимодействиями с мировым рынком.

Понимая под интеграцией экономики Камчатки в международный рынок включение некоего малого явления в многократно превосходящий его по объему и сложности рыночный процесс, зададимся такими вопросами:

1. Как соотносятся проявляемые при этом интересы мирового рынка и Камчатки, Дальнего Востока, России?

2. В каком качестве участвуют в интеграции мировой рынок и Камчатка? Проще: Камчатка интегрируется? Ей позволяют интегрироваться? Ее интегрирует в себя мировой рынок? Кто интегрирует ее в мировой рынок? С ответом на этот вопрос связана разница в ожидаемых результатах, стратегии и тактике поведения.

3. Мировой рынок очевидно неоднороден. В какой мере слабая экономика региона может рассчитывать на включение в один или несколько секторов мирового рынка в эффективном для себя экономическом режиме?

Экономика Камчатской области появилась на мировом рынке в 1990-1991 гг. Изначально это не был процесс продуманный и регулируемый. В основном его трудно назвать интеграцией. Интегрирована ли капля, упавшая в океан? Такой оказалась и осталась Камчатка с населением менее 500 тыс. чел. на мировом рынке товаров личного потребления. Иными, более сомасштабными мировому рынку, оказались Камчатка и Дальний Восток, когда вышли на него со своим рыбным хозяйством, добывающим более 5% мирового улова рыбы ценных пищевых пород. Необходимо уточнить, что это хозяйство в начале 1990-х годов уже не было целостностью, системой, с регулируемыми внешними и внутренними связями, логической структурой и ожидаемыми реакциями на управленческие воздействия. Новая экономическая система России выплеснула в мир рыбное хозяйство страны, Дальнего Востока и Камчатки, как бессистемную массу ставших вдруг самостоятельными экономических субъектов. Каждый из этих субъектов сам выбирал сценарий попадания в ту экономическую ячейку мирового рыбного рынка, в которой оказался. При этом мировой рыбный рынок, давно организованный и выработавший методы обращения с дестабилизирующим вбросом поставщиков и производителей, диктовал условия этих сценариев. А рыбохозяйственные экономические субъекты, как слабенькую, но защиту перед жестокими законами мирового рынка, сохраняли связи с Россией — местом регистрации юридического лица, портом приписки судна, государственной принадлежности, попутно освоив финансовые методы мирового рынка, позволяющие уводить доходы и прибыль от налогообложения. В периоды, когда Российское государство наделяет правом промысла рыбы в прилегающих к полуострову Камчатка морях, экономические субъекты российской и даже не российской принадлежности, они появляются и заявляют о своих правах на промысел. Появляются, например, Мурманская, Московская, Орловская области, Московский патриархат и т.д.

Приобретая такое право, подобного рода российские экономические субъекты (зачастую с использованием финансов мирового рынка) используют или передают в использование дальневосточные рыбные ресурсы в основном на мировой рынок, вплоть до конечного их потребления, с минимизацией их участия в экономике Дальнего Востока и Камчатки.

Таким образом, Камчатка включена в мировой рыбный рынок двумя основными сферами: рыбодобывающим хозяйством и рыбными ресурсами. Эти сферы должны быть взаимоувязаны, но в реальности этого нет.

Рыбные ресурсы прикамчатских и дальневосточных вод могут осваиваться и не камчатскими, и не дальневосточными рыбаками. Пользуясь неуправляемостью рыбохозяйственной деятельности в России в 1990-е годы, мировой рыбный рынок выработал и механизмы включения в свой оборот рыбы, добытой в российских водах нелегально. В результате этих процессов, стиму-

лируемых только платежеспособным спросом мирового рыбного рынка, камчатское рыбное хозяйство включилось в него в быстро устоявшемся экономическом режиме неограниченного использования природно-ресурсной базы без воспроизводства основных фондов рыбного хозяйства. Этот режим обеспечивается устойчивым международным механизмом легальных, полуполигальных и нелегальных экономических отношений. Основные количественные параметры, характеризующие эти процессы совокупно, могут быть определены следующим образом. Улов рыбы по Камчатской области снизился с 1348,1 тыс. т в 1990 г. до 771,1 тыс. т в 1995 г.; 675,1 тыс. т в 2000 г. и 563,4 тыс. т в 2002 г. Улов рыбы по Дальневосточным регионам снизился с 2809,2 тыс. т в 1995 г. до 1726,7 тыс. т в 2002 г. Цены на рыбопродукцию дальневосточных экономических субъектов, вследствие нерегулируемого ее выплеска, упали на мировом рынке в начале 1990-х годов в разы. Затем, вследствие быстрого снижения объемов вылова, цены более или менее стабилизировались и колеблются на отдельные виды продукции в относительно небольшом диапазоне, в зависимости от конъюнктуры. Для того чтобы сохранить доходы на более устойчивом и платежеспособном по сравнению с российским мировом рынке, экономические субъекты Камчатки увеличили объем продаж на нем до 70-80% от общих уловов. На фоне всех этих процессов Камчатская область продолжает сохранять чрезвычайно высокий (хотя и снизив с 1990 г. почти на 1/2) показатель вылова рыбы на душу населения, превосходя все остальные регионы России и страны мира.

Нельзя не видеть, что общая тенденция интеграции рыбного хозяйства Камчатки, Дальнего Востока и России в целом в мировой рыбный рынок такова, что через некоторое время рыбодобывающая промышленность Камчатки и Дальнего Востока может почти полностью исчезнуть с мирового рынка, хотя бы вследствие полного износа основных фондов, который сейчас превышает 60%. Это вряд ли обеспокоит мировой рынок: российский флот можно заменить другим.

Но с мирового рыбного рынка могут исчезнуть дальневосточные природные рыбные ресурсы, что вряд ли соответствует долгосрочным целям и нашего, и мирового рынка. Принципы неолиберализма, под идеологию которого выстраивается современный мировой рынок, не предусматривают заботу о будущем. Но рынок — явление реальное, он прагматичен и не может не думать о будущем, хотя бы ближайшем обозримом. Без дальневосточных рыбных ресурсов не только рухнет отстроенная под них рыбоперерабатывающая промышленность Японии, Кореи, других стран. На рынках этих стран сократится количество естественного белка животного происхождения, получаемого в основном из рыбы. Этот белок исчезнет из продовольственного баланса, что в особенности болезненно для стран с большой долей рыбных продуктов в рационе населения.

Этот, рыночный по характеру, фактор может повлиять на изменение механизмов интеграции Камчатского и Дальневосточного рыбного хозяйства в мировой рынок. На новой основе должны быть созданы рыночные механизмы, которые экономически стимулировали бы сохранение и исторически длительное использование водных биологических ресурсов; предотвращали бы безвозвратное истощение этих ресурсов; определяли бы не только конъюнктуру цен, но и исторически длительную ценность каждого вида ресурса и природно-ресурсного потенциала в комплексе. Используя экономический инструментальный анализ деятельности отдельных предприятий (цена, доход, издержки, прибыль и т.п.), эти механизмы позволяют подняться на иные таксономические уровни, сопоставить интересы рынков региональных, государственного, отдельных секторов мирового, выработать методы регулирования.

Проблема для Камчатки состоит в том, какая модель интеграции ее рыбного хозяйства в мировой рынок будет реализовываться. Если действующая в настоящее время — Камчатской области остается добиваться от Центра ежегодных разовых улучшений по обеспеченности региона квотами с ежегодным скандальным распределением их между операторами. Практическое влияние на взаимодействия операторов с мировым рыбным рынком продолжают оказывать только федеральные органы власти. Если будет предпринят переход к рационализации развития рыбного хозяйства страны, включая и Камчатскую область, то понадобится взаимодействие с федеральными органами власти, разработка и применение новой модели интеграции рыбного хозяйства области в мировой рынок. В основе модели — создание в регионе экономических стимулов сохранения и исторически длительного рационального использования водных биологических ресурсов Камчатки и прилегающих морей, формирование многоотраслевого оптового рыбного рынка, регулирование внешнеэкономических связей в основном экономическими методами. Альтернативу, в виде переориентации рыбного хозяйства Камчатки полностью на внутрироссийский рынок, в обозримой перспективе не рассматривают из-за неотвратности этого рынка. Для более отдаленной перспективы необходима переоценка мирового и отечественного рынка по географии, потребительским интересам, платежеспособному спросу и т.п. Законодательное обеспечение выбора моделей развития рыбного хозяйства, включая его интеграцию в мировой рынок, в настоящее время полностью зависит от федеральных органов власти.

Экономика Камчатской области, относительно низко заселенной и со сложными природными условиями, и в обозримый период будет связана с использованием природных ресурсов. Рыбные ресурсы, при их сохранении и рациональном использовании, и на длительную перспективу останутся основой ее развития. Общая оценка возможностей использования других природных ресурсов Камчатки осуществлялась в советский период развития, когда были изучены эти ресурсы и оценивались перспективы их использования на рынке СССР. Среди этих ресурсов приоритетными назывались минерально-сырьевые, топливно-энергетические и рекреационные. Их освоение не форсировалось в связи с высокой затратностью, сложными природными условиями, необходимостью соблюдения повышенной экологической безопасности, наличием на территории СССР аналогичных ресурсов с менее сложными условиями освоения.

В 1990-е годы ориентация в освоении природно-ресурсной базы России, и Камчатской области в частности, резко сменилась на мировой рынок. В связи с изменением этого, главного, определяющего условия освоения, должны были объективно измениться оценки и приоритеты освоения, с учетом потребностей, интересов, возможностей и механизмов действия мирового рынка. Однако в органах управления федерального и регионального уровней оценки и приоритеты остались прежними, неадекватными изменившимся условиям. Более того, от происшедшего в 1980-е годы в СССР перехода от покомпонентного к комплексному подходу в использовании природных ресурсов, политика освоения природно-ресурсной базы резко вернулась к подходу покомпонентному. То есть — к освоению рыбы отдельно, нефти отдельно, золота отдельно, туризма отдельно и желательнее одновременно. А что правильно — рассудит Бог. Экологические подходы к развитию сырьедобывающей экономики в России в целом оказались в значительной степени выхолощенными путем бюрократических преобразований.

В начале XXI в. ближайшие надежды в развитии экономики Камчатки связывают с разработкой золотых и никелевых месторождений, развитием иностранного туризма. С федерального уровня управления проводится политика форсирования добычи нефти и газа на шельфе. Эти предположения основа-

ны на ожиданиях, что потребности мирового рынка стимулируют быстрое и эффективное привлечение внешних субъектов рынка и что они будут служить интересам Камчатки и России.

Почти пятнадцатилетняя практика взаимодействия с мировым рынком позволяет проанализировать реальность этих ожиданий и дать укрупненные оценки для построения стратегии дальнейших взаимодействий. Что касается рыбного рынка, то, как мы уже рассмотрели, мировой рынок проявил огромный реальный интерес к рыбным природным ресурсам Камчатки, но не к развитию производственных фондов ее рыбного хозяйства. Спрос на остальные, относительно активно предлагаемые и считающиеся приоритетными ресурсы, оказался намного меньше и, в значительной мере, носил платонический характер.

За этот период на Камчатке было около 10 попыток иностранных компаний изучить и проектным образом оценить возможности освоения пяти золоторудных месторождений в Камчатской области (без Корякского автономного округа). Ни одна из попыток не реализована. Основная причина, как представляется, состоит в том, что расчетная себестоимость золота, получаемого с этих месторождений, высока. Она не обеспечивает устойчивой рентабельности, а иногда и просто рентабельности при нестабильности мировых цен на золото. Себестоимость не удается понизить до приемлемого уровня даже путем снижения затрат на природоохранные мероприятия и производственную и социальную инфраструктуру и перекладывание их на экономику Камчатки. Объемы производства и потребления золота на мировом рынке за последние 20 лет выросли в 2-2,5 раза. Но на первые места в мире по добыче золота на душу населения вышли Австралия, Папуа — Новая Гвинея, ЮАР, Перу, Гана, то есть страны с более благоприятными условиями освоения месторождений, чем на Камчатке. Отсюда — сомнения в эффективности добычи камчатского золота не только для мирового рынка, но и для экономики самой Камчатской области.

Иностранный туризм на Камчатку нарастал за этот период, но не в той мере, на которую рассчитывали. Численность иностранных туристов выросла с 2 тыс. чел. в 1991 г. до 8 тыс. в 2002 г., или менее 700 чел. в месяц. Основу туристического потока составили любители спортивных охоты и рыболовства, а также так называемые деловые туристы. Ресурсы такого туризма очень ограничены. Любители экзотических путешествий по нетронутой природе составили незначительный контингент, хотя ресурсы этого вида туризма оценивались очень оптимистично, почти как безграничные. Массовые виды туризма развиваются только в форме круизов, с одно-двухдневными посещениями портов. В то же время в начале 1990-х годов по некоторым разработкам, численность иностранных туристов на Камчатку только из Японии ожидалась до 500 тыс. чел. в год. Очевидно, что перспективы интереса мирового рынка туризма к Камчатской области оценивались неадекватно. В частности потому, что определялись условно, без дифференцированного анализа спроса мирового рынка по видам, географии, социально-демографическому составу и платежеспособности туристов и т.п.

Ссылки на недостаточность инфраструктурного обеспечения туристической отрасли некорректны, поскольку в данном случае этот фактор вторичен. Инфраструктура должна создаваться в соответствии со спросом, и инвестиции для ее создания могут появляться только при наличии обоснований, разработанных на основе анализа такого спроса.

Надо учесть еще одну особенность. Рыбные ресурсы Камчатки известны мировому рынку с конца XIX в., а рыбное хозяйство — с 1930-х годов. Интеграция этой сферы происходит в рамках давно известного информационного поля. Вопрос же об интеграции в мировой рынок камчатских минеральных и рекреационных ресурсов возник в начале 1990-х годов, и информация о них на

мировом рынке пока еще недостаточно распространена. Обеспечена она более эмоциональными и узкотехническими характеристиками, а не комплексными обоснованиями, что затрудняет подготовку и принятие решений. Для этих направлений интеграции в мировой рынок отсутствие комплексных разработок — главная проблема. Только после ее решения станет ясно, в какой степени целесообразны дальнейшие шаги к интеграции и есть ли смысл затрачивать на них время, внимание и средства.

Очевидно, что на современной стадии включения Камчатки в мировой рынок целесообразно сосредоточить усилие на одном-двух направлениях, наиболее эффективных из множества предлагаемых.

Предварительная оценка показывает, что на приоритетность могут претендовать и следующие, менее активно предлагаемые, направления.

1. Поставка природной питьевой воды высшего качества в вододефицитные районы мира в объеме около 10 млрд. м³ в год. По оценкам ООН, потребность в такой воде только в городах мира может составить около 45 млрд. м³ в год, что может гарантировать Камчатке стабильное место на этом рынке, где рассматриваются также такие ресурсы, как айсберги Антарктиды, вода озера Байкал и т.д. Воды Камчатки, взятые из подрусловых потоков, не требующие обработки, подающиеся непосредственно на морской транспорт, в этой ситуации могут быть весьма конкурентоспособны.

2. Получение биологически активных веществ из биологических природных ресурсов, используемых в настоящее время в основном на пищевые цели. В стоимостном выражении по объему продукции это производство в совокупности сопоставимо с производством пищевой продукции, вырабатываемой из того же сырья. Развитие биотехнического, биотехнологического производства относится к передовым мировым технологиям, экономически высокоэффективно, не требует больших трудовых затрат и расширения используемой природно-ресурсной базы. Оно может стать весьма рациональным для включения экономики Камчатской области в мировое хозяйство. Основная проблема, как представляется, состоит в том, что такое направление требует создания крупного производства, конкурирующего с очень ограниченным количеством химических концернов, давно разделивших этот сектор рынка и контролирующих его развитие. В частности, они влияют на развитие российского производства фармакологических и парфюмерных товаров.

Общая проблема для обоих названных направлений состоит в том, что они относятся к новым, не освоенным российскими предпринимателями и в частном, и в государственном секторах. Поэтому, кроме решения технических и экономических задач изучения рынка, поиска рациональных для сотрудничества операторов и т.д., камчатской стороне необходимо преодолеть психологический барьер новизны, суметь оторваться от стереотипов привычной отраслевой структуры экономики.

Более сложной представляется ситуация с предлагаемой федеральными органами более 15 лет идеей форсированной распродажи лицензий на разведку и промысел углеводородов на всем российском шельфе Охотского и Берингова морей. С позиций покомпонентного подхода к освоению природных ресурсов и оценки конъюнктуры мирового и российского нефтяного и газового рынков, эта идея представляется ее инициаторам с федерального уровня рациональной, высокоэффективной и простой. В реальности она сложна, рациональность ее кажущаяся, а эффективность — сомнительна. Единственное ее достоинство — она укладывается в простой, сложившийся стереотип поведения экономики страны и мирового рынка за последние годы: продавай нефть — и будешь богат. Но это не является достоинством с научной точки зрения и при оценке общества, как развивающейся системы.

Основные вопросы связаны не с технической стороной, хотя и она содержит существенные трудности и противоречия. Охотское море относится, например, к наиболее сложным в навигационном отношении по ледовой обстановке, штормам, весьма высоким приливам в северной части и т.п. Это неизбежно увеличит стоимостные показатели, притом что возможности обнаружения технологически достижимых запасов нефти и газа неясны. Основные вопросы состоят в том, что Охотское и Берингово моря относятся к небольшому числу районов Мирового океана с высочайшей рыбопродуктивностью. Если нерациональная рыбохозяйственная деятельность в 1990-е годы подорвала рыбные ресурсы этих морей, — это плохо. Но они могут восстановиться, потому что сохраняется состояние природной среды, обеспечивающее высочайшую биопродуктивность. Широкомасштабное развитие нефтяных промыслов может вызвать деструкцию природной среды, снижение первичной биопродуктивности и невозобновимое снижение рыбных ресурсов. В связи с этим отсутствие комплексного, экосистемного подхода к освоению пока еще количественно и качественно не изученных месторождений углеводородов на шельфе дальневосточных морей является главной проблемой рассматриваемого направления интеграции в мировой рынок. Комплексная эколого-экономическая оценка всего природно-ресурсного потенциала и всей совокупности природных условий Охотского и Берингова морей, выявление и общегосударственное закрепление приоритетов освоения, подробное эколого-экономическое зонирование акваторий и территорий с определением допустимых режимов природопользования — все это необходимые предварительные условия для принятия решений о том, где, как, когда и при каких ограничениях допустимо было бы добывать нефть и газ в этих морях, и есть ли вообще смысл заниматься в них таким промыслом. Специалистов Камчатской области, отстаивающих такую позицию, часто упрекают в местничестве, в эгоизме. Мол, все соседи, Корякский и Чукотский автономные округа, Магаданская и Сахалинская области, Хабаровский край уже согласились добывать нефть на дальневосточном шельфе. Представляется несомненным, что Камчатка в данном случае защищает не свой региональный интерес, а интересы общие дальневосточные, российские, общечеловеческие.

В этом примере достаточно наглядно проявляется и сложность представлений о мировом рынке. Существует ли он как явление конкретное, или это абстракция высокого уровня? Есть ли у него форма? Известно, например, что рынки золота, нефти, зерновой, финансовый достаточно заметно оформлены, сложились действующие институты, регулирующие их поведение. Они могут быть не только объектом исследования, но и субъектом действий. Их поведение в достаточной степени стихийно, чтобы можно было говорить о действии “невидимой руки рынка”, но и в достаточной степени управляемы, чтобы знать, кто этой невидимой рукой водит. Очевидно, что сказать то же самое о мировом рынке в целом нет оснований. Формирующиеся в процессах “глобализации” явления, которые можно было бы назвать зачатками форм мирового рынка (ГАТТ, ВТО) противоречивы, не устоялись, не определили себя. Противоречив и еще не определился сам процесс “глобализации”. Это краткое отступление от темы необходимо потому, что вопрос об интеграции в мировой рынок таких противоречивых по возможностям одновременного освоения природных ресурсов, как водные биологические и углеводородные природные ресурсы Охотского и Берингова морей не может быть решен на мировом рынке, поскольку на нем отсутствует рыночный субъект, способный принять комплексное решение. Прерогативы такого решения, обусловленные не только правовой и экономической, но и моральной ответственностью за провозглашенное человечеством обществом “устойчивое развитие”, — за российскими органами управления федерального уровня. Можно заметить также, что эта проблема не уз-

коэкономическая. Она не решается только механизмами платежеспособного спроса, конкурентоспособного предложения и т.п. Это проблема также из областей долгосрочного социально-экономического прогнозирования, экономического мировоззрения, экономической этики, экономической психологии, инструменты которых начали вырабатываться только в конце XX в. Но решение надо принимать сейчас, безотлагательно. И в этом — одна из проблем.

Таким образом, замыкая часть темы, связанной с интеграцией экономики Камчатской области в мировой рынок, можно отметить следующее. В настоящее время эта экономика интегрируется в мировой рынок спонтанно и дисперсно, по взаимонеувязанным условиям, определяемым с федерального уровня. Регулирование этого процесса осуществляется в гораздо большей мере не экономическими, а федеральными административными разрешительно-запретительными мерами. Роль Камчатской области в этом процессе минимальна. Предвосхитить стратегию и даже идеологию поведения российского федерального государственного механизма — сложно. В этой ситуации возможны, кроме сложившейся, несколько моделей развития, принципиально различающихся. Централистский вариант, при котором интеграцией экономики Камчатки в мировой рынок управляют федеральные органы политической власти и мощные, сконцентрировавшиеся в Москве, финансово-промышленные группы, и федералистский вариант, при котором органы политической власти субъекта Федерации получают возможность в оперативном отношении самостоятельно определять направления, участников и формы интеграционных процессов. За федеральным уровнем остается определение исторически длительных, общегосударственно значимых, рамочных положений интеграции.

В связи с этим может определиться и общий рисунок экономических последствий интеграции региона в мировой рынок. Известны, как минимум, два вида таких последствий: “обедняющий рост” и “обогащающий рост”. Учитывая специфику современного российского федерализма, выбор направлений, моделей, последствий интеграции Камчатской области в мировой рынок зависит только от федерального уровня власти. Камчатская область может только делать предложения, без уверенности, что они будут приняты. И это — важнейшая проблема, если относиться к Камчатской области, как к субъекту интеграции.

Переходя к такой части темы, которая связана с интеграцией экономики Камчатской области в дальневосточный рынок, разделим ее на два блока. К одному отнесем интеграционные связи в экономических сферах, связанных с организацией внутридальневосточных взаимодействий по обмену товарами и услугами. Ко второй — интеграционные связи в сфере урегулирования, согласования взаимодействий экономик отдельных регионов и отдельных экономических субъектов Дальнего Востока на мировом рынке. Цель такой интеграции — выработка согласованной линии поведения в международных экономических отношениях, предотвращение национальных и региональных экономических потерь.

В первом блоке основное место занимают следующие направления.

1. Взаимодействия в сфере экономических отраслей, обеспечивающих неэкономические государственные интересы (оборона, охрана границ, наука и научное обслуживание, обеспечение всего комплекса видов безопасности и т.п.).

К таким отраслям относятся машиностроение, внешний и внутренний транспорт, продовольственное обеспечение, производственная и социальная инфраструктура, энергообеспечение, строительство, обеспечение объектов вольнонаемными служащими и т.п. Интеграция этих отраслей экономики в дальневосточном разрезе, на уровне субъектов Федерации, — хотя здесь она в повседневной жизни обеспечивается по традиционным, десятилетиями сло-

жившимся механизмам, — должна, на наш взгляд, обеспечиваться путем взаимодействия с федеральными структурами. Интеграция этих специфических сфер с экономикой относительно просто обеспечивается в долгосрочном плане при рациональном налаживании информационных и финансовых потоков, исходящих от этих структур.

2. Особое место в этом блоке занимает решение общегосударственных задач на длительную историческую перспективу. К ним относятся, как минимум, следующие: а) экономическое обеспечение заселенности Камчатки и Дальнего Востока как территорий российской государственной принадлежности; б) социально-экономическое и экологическое обеспечение комплексного исторически длительного рационального использования природно-ресурсного потенциала исключительной экономической зоны и шельфа в придальневосточных районах Тихого океана. Научное и управленческое обеспечение решения этих задач в пределах Дальневосточного федерального округа, организация рациональных взаимодействий субъектов Федерации. Контроль и помощь в организации соответствующей экономической политики в субъектах Федерации возможны через федеральные органы управления, а также через управленческий аппарат, формируемый на уровне Дальневосточного федерального округа.

3. Важное значение имеет интеграция усилий Камчатки и других регионов Дальнего Востока в борьбе за рационализацию транспортного и энергетического обеспечения, в том числе тарифов, включая и цены на энергоносители, которые в настоящее время упорно отсекают экономику Дальнего Востока от исторически давно обжитых районов России.

4. Необходима организация очень тесных взаимодействий всех дальневосточных регионов для рационализации рыбохозяйственной деятельности. Главное в этой деятельности — сохранение водных биологических ресурсов и решение долговременных социально-экономических задач общегосударственного значения в регионах. Фискальное значение рыбохозяйственного комплекса, развитие его отдельных экономических субъектов, соотношения ориентаций на внутрисоссийский и мировой рынки — это задачи, которые имеют хоть и важное, но второстепенное значение, отражающее в большей мере методы решения задач первостепенной важности. Перевод взаимодействий между регионами Дальнего Востока из режима конкурентной конфронтации в борьбе за квоты и лимиты, в режим стимулирования экономической ответственности регионов и экономических субъектов за сохранение и рациональное использование водных биологических ресурсов в конкретных водоемах — одна из важных проблем развития экономики Дальнего Востока.

Одно из важных направлений интеграции экономики Камчатки в дальневосточный рынок — использование рекреационных, водных, других природных ресурсов для обслуживания населения и решения других экономических задач на Дальнем Востоке.

Важным условием для управления интеграцией экономики Камчатской области в дальневосточном рынке является дифференциация этого рынка в территориальном и отраслевом отношениях. Очевидно, что интеграция в рыбохозяйственной сфере необходима с регионами приморской специализации; в сфере рекреационного обслуживания — с урбанизированными центрами; в сфере ценообразования на транспорте и в энергетике — со всеми регионами, имеющими схемы транспортного и энергетического обеспечения, аналогичные Камчатской.

Во втором блоке проблем выделяются требующие безотлагательного решения те вопросы интеграции действий дальневосточных субъектов на мировом рынке, неупорядоченность которых в настоящее время приводит, как ми-

нимум, к двум группам негативных последствий, неразрешимых без координации. Одна связана с координацией цен, объемов и видов реализуемой продукции в наиболее конкурентных точках сбыта. К ним могут относиться в настоящее время рынки Японии, Кореи, Китая, США. Например, создание системы региональных информационно-аналитических центров, связанных с основными мировыми центрами, отражающими конъюнктуру рыбного рынка, позволит не только своевременно обеспечивать предпринимателей полноценной информацией, но и разрабатывать аналитические и прогнозтические материалы. Необходимо также создание рыночных и административных структур, фиксирующих и в реальном режиме времени обменивающихся информацией о совершенных на российском и мировом рынках сделках и об их параметрах. Без этого, в частности, невозможно нейтрализовать, хотя бы частично, действие механизмов "теневой" рыбохозяйственной деятельности как российских, так и международных. Это необходимо также для отделения преимущественно экономической части "теневой экономики" от преимущественно криминальной.

Другое направление — целенаправленная, скоординированная по всему Дальнему Востоку и теперь уже вероятно длительная борьба неэкономическими методами с разрушительной для природно-сырьевой базы криминальной частью "теневой экономики". О последней можно сказать, что она является в настоящее время не только российским продуктом, но в значительной мере результатом интеграции в российское рыбное хозяйство международной "теневой экономики".

Несколько иная ситуация формируется в сфере интеграции в мировую экономику минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплексов. Наиболее энергично на протяжении более 10 лет на уровне государственной власти Камчатской области и представителей федерального уровня власти предлагается освоение золоторудных месторождений. Ранее оно ориентировалось на освоение за счет инвестиций операторов иностранных государств. В последние годы — переориентировалось на инвестиции российских предпринимателей. Внутривнутрироссийский спрос на драгоценные металлы регулируется на федеральном уровне, в том числе в связи с необходимостью формирования государственного золотого запаса. При относительно слабом внимании к этому виду природных ресурсов Камчатки на мировом рынке, видимо, предприятия золотодобывающей промышленности Камчатской области могут оказаться в состоянии конкурентной борьбы с аналогичными предприятиями Дальнего Востока и России на российском рынке золота. Учитывая не только чисто рыночное, но и важное государственное валютообразующее значение золота, целесообразно ожидать координирующих воздействий на развитие этой отрасли со стороны российского рынка. Видимых проявлений такой координации в настоящее время нет. Спрос на золото административно сосредоточен на федеральном уровне, а экономически — на внутривнутрироссийском и международном криминальном. В этой ситуации вопрос об интеграции возможно сформирующихся названных предприятий Камчатки на дальневосточном уровне не имеет перспектив.

Намного более сложной по объему и кругу затрагиваемых интересов является проблематика межрегиональной, государственной, международной интеграции топливно-энергетических комплексов. Не подвергается сомнениям то обстоятельство, что российский нефтедобывающий блок топливно-энергетического комплекса за 1990-е годы оказался почти полностью интегрирован в интересы мирового рынка, в особенности в части, определяющий стратегию развития. Мировой нефтяной рынок относится к наиболее жестко организованным, имеет более чем вековой опыт навязывания своей воли, вырабатываемой не только в структурах картельного типа среди стран — производителей и

стран — потребителей, но и в согласованном взаимодействии небольшого количества крупнейших транснациональных компаний. В несколько меньшей степени интегрирована в мировой рынок газодобывающая промышленность России, возможно только за счет ограничений, налагаемых государственной собственностью. Дополнительная сложность ситуации связана с тем, что нефтегазодобывающие секторы экономики России остались основными, поддерживающими относительную устойчивость социально-экономического организма страны.

Определяющей активной стороной в этой интеграции не является российский федеральный уровень. В какой точно степени управляем этот процесс с российской или международной стороны -- можно определить не столько по редким поверхностным дозированным публикациям, сколько из анализа результатов. Один из очевидных, соответствующих интересам в первую очередь интегрирующей российскую нефть мирового рынка, результатов названной интеграции состоит в расширении географии раздачи всех открытых и предполагаемых месторождений для разведки и промысла. Этот процесс затрагивает все регионы России и весь шельф прилегающих морей. Более подробно эта проблема освещена выше.

В такой ситуации главный вопрос интеграции в мировой, российский и дальневосточный рынки нефте- и газопромислов на прикамчатском шельфе состоит в определении степени зависимости ее прежде всего от России в целом, а не от Дальнего Востока (интересы его в данном случае не выражены), отдельных его регионов и Камчатской области, в частности. Очевидно, что процесс исторически мгновенной раздачи для освоения всех более или менее перспективных месторождений не соответствует стратегическим интересам энергетической безопасности страны в целом. Для отдельных регионов эти процессы могут оказаться в большей или меньшей степени социально-экономически соответствующими их интересам и экологически приемлемыми. Но степень этого соответствия должна оцениваться путем комплексных разработок, предваряющих проектные работы; оценок проектных работ и независимого мониторинга с опубликованием его результатов. Вероятно, в среднесрочной перспективе уровень централизации власти в России в нефтегазовый мировой рынок со стороны Дальнего Востока и Камчатской области можно только путем настоятельного внесения предложений, в оптимальной степени учитывающих интересы и общегосударственные, и региональные. Другой вариант интеграции заключается в полном подчинении всех интересов регионов интересам нефтегазового комплекса России, интегрированного в мировой рынок. В этом случае интересы Дальнего Востока, не формализованные и организационно не представленные, не учитываются. Интегрируемый в мировой рынок субъект Федерации может рассчитывать только на учет конъюнктурных интересов, что привлекает, в особенности те регионы, которые находятся в тупиковом социально-экономическом состоянии.

Таким образом, в качестве обобщенного вывода по теме в целом можно представить следующий. Основные проблемы интеграции Камчатки в международный и дальневосточный рынки состоят в неупорядоченности отношений между федеральным, дальневосточным и региональными уровнями; в отсутствии комплексного подхода к разработке и оценке программ освоения и использования ресурсов, развития регионов и построения взаимодействий с мировым рынком. Решению этих проблем и целесообразно отдать приоритет.

Торговые связи Забайкалья с Китаем

© 2004

А. Тарасов

Приграничным с Китаем краям и областям России суждено играть ключевую роль в будущих российско-китайских отношениях¹. Четвертая часть всей протяженности российско-китайской границы приходится на Читинскую область. Изучение истории, обобщение опыта, анализ нынешнего состояния экономических связей российского Забайкалья с Китаем необходимы для того, чтобы смоделировать алгоритм будущего поступательного развития российско-китайского сотрудничества.

На протяжении последних четырнадцати лет в прямых экономических отношениях Забайкалья с Китаем необходимо выделить три этапа:

1988-1992 годы — период их возникновения и быстрого развития;

1993 год — период резкого упадка;

1994-2002 год — "этап урегулирования, для которого в целом характерно нестабильное развитие двусторонней торговли"².

Последнему периоду и посвящен следующий очерк.

Середина 1990-х: Россия и Китай спешат в ВТО

С началом 1995 г. после обвала объемов приграничной торговли в предыдущие два года наступили перемены в формировании внешнеторгового режима в России. Они были направлены на ликвидацию существовавшей ранее системы административного регулирования внешнеэкономической деятельности. В результате было сведено до минимума количество инструментов нетарифного регулирования, что, в конечном счете, приближало отечественное законодательство к нормам ВТО. Вместе с тем произошли изменения и в области тарифного регулирования. В частности, снижение, а в ряде случаев — и ликвидация пошлин на некоторые экспортные товары.

Тем самым были созданы предпосылки для расширения экспорта. Рост внешней торговли российского Дальнего Востока в 1995 г. по сравнению с предыдущим периодом составил 85%, в том числе экспорта — 51%, импорта — 170%³. В Читинской области в 1995 г. экспорт вырос на 7,7%, однако внешняя торговля сократилась за счет падения импорта на 21%⁴. (Нужно сказать, что только в 1995 г. появилась надежная таможенная статистика о внешней торговле Читинской области.)

В апреле 1996 г. в Китае была принята новая модель системы приграничного экономического сотрудничества⁵, которая включает в себя следующие элементы. Во-первых, ограничение территории распространения режима приграничной торговли до уровня районов, выделенных из приграничных уездов. Во-вторых, отмена 50-процентной налоговой скидки за пределами территории

распространения указанного режима в связи с переходом к единому таможенному тарифу. В-третьих, либерализация системы лицензирования и квотирования в рамках приграничной торговли, а также снижение до 15-процентной ставки подоходного налога для предприятий, зарегистрированных на территории распространения режима приграничной торговли. В-четвертых, расширение прав местных органов власти в области регистрации компаний, имеющих право ведения приграничной торговли.

Китай концентрирует связи с регионами России в узкой приграничной полосе

Вышеназванные меры повлияли и на структуру китайских экспортно-импортных компаний. Поначалу, в конце 1980-х годов, они создавались в крупных городах провинций и, как правило, состояли из хозрасчетных подразделений, количество которых ограничивалось только возможностью контроля их деятельности со стороны руководства. Нововведения сместили коммерческую активность в районы открытых пограничных переходов, для Забайкалья — это город Маньчжурия.

Здесь стали создаваться компании приграничной торговли, которые успешно берут на себя функции обслуживания китайских предприятий, находящихся вдали от границы. Деятельность компаний приграничной торговли регулируется Совместным письмом МВЭСиТ и ГТУ КНР "Об опубликовании методов регулирования малой приграничной торговли и международного технико-экономического сотрудничества пограничных районов" № 222 от 29 марта 1996 г. Все китайские компании, зарегистрированные в открытых пограничных переходах, определенных правительством КНР (в список попадают практически все пункты пограничных переходов РФ — КНР), и имеющие статус компании приграничной торговли, получают 50-процентные льготы по уплате импортной пошлины и НДС на товары, произведенные и ввозимые из России (кроме алкоголя, табака, косметики и некоторых иных товаров). Это и привлекает прагматичных китайцев.

Даже в случаях, когда импортные пошлины на круглый лес и пиломатериалы равны нулю, китайцы из внутренних районов предпочитают действовать через приграничные экспортно-импортные компании, которые сами же и создают. Этому способствует также то обстоятельство, что таможенное оформление импортных товаров происходит в пограничных переходах, а не по месту назначения. Указанные льготы, особенности таможенного оформления импорта на границе, а также возвращение НДС за экспортные товары (так называемый возвратный налог) и сосредоточивают почти всю российско-китайскую торговлю в руках приграничных экспортно-импортных компаний. Таким образом, российские компании имеют дело, в основном, с приграничными экспортно-импортными компаниями, являющимися посредниками с присущим им узким интересом⁶.

Новое соглашение о межрегиональных связях: приоритет национального законодательства

В межрегиональных контактах с Россией китайская сторона не допускает каких-либо шагов, которые могли бы вызвать противоречия между Федерацией и ее субъектами. Юридической базой для этих связей стало подписанное 10 ноября 1997 г. Соглашение между правительствами РФ и КНР о принципах сотрудничества между субъектами России и провинциями, автономными районами и городами центрального подчинения Китая, которое вступило в силу 10 декабря 1997 г., заменив предыдущее Соглашение 1988 г. По данному до-

говору, соглашения между администрациями субъектов РФ и местными правительствами КНР не являются международными договорами и выполняются согласно национальному законодательству своей страны.

Администрация субъектов РФ и местные правительства КНР не имеют даже права выражения особого мнения по соглашениям между центральными министерствами и ведомствами. В ходе четвертой регулярной встречи глав Правительств подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между рядом регионов России и Китая. Подготовка таких соглашений осуществляется на основе Закона "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ" и проекта типового соглашения, предусмотрительно разработанного МИДом России совместно с заинтересованными министерствами⁷.

В российско-китайском межрегиональном сотрудничестве участвуют более 60 субъектов и городов с каждой из сторон. Наиболее интенсивно развиваются контакты регионов двух стран, примыкающих к общей границе. В конце ноября 1996 г. начала функционировать китайская часть торгового комплекса в районе Забайкальск — Маньчжурия. В 1998 г. был создан Координационный совет по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству. В 1998 г. Китай оставался ведущим партнером в торгово-экономических связях с девятью субъектами РФ в Дальневосточном регионе. В марте 2000 г. стороны подписали Соглашение о развитии приграничной и межрегиональной торговли⁸.

Объем внешней торговли Читинской области

В решении задач по формированию конкурентоспособной региональной экономики важную роль призвана сыграть внешняя торговля, прежде всего ее наиболее значимая составляющая — экспорт. Бесспорная взаимосвязь между социально-экономическим развитием региона и его вовлечением во внешнеэкономические связи⁹. Забайкалье наделено сырьевыми ресурсами для экспорта имеет удобные транспортные выходы на азиатский рынок, входит в зону преференциального сотрудничества с Китаем и Монголией. Тем не менее, во внешнеэкономической деятельности органично отражается кризисная ситуация в хозяйстве огромной по площади Читинской области. В период с 1994 по 2002 г. объем внешней торговли Читинской области характеризуется следующими показателями (млн. долл. США):

Таблица 1

Внешняя торговля Читинской области в 1994-2002 гг.

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Оборот торговли К предыдущему году, -/+%	190,5	185,5 -2,6	147,3 -20,6	170,6 +15,8	129,5 -24,1	106,3 -17,9	100,7 -5,3	107,1 +6,4	133,6 +24,6
Экспорт К предыдущему году, -/+%	121,8	131,2 +7,7	104,3 -20,5	123,8 +18,6	92,5 -25,3	82,2 -11,1	80,0 -2,7	84,4 +5,2	87,5 +3,7
Импорт К предыдущему году, -/+%	68,7	54,3 -21,0	43,0 -20,8	46,8 +8,8	37,0 -20,9	24,2 -34,6	20,8 -14,1	22,7 +9,1	46,1 в 2 раза
Положительное сальдо	53,1	76,9	61,3	77,0	55,5	57,6	59,2	61,7	41,4

В целом за рассматриваемый девятилетний период годовой масштаб внешней торговли Читинской области сократился более чем на 56,9 млн. долл.

ларов США — с 190,5 млн. в 1994 г. до 133,6 млн. в 2002 г., или в 1,4 раз. Только три года, 1997-й, 2001-й и 2002-й, отмечены некоторым ростом объемов внешней торговли, на 18,6, 5,2 и 24,6% соответственно. Экспорт сократился с 121,8 млн. до 87,5 млн. долл. США, или в 1,4 раз. В то же время импорт формально сокращался быстрее экспорта, этот показатель упал с 68,7 млн. до 46,1 млн. долл. США, или более чем в 1,5 раз. Наиболее существенно внешняя торговля сокращалась в период с 1994 по 1998 г. включительно. С 1999 по 2002 г. наблюдается стабилизация ее объемов на уровне более 100 миллионов долларов США. Периоды сокращения и роста экспорта и импорта совпадают, за исключением 1995 г. Соответственно, доля внешнеторговых операций, осуществляемых участниками внешнеэкономической деятельности Читинской области на территории Сибирского федерального округа, в 2002 г. составила вполне гомеопатическую величину: в экспорте округа — 0,8%, импорте — 2,4%.

В 2001-2002 гг. активная экспортная деятельность стимулировала промышленный рост в первую очередь в деревообрабатывающей промышленности и на транспорте. За счет импорта обеспечивается значительная часть внутреннего спроса в продовольственных и потребительских товарах. Развитие внешнеторгового оборота в 2002 г. характеризовалось в основном тенденциями к повышению объемов. Благоприятная конъюнктура на китайском рынке древесины — важнейшего товара читинского сырьевого экспорта — расширение внутреннего платежеспособного спроса продолжали оказывать влияние на увеличение внешнеторгового оборота, который впервые за четыре года после девальвации рубля вернулся на уровень 1998 г. Этому способствовал, главным образом, рекордный за последние годы объем импорта, который соответствует примерно уровню 1997 г.

Именно экспорт и в целом внешняя торговля во второй половине 1990-х гг. в значительной мере стабилизировали социально-экономическую обстановку в Забайкалье. Однако вялый рост экспорта в целом за рассматриваемый период при относительно оживлении ориентированных на внутренний спрос отраслей промышленности, в основном топливно-энергетической, обусловил невысокую экспортную квоту в ВРП региона: она составила в 2000 г. 7,6%, а в 2001 г. только 6,7% по официальному обменному курсу, хотя фактически внешняя торговля с Китаем продолжает играть роль якоря для стабилизации отраслей за пределами ТЭК.

Таблица 2

Доля внешней торговли в ВРП Читинской области

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
ВРП, млн. долл. США ¹⁰	2205	2260	2178	1349	869	1125	1229
Доля внешней торговли в ВРП, %	8,41	6,52	7,83	9,60	12,23	8,95	8,71

Уровень экспорта в экономике региона в целом соответствует уровню его промышленного развития¹¹. Экспортная квота в объеме промышленной продукции Читинской области в 2000 г. составила 24%, в то время как в целом по Дальнему Востоку и Забайкалью данный показатель составил 34%. То есть, несмотря на приграничное положение, наличие экспортных ресурсов и коммуникаций для их вывоза, область отстает от других регионов по уровню ориентированности экономики на экспорт. Тем не менее можно отметить тот факт, что в период с 1996 по 2001 г. доля экспорта в объеме промышленного производства увеличилась в 1,8 раза, приняв максимальное значение — 28,44% в 1999 г., что говорит о развитии ориентации забайкальской индустрии на вывоз продукции за рубеж.

Таблица 3

Доля экспорта в объеме промышленной продукции Читинской области

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Объем промышленной продукции, млн. долл. США	931,15	884,75	463,87	289,06	332,12	411,79
Доля экспорта в объеме промышленной продукции, %	11,20	13,99	19,94	28,44	24,09	20,50

В 2000-2001 гг. объем промышленного производства Читинской области рос опережающими темпами по сравнению с экспортом. Но именно экспортные поставки, особенно после августа 1998 г., позволили вдохнуть в экономику массу "живых" денег. Основным экспортным товаром в 2002 г. были поставляемые в Китай лесоматериалы необработанные — 64% общей стоимости экспорта. Ставка на массированный вывоз сырья в краткосрочный период могла быть эффективной и оправданной с точки зрения общегосударственных интересов, если бы валютные доходы инвестировались в развитие производства конкурентоспособной готовой продукции¹². В этой связи необходимо отметить увеличение вывоза лесоматериалов обработанных. Всего их в прошлом году было экспортировано в Китай 91,4 тыс. тонн, в 1,7 раза больше, чем в предыдущем году. Цены при поставках обработанных лесоматериалов повысились по сравнению с 2001 годом в среднем на 5,2%, т.е. примерно до уровня 1998 г. При росте физических объемов поставок в 1,7 раз стоимость экспорта данной продукции возросла на 75,5%. Принимая во внимание, что устойчивый рост объемов экспорта лесоматериалов обработанных наблюдается восьмой год подряд, в дальнейшем увеличение их вывоза может стать важным фактором здорового развития экспорта.

Результаты внешней торговли Забайкалья в 2002 г. определялись относительно благоприятной конъюнктурой китайского рынка лесных ресурсов и увеличением поставок продовольственных товаров из Китая и Монголии, а также потребительских товаров из Китая, что способствовало приросту стоимостного объема импорта. Внешнеторговый оборот в 2002 г. увеличился по сравнению с 2001 г. на 24,6% и достиг 133,6 млн. долл. США, что обеспечивалось высоким темпом прироста импорта (в 2 раза) при очень умеренном росте экспорта (на 3,7%).

Среди факторов, определяющих результаты экспорта Читинской области в 2002 г., основным был рост в 1,5 раз физических объемов вывоза в Китай необработанной древесины: с 845,3 тыс. куб. м в 2001 г. до 1287,4 тыс. куб. м в 2002 г. Вместе с этим цена на данную позицию сократилась на 3,5% — до 43,5 долл. США за куб. м, то есть рост носил исключительно экстенсивный характер. При этом резко — в 1,6 раза — сократились поставки на экспорт закиси-окси природного урана: с 23,9 млн. долларов США в 2001 г. до 14,9 млн. долларов США в 2002 г. Вялый рост экспорта обусловлен, таким образом, тем, что экстенсивное увеличение объемов вывоза необработанной древесины в Китай ушло на компенсацию сокращения экспорта радиоактивных элементов в развитые страны. Очевидно, что в ближайшие годы ситуация с читинским экспортом будет определяться динамикой этих двух товарных позиций. Как и в 2001 г., поставки товаров в Китай были предпочтительнее для читинских экспортеров, что естественным образом вытекает из приграничного положения области и высокой транспортной емкости основных экспортных товаров.

В 2002 году импорт Забайкалья составил 46077,4 тыс. долларов США, что в 2 раза больше, чем в 2001 году, и примерно соответствует уровню 1997 года. Характерным для развития читинского импорта является увеличение закупок продовольственных товаров: увеличение стоимостных объемов импорта

продовольствия из Китая обусловлено ростом физических объемов закупок мяса, овощей, фруктов, чая и арахиса.

При этом в торговле неизменно сохранялось формальное положительное сальдо — 50—70 млн. долл., которого фактически не существует, поскольку в этом виде таможенная статистика не учитывает данные о “неорганизованном перемещении товаров широкого потребления физическими лицами”, о чем будет говориться в одном из следующих разделов. В неблагоприятных условиях высоких ввозных пошлин и жестких правил таможенного оформления импорт непродовольственных товаров ушел в челночный канал. В таможенной статистике остались только продовольственные товары, перевозка которых группами “челноков” невозможна, поскольку требует специальных транспортных средств, изотермических, рефрижераторных вагонов и т. п.

В целом же неблагоприятная динамика внешнеэкономических связей не может не вызывать тревоги: находясь географически на пересечении товарных и финансовых потоков, обладая огромными природными ресурсами, Читинская область оказалась смещенной на обочину международных экономических отношений. Торговля с Китаем носит вполне колониальный характер обмена сырья на продукты питания. Данные процессы протекали на фоне устойчивого роста объемов внешней торговли сопредельной китайской провинции Внутренняя Монголия¹³:

Таблица 4

Внешняя торговля Внутренней Монголии в 1994-2001 гг.

Показатель	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Объем торговли, млн. долл. США	1061,28	1123,10	1249,81	1310,26	1385,0	1607,76	2036,0	2540,0
К предыдущему году, +/-%	-11,77	+5,83	+11,28	+4,84	+5,70	+16,08	+26,64	+24,75
Экспорт	595,65	608,40	685,90	735,18	823,0	906,03	1022,0	1140,0
К предыдущему году, +/-%	-8,19	+2,14	+12,74	+7,18	+11,95	+10,09	+12,80	+11,6
Импорт	465,63	514,70	563,91	575,08	562,0	701,73	1014,0	1400,0
К предыдущему году, +/-%	-15,96	+10,54	+9,56	+1,98	-2,27	+24,86	+44,50	+38,06

Торговля с ограниченной ответственностью без образования юридического лица

В соответствии с таможенной статистикой в 2001 г. (бюллетень 2002 г. не содержит таких данных) в экспорте участвовало 540 читинских предприятий, в то время как импортом официально занимались 179, то есть импортеров в Забайкалье формально в три раза меньше, чем экспортеров. Среди экспортеров количественно преобладают “физические лица, перемещающие товары, предназначенные для производственной или коммерческой деятельности, без образования юридического лица”; экспортеров этой категории в 2001 году таможня насчитала 343, или более 63% общего числа. Второй по количеству категорией экспортеров выступали общества с ограниченной ответственностью, которых насчитывалось 142, или более 26%. Эти две категории абсолютно преобладают в количественной структуре читинских экспортеров, в сумме образуя долю почти 90%.

В 2002 г. физические лица и ООО вывезли товаров на сумму соответственно 40144,6 и 28767,9 тыс. долл. США, по 45,9 и 32,9% полного объема экс-

порта. В сумме данные две категории в полной стоимости экспорта образовали долю в 78,8%. То есть частные предприятия преобладают среди экспортеров как количественно, так и по стоимости вывоза. Например, акционерные общества, среди которых выделяются два подконтрольных государству гиганта бывшей оборонной промышленности — АОТ “Приаргунское производственное горно-химическое объединение” и ОАО “Забайкальский ГОК” — в 2002 году вывезли своей продукции на сумму 15713,2 тыс. долларов — в 4,4 раза меньше.

В течение рассматриваемого периода стоимость экспорта подконтрольных государству акционерных обществ и государственных предприятий сократилась в несколько раз с соответственно 95,5 и 5,9 млн. долл. в 1995 г. до 15,7 и 0,6 млн. долл. в 2002 г. Их доминирующее в прошлом положение заняли физические лица, перемещающие товары, предназначенные для производственной или коммерческой деятельности, без образования юридического лица и общества с ограниченной ответственностью, экспорт которых подскочил с соответственно 0,09 и 11,5 млн. долл. в 1995 г. до 40,1 и 28,8 млн. долл. в 2002 г. Такая структура экспорта по категориям предприятий экспортеров на протяжении 1999-2001 гг. оставалась неизменной.

Среди импортеров и экспортеров количественно преобладают “физические лица, перемещающие товары, предназначенные для производственной или коммерческой деятельности, без образования юридического лица” и “общества с ограниченной ответственностью”, которых в 2001 г. насчитывалось соответственно 73 и 64. Эти две категории преобладают в количественной структуре читинских импортеров, в сумме в 2001 г. образуя долю в 76,5%. В 2002 г. физические лица и ООО завезли в Читинскую область товаров на сумму 37541,8 тыс. долл. США. В совокупности эти две категории в полной стоимости импорта образовали долю в 81,5%. В этих условиях дальнейшее развитие производства мяса и овощей будет взаимовызываться только с расширением спроса на внутреннем рынке, а не с возрождением отечественного производства. Это по существу ставит крест на замещении импорта по этим двум позициям, производство которых ведется в Китае в природно-климатических условиях, сходных с забайкальскими и определено по плечу читинской экономике.

Без преувеличения можно назвать читинскую внешнюю торговлю областью частной инициативы. Несомненно, что ведущую роль в развитии интеграционных процессов в экономиках сопредельных регионов России и Китая играет частный сектор. Более того, в Читинской области соотношение интеграции “сверху” (путем осуществления государственной политики, направленной на ускорение хозяйственного сближения приграничных территорий) и “снизу” (путем активизации транснациональных коммерческих операций частнопредпринимательского сектора) меняется в пользу последней. “Структурообразующими силами большей части современного мирового сообщества являются рыночная экономика и в меньшей степени — политические институты”¹⁴ со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одним из таких последствий является сложность в проведении регулирования экспорта вследствие значительного числа мелких экспортеров, до сих пор не объединенных в отраслевые ассоциации или союзы.

Доля Китая в торговле Забайкалья: ближний сосед лучше дальнего родственника

В период с 1994 по 2001 г. объем торговли Читинской области с КНР характеризуется следующими показателями (млн. долл. США):

Торговля Читинской области с КНР в 1994-2002 гг.

Таблица 5

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Оборот торговли с КНР	92,0	66,8	55,2	62,4	48,3	69,2	73,0	78,9	113,6
К предыдущему году, -/+%		-27,4	-17,4	+13,0	-22,6	+43,3	+5,5	+8,1	+43,9
Доля Китая, %	48,3	36,0	37,5	36,6	37,3	65,0	72,4	73,7	85,1
Экспорт в КНР	58,4	43,9	41,8	45,9	36,7	57,9	59,2	62,2	72,8
К предыдущему году, -/+%		-24,8	-4,8	+9,8	-20,0	+57,8	+2,2	+5,1	+17,0
Доля Китая в экспорте, %	47,9	33,5	40,0	37,1	39,7	70,5	74,0	73,9	83,2
Импорт из КНР	33,6	22,9	13,5	16,5	11,6	11,2	13,8	16,6	40,8
К предыдущему году, -/+%		-31,8	-41,0	+22,2	-29,7	-3,4	+23,2	+20,3	в 2,5 раза
Доля Китая в импорте, %	23,1	42,1	31,3	35,2	31,3	46,4	66,3	71,8	88,6

Хотя за восемь лет рассматриваемого периода абсолютные показатели торговли Читинской области с КНР сократились — с 92 млн. долларов США в 1994 г. до 78,9 млн. в позапрошлом 2001 г., в последние пять лет наблюдается устойчивый рост, как по экспорту, так и по импорту, который в прошлом, 2002 г. привел к рекордному за последние девять лет объему торговли Забайкалья с Китаем — 113,6 млн. долл. США. При этом доля Китая в полном объеме внешней торговли увеличилась в 1,8 раза — с 48,3% до 85,1%. Доля Китая в импорте росла быстрее, чем в экспорте, увеличившись более чем в 3,8 раза — с 23,1% в 1994 г. до 88,6% в 2001 г. Китай, таким образом, за это время укрепился в роли основного торгового партнера Читинской области.

Необходимо учитывать, что огромную долю внешней торговли Читинской области образуют поставки одного предприятия — АОТ «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» в г. Краснокаменск, которое поставляет свою продукцию в промышленно развитые страны. А в соответствии с таможенной статистикой, в 2001 г., например, экспорт с территории области осуществляли всего 540 участников ВЭС всех категорий. Чтобы более наглядно проиллюстрировать значение торговли с Китаем для основной массы читинских предприятий, мы исключим показатели поставок АОТ ППГХО из объемов внешней торговли Читинской области. В период с 1994 по 2002 год экспорт продукции АОТ ППГХО имел такие значения:

Таблица 6

Экспорт продукции АОТ ППГХО в 1994-2002 гг

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Объем поставок (млн. долл. США)	54,9	77,9	54,2	59,9	38,9	22,3	20,0	20,2	13,0
Доля в обороте торговли, %	29	42	38	35	30	21	20	19	10
Доля в обороте по экспорту, %	45,07	59,35	51,98	48,40	42,01	27,19	25,04	23,93	14,86

Исключив упомянутые поставки АОТ ППГХО, мы получим следующую картину оборота внешней торговли Читинской области и значений долей Китая (млн. долл. США):

Таблица 7

Внешняя торговля Читинской области без учета АООТ ППГХО в 1994-2002 гг.

	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Оборот	135,6	107,6	93,1	110,7	90,6	84,4	80,7	86,9	120,6
Доля Китая, %	67,8	62,1	59,3	56,4	53,3	82,0	90,5	90,8	94,2
Экспорт	66,9	53,3	50,1	63,9	53,6	59,9	60,0	64,2	74,5
Доля Китая, %	87,3	82,4	83,4	71,8	68,5	96,7	98,7	96,9	97,7

Так, рассматривая читинскую каплю в море сибирской внешней торговли, необходимо сказать, что для абсолютного большинства читинских предприятий Китай стал абсолютным по значению торговым партнером, его доля в полном обороте внешней торговли без учета поставок продукции Краснокаменского технополиса составляет более 90%, а экспорт почти полностью — на 97,7% — состоит из поставок в Китай. Правда, следует отметить, что увеличение доли Китая в объемах внешней торговли вызвано не только ростом поставок в эту страну, но и сокращением вывоза в другие государства.

Товарная структура экспорта области в Китай

Товарная структура взаимной торговли мало восприимчива к изменениям в мировой экономике и отличается низкой степенью диверсификации¹⁵. Основными статьями экспорта региона являются сырьевые товары, для которых принципиальное значение имеет транспортное средство. В 2002 г. наибольший удельный вес в экспорте Читинской области в Китай заняли древесина и изделия из нее — 87,8% (63885,3 тыс. долл.), причем в основном поставляется древесина необработанная, которой вывозится в 7,2 раза больше, чем изделий из нее. По сравнению с 2001 г. поставки древесины возросли на 21416,0 тыс. долл. (на 33,5%). Помимо древесины существенное место в структуре экспорта в Китай занимают черные металлы — 1,6% (1133,1 тыс. долларов) и изделия из черных металлов — 6,8% (4954,4 тыс. долл.). В совокупности данные две позиции образуют в экспорте области в Китай долю в 8,4%. Таким образом, экспорт в Китай почти исключительно — на 96,2% — состоит из древесины и изделий из нее, а также черных металлов и изделий из них, что говорит о чрезвычайной узости экспортной базы Читинской области.

В настоящее время для товарной структуры экспорта характерна наибольшая привязанность к традиционным сырьевым ресурсам региона. В определенной степени внешняя торговля Забайкалья вернулась к той структуре, которую имела в 1988 г., до установления прямых связей с КНР и расцвета реэкспорта. С той лишь разницей, что либерализация внешнеэкономических связей еще на старте рыночных реформ выявила неконкурентоспособность основной массы продукции обрабатывающих отраслей. Лишь незначительную часть товарной структуры экспорта составляют реэкспортные товары, направляемые в Китай. Необходимо отметить, однако, что древесина не всегда в течение рассматриваемого периода преобладала в поставках области в Китай. Чтобы понять, как изменялась структура экспортных поставок в Китай, ниже нами будет рассмотрена

Динамика экспорта в Китай важнейших товаров

1. Экспорт древесины и изделий из нее складывался показан в таблице 8, приведенной на стр. 116.

Рост вывоза данных товаров из Забайкалья наблюдается на протяжении всего рассматриваемого периода. Но лидирующие позиции в экспорте области в

Китай древесиной и изделиями из нее заняли в 1999 г., когда их доля составила 49,7%, почти половину от вывоза в КНР; тогда российское правительство не замедлило ввести экспортные пошлины на данную продукцию. В 2000-2002 гг., несмотря на введение пошлин, ее доля возрастала, особенно быстро в прошлом 2002 г., когда она приняла максимальное значение за весь рассматриваемый период — 67,8%. Спрос на лес в соседнем Китае вырос по причине сокращения производства внутри страны по экологическим соображениям. Например, доنامоса производства древесины в КНР в целом, в соседнем с Читинской областью автономном районе Внутренняя Монголия и сопредельном Хулунбуирском аймаке выглядит следующим образом (тыс. куб. м)¹⁴:

Таблица 9

Производство древесины в КНР в 1998-2001 гг.

Год	КНР		АРВМ		Хулунбуир	
	Всего	% к предыдущему году	Всего	% к предыдущему году	Всего	% к предыдущему году
1998	56200	-11,2	4269,0	-5,0	555,4	-6,8
1999	56490	-11,1	3792,3	-17,9	481,0	-15,0
2000	45000	-10,9	3216,5	-17,2	364,0	-24,3
2001	51000	+13,3	2807,2	-12,4	236,0	-35,3

Если в период с 1998 г. по 2000 г. в целом по Китаю производство древесины сократилось в 1,26 раз, и только в 2001 г. наблюдался его рост примерно до уровня 1999 г., то в АРВМ производство сокращалось быстрее: за этот же период оно уменьшилось в 1,73 раз; особенно быстро сокращение происходило в сопредельном с Забайкальем Хулунбуире, здесь оно сократилось в 2,4 раза. Данная тенденция и определяет потенциал дальнейшего сотрудничества.

2. В то же время экспорт черных металлов и изделий из них складывался так, как показано в таблица 10, приведенной на стр. 116.

С 1997 г. по 2001 г. черные металлы играли существенное значение в забайкальском экспорте в Китай, однако в 2002 г. их доля в структуре вывоза понизилась до 8,4%, то есть упала примерно до уровня 1995 — 1996 гг., уступив первенство древесине.

Структура экспорта в Китай, в которой преобладают древесина и черные металлы, складывалась на протяжении последних шести лет. Их суммарная доля существенно возросла в 1997 г. (до 31,67%) и впоследствии стабильно росла, пока не достигла в прошлом 2002 г. своего максимального значения — 96,2%, причем соотношение внутри экспортного тандема из древесины и черных металлов постоянно меняется в пользу древесины.

Таблица 11

Суммарная доля древесины и черных металлов в экспорте в КНР в 1995-2002 гг.

Годы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Суммарная доля групп 44, 72 и 73	8,69	8,26	31,67	53,16	76,8	82,47	94,9	96,2

В прошлые периоды в структуре читинского экспорта доминировали сначала минеральные удобрения, а потом цветные металлы, которые в настоящее время не вывозятся в Китай.

Структура импорта области из Китая

Преобладающей группой товаров в импорте из КНР являются продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье: мясо, овощи, фрукты и арахис (67,1%). Именно из Китая вывозится основной объем продовольственных товаров по импорту. При этом в 2001 г. таможенные органы отметили сокращение импорта продовольственных товаров из стран СНГ. Отметим, что одежда, которую покупает большинство населения области, заняла в 2002 г. в структуре китайского импорта лишь 3,1%. Импорт продовольствия показан в таблице 12, приведенной на стр. 117.

Как видно из приведенной таблицы, практически все представленные товарные позиции продовольственной группы демонстрируют тенденцию возрастания доли в структуре импорта из КНР. Объемы поставок мяса неравномерны из-за периодически возникающих запретов по линии ветеринарного контроля. С 1997 г. продовольствие устойчиво составляет более половины официальных поставок из КНР по импорту и принимает максимальное значение — 78,9% в 2001 г., в 2002 г. она несколько снижается — до 67,1%.

Некоторые проблемы внешнего состояния торговли

1. Падение эффективности экспорта. Во второй половине 1990-х гг. наблюдается значительное увеличение физического объема поставок внешне-торговых товаров, главным образом вывозимых за рубеж, при стабильном падении их стоимости. С 1995 г. по 2000 г. оборот внешней торговли снизился с 185,5 до 100,7 млн. долл. США — на 45,7%. В этот же период вес внешнеторговых товаров увеличился почти в 2 раза — с 472,3 до 920,5 тыс. т. Это коснулось главным образом экспорта: его оборот сократился с 131,2 до 79,9 млн. долл. США, а физический объем вырос с 190,8 до 858,0 тыс. т — в 4,5 раза. То есть область вывозит товаров все больше по весу и все меньше по стоимости. Это видно из таблицы 13, приведенной на стр. 118.

Рассмотрим данную проблему на примере вывоза продукции товарной группы 4403 “Лесоматериалы необработанные” в соответствии с ТН ВЭД. Как отмечалось выше, данная товарная группа составляет основу читинского экспорта:

Таблица 14

Физические и стоимостные показатели экспорта древесины

Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Количество, тыс. куб. м	10,3	17,6	41,4	87,6	546,8	585,4	845,3	1287,4
Средняя цена, долл. США	82,56	80,01	58,96	52,72	49,53	48,09	45,0	43,5
Недополучение экспортной выручки за счет падения цены относительно предыдущего года, тыс. долл. США	—	45,0	871,3	546,8	1743,4	841,2	2610,4	1921,6

В результате ежегодного падения цен на необработанные лесоматериалы Читинская область за период 1995—2002 гг. недополучила 8,6 млн. долл. США экспортной выручки. Только снижение средней цены в 2000 г. — с 48,09 долл. США до 45,00 за куб. м в 2001 г. привело к сокращению экспортной выручки на 2,6 млн. долл. США, что составляет 6,7% (!) стоимости данной продукции и 3,1% полного объема экспорта в 2001 г. Как нам представляется, ста-

бильное падение цены на сырьевые товары читинского экспорта связано не столько с конъюнктурой внешнего рынка, сколько с большим количеством мелких экспортеров, которые, с одной стороны, конкурируют между собой при отсутствии эффективного механизма координации экспортной деятельности, а с другой стороны — могут укрывать часть экспортной выручки.

Сконцентрированные в крупном железнодорожном переходе Маньчжурия китайские компании становятся естественными организаторами и контролерами российско-китайской торговли: они владеют инициативой, обмениваются торговой информацией, определяют ценовое и иное давление на российских партнеров, всячески их разобщают, а сами объединяются для защиты своих интересов. В этом беда мелких, средних и даже крупных российских экспортеров, а не злой умысел их как участников децентрализованной внешней торговли. Другой особенностью торговли с китайцами является неготовность российского партнера подвергаться постоянному психологическому давлению, где цена является результатом длительного противоборства. Для китайцев такие методы ведения торговли не являются чем-то из ряда вон выходящим, наоборот, для них это нормальный образ жизни¹⁷.

В настоящее время отчетливо просматривается и стремление китайцев перенести центр коммерческих контактов на территорию России и отвести российским бизнесменам пассивную роль в совместной торговле. Китай по-прежнему является для нас закрытой страной в смысле торгово-экономической информации, а китайские бизнесмены давно поняли, что неосведомленность российских партнеров является очень выгодным экономическим фактором, и поэтому традиционно стараются затруднять получение даже открытой информации.

2. Уход импорта в челночный канал. После повышения импортных таможенных пошлин и усложнения таможенного оформления импортных товаров из КНР товарооборот по импорту непродовольственных товаров переместился в челночный канал. В 2002 г. российские таможенники определили объем челночной торговли с Китаем, сравнив свои данные с китайской таможенной статистикой. Он составил 1 млрд. долларов США¹⁸. В Забайкальской таможне — основном транспортном направлении челночной торговли официальные контракты на ввоз из КНР одежды, трикотажа и обуви практически не регистрируются. В то же время в соответствии с обзором бывшего Восточно-Сибирского таможенного управления в 1997 г. стоимость товаров, ввезенных физическими лицами с превышением установленных квот, составила 6,38 млн. долл. США. В 1998 г., по этим данным, сотрудники Забайкальской таможни зарегистрировали ввоз физическими лицами товаров на сумму 33183,0 тыс. долл. США весом около 2 тыс. тонн, о чем было составлено 15180 таможенных приходных ордеров.

Хотя представленная в таблице 15 на стр. 118 неполная статистика Забайкальской таможни не отражает реальных объемов «неорганизованного» импорта, в то же время и она показывает тенденцию роста объемов ввоза в челночном канале.

3. Узость экспортной базы. Положительный эффект тесной привязанности Читинской области к рынку соседнего Китая, позволивший компенсировать потерю российского рынка по такой товарной позиции, как лесоматериалы, имел и отрицательные последствия. Они проявились в узкой «специализации» Китая в торговле с Забайкальем. С одной стороны, поляризация торговли в определенной степени отражает сложившуюся промышленную структуру Забайкалья. С другой стороны, это консервирует развитие экономики, то есть практически исключает ее оптимизацию¹⁹. Кроме того, в последние годы произошло фундаментальное изменение структуры экспорта. Если в 1995 г. в вывозе за рубеж преобладала продукция высоких технологий — закись-окись природного урана, доля которой составляла 59,35%, то в 2002 г. доля данной

продукции снизилась более чем в 3 (!) раза — до 14,86%. В то время как доля сырьевого товара — древесины — выросла: с 0,9% в 1995 г. до 87,8% в 2002 г.

Узость и ограниченность экспортной базы сдерживает рост экспорта, позитивная динамика которого ныне в решающей степени определяется китайской конъюнктурой. Проблема развития и диверсификации экспортного потенциала стала одной из важных стратегических задач, решение которой должно быть тесно увязано с проведением структурной промышленной и технической политики, нацеленной на приоритетное развитие конкурентоспособных отраслей.

Перспективы: лес и свободные земли

Китай беден лесными ресурсами. На каждого китайца приходится в среднем 0,11 га лесов — это лишь 13% мирового показателя. В 1998 г. китайское правительство начало осуществлять программу сохранения природных лесов, в то время как спрос на лесоматериалы на рынке постоянно растет, что приводит к увеличению их импорта. Эксперты утверждают, что ухудшение экологической обстановки привело к недавним страшным пыльным бурям. В результате ежегодный объем спроса на лесоматериалы достигает 130 млн. кубометров и будет иметь тенденцию к росту в последующие 5-10 лет. Ныне ежегодный дефицит лесоматериалов составляет 45-50 млн. куб. м. Для покрытия дефицита на внутреннем рынке правительство КНР осуществляет мероприятия по увеличению импорта леса — такие, как нулевая пошлина на ввоз круглого леса и пиломатериалов.

Российские владельцы лесных ресурсов предпочитают капиталовложения в большие проекты, требующие от иностранных инвесторов комплексной переработки древесины, лесопосадки и даже организации инфраструктуры в районе заготовки. Таким проектом в Забайкалье выступает программа освоения лесных ресурсов Газимуро-Заводского, Нерчинско-Заводского и Шелопугинского районов на основе экспорта в Китай через переход "Олочи — Шивэй". Этому способствует недавний ввод в эксплуатацию мостового перехода через реку Аргунь и наличие у китайцев на сопредельной территории производственных и транспортных мощностей. Однако большинство китайских инвесторов пока не принимают таких проектов, не имея возможности найти достаточные средства или не решаясь их инвестировать. Например, леспромхоз "Дашитоу" ("Большой камень") провинции Цзилинь, уже вложивший около 70 млн. юаней в заготовку леса и переработку древесины в Читинской области, ныне находится в трудном положении.

Россия занимает солидную долю на лесном рынке Китая. В 2000 г. китайские бизнесмены ввезли из России 5,93 млн. кубометров круглого леса, что составило 43,6% общего объема его импорта²⁰. Забайкалье богато лесными ресурсами, расчетная лесосека составляет в Читинской области 13 млн. кубометров, причем спелого и перестойного древостоя. Такой объем в год можно вырубить, не причиняя вреда природе. Это дает большие возможности для сотрудничества с Китаем в сфере лесного хозяйства. В лучшие годы в Забайкалье заготавливали до шести миллионов кубометров, сейчас только один миллион двести тысяч, то есть пятую часть прежних объемов. По мнению руководителя лесной службы Комитета природных ресурсов Читинской области Е.М. Атаманкина, оптимально в области можно брать 6 млн. кубометров древесины в год. В интервью газете "Читинское обозрение" он заявил, что "...наша беда не в том, что мы рубим много, а в том, что рубим не там, и рубим мало. У нас леса стареют по 350 тысяч гектаров в год. А на месте стареющего леса восстановление идет трудно"²¹. В целом, как видим, у Забайкалья довольно благоприятные перспективы развития экспорта лесных товаров в соседний Китай.

Важным фактором, стимулирующим экономическое взаимодействие приграничных районов России с Китаем и определяющим направления данного сотрудничества, является острый недостаток пахотной площади в Китае и

серьезный дефицит пресной воды, сковывающий развитие. Зоны пустыни продолжают распространение по китайской территории со средней скоростью 10400 кв. км в год. В настоящее время площадь пустынь составляет 2,67 млн. кв. км, т.е. 27,9% всей территории КНР. В соседней Внутренней Монголии планируется ограничить сельскохозяйственную деятельность на 2 млн. га угодий, а также полностью исключить из оборота фуражного производства 66,7 тыс. га земель.

В то же время наличие в Забайкалье большого количества свободных и неиспользуемых пахотных и целинных земель со временем приведет к распространению аренды земельных ресурсов в Забайкалье китайскими сельскохозяйственными предприятиями. В 90-х гг. переговоры об аренде земельных участков велись китайскими организациями в Приаргунском районе Читинской области, который имеет благоприятные условия для производства зерна и сообщается с сопредельным городом Аргунь посредством стабильной системы мостовых переходов через реку Аргунь.

* * *

КНР, таким образом, является и будет оставаться важнейшим рынком сбыта продукции отраслей традиционной специализации Забайкалья, которая оказалась неконкурентоспособной на российском рынке. В этом смысле торговля с Китаем выступает мощным фактором социально-экономической стабилизации на основе международного разделения труда. При этом экспорт области в Китай не превышает 100 млн. долл. США в год, что не отражает ни наших возможностей, ни потребностей китайских импортеров. А то обстоятельство, что в течение в общем-то непродолжительного периода времени структура экспорта Забайкалья несколько раз переживала серьезные изменения, говорит о сильной зависимости нашей внешней торговли от краткосрочных колебаний конъюнктуры соседнего китайского рынка.

Даже несложный анализ структуры торговых потоков в пределах нашего субрегиона позволяет сделать вывод о том, что внутрорегиональная торговля находится на начальных этапах развития. Низкий уровень экономической кооперации в субрегионе объясняется, главным образом, разрывом в уровнях экономического развития и экономического потенциала сопредельных территорий. Это несоответствие порождает ситуацию, когда, с одной стороны, торговые связи между более развитой и менее развитой приграничными территориями ограничены возможностями одних потреблять сырье, а других — готовую продукцию. С другой стороны, хозяйственные связи внутри каждой из граничащих стран сдерживаются близкими структурами производства и относительно узкой внешнеторговой специализацией. Несмотря на несомненный прогресс последнего десятилетия в развитии внешнеэкономических связей, существующий потенциал международного экономического сотрудничества в субрегионе реализуется слабо²². Сравнительно небольшой экономический потенциал, моноспециализация внешней торговли наряду с некоторыми индивидуальными причинами обусловили невысокий, по сравнению с возможным, уровень приграничного сотрудничества.

Формирование структуры экспорта происходит под воздействием множества негативных факторов, среди которых продолжающийся спад промышленного производства, отсутствие последовательной экспортной политики, что, в конечном счете, не способствует облагораживанию структуры экспорта. В то же время, благоприятная перспектива Читинской области во внешнеторговом сотрудничестве во многом обусловлена наличием у нее значительных экспортных некапиталоемких в производстве и возобновляемых ресурсов, а также удобным географическим положением и развитой транспортной инфраструктурой.

Очевидно, что дальнейшие экстенсивные источники роста торгово-экономических связей Читинской области и Китая далеко не исчерпаны, а переход к новым видам связей в ближайшее время выглядит нереальным. Это ка-

сается таких товарных позиций, которые составляют основу регионального экспорта и ориентированы прежде всего на Китай, — их доля в структуре экспорта останется сравнительно стабильной. Важным направлением экстенсивного роста вывоза лесоматериалов обещает стать освоение практически нетронутой лесосырьевой базы Газимуро-Заводского, Нерчинско-Заводского и Александрово-Заводского районов, которое стало возможным после строительства мостового перехода в пункте пропуска Олочи.

Внешняя торговля оказывает чрезвычайно позитивное влияние на внешнеэкономическую ситуацию (хотя последняя в целом плоха) и стала своеобразным компенсатором. Вместе с тем в сложившихся экономических условиях возрастание значения внешней торговли для российского Забайкалья в определенной степени имеет вынужденный характер, поскольку развитие экономической ситуации в России просто не оставляет региону другого выхода. На ориентированных на экспорт предприятиях заработная плата выплачивается регулярно и становится, таким образом, одним из главных источников притока финансовых средств по налогу на доходы физических лиц. Если учесть, что с 2001 г. налоги на прибыль и на доходы физических лиц стали основой формирования доходной базы регионального бюджета, то становится ясным, насколько важна для Забайкалья экспортная политика.

Среди актуальных проблем развития внешней торговли Забайкалья, нацеленной на формирование эффективной региональной экономики и ее органичное интегрирование в азиатское хозяйство, профилирующей и наиболее сложной является проблема укрепления, развития и диверсификации экспортного потенциала Читинской области. Это главное, что будет определять траекторию количественного и качественного роста внешней торговли в перспективе, масштабы и характер участия Забайкалья в международном разделении труда.

При этом приходится отдавать себе отчет в том, что коренная перестройка структуры читинского экспорта на основе повышения в нем доли готовых изделий с высокой добавленной стоимостью невозможна из-за примитивной структуры производства, сложившейся в результате прошлого развития. Это обрекает Забайкалье на крайне уязвимую от китайской конъюнктуры экспортную динамику и нестабильность экспортных доходов, на роль экономической периферии развивающегося Китая. Однако при сохранении в дальнейшем экономической ситуации, в которой сегодня находится Забайкалье, лишь посредством активизации внешней торговли, и, в первую очередь, экспорта, можно создать стабильный внешний источник финансирования местной экономики.

С одной стороны, долгосрочную внешнеэкономическую стратегию Забайкалья следует ориентировать на увеличение доли готовой продукции, в том числе продукции бывших предприятий оборонной промышленности; с другой стороны, очевидно отсутствие для этого эффективных инструментов. Было бы, конечно, иллюзией рассчитывать на быстрое решение проблемы изменения экспортного профиля Забайкалья, на уход от преимущественно сырьевой специализации нашей экономики. Это — естественное конкурентное преимущество Читинской области, и его необходимо эффективно использовать, поддерживая и развивая ресурсоэкспортную базу и главное — постепенно переходя к повышению доли полуфабрикатов в экспортных поставках. В конечном счете, интенсификация сотрудничества станет возможной лишь при преодолении стагнации в Забайкалье, формировании стабильной правовой базы внешнеэкономической деятельности в приграничье и расширении государственной поддержки российских экспортеров²¹.

Таблица 8

Экспорт в Китай древесины в 1995-2002 гг.

Код тн вэд	Наименование	Ед. измерения	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
44	Древесина и изделия из нее, всего	Тыс. долл. США	1132,3	1442,3	2464,0	4785,0	28196,2	30292,8	42469,3	63885,3
		Доля в экспорте в Китай, %	0,9	1,4	5,4	13,0	48,7	51,2	68,3	87,8
4403	Лесоматериалы необработанные	Тыс. м ³	10,3	17,6*	41,4	87,6	546,8	585,4	845,3	1287,4
		Тыс. долл. США	850,4	1408,1	2441,1	4618,1	27083,9	28153,7	38040,1	56011,4
4407	Лесоматериалы обработанные	Тыс. м ³	0,5	0,3	0,4	1,7	10,3	25,2	54,8	91,4
		Тыс. долл. США	53,73	24,51	22,86	143,8	981,5	2102,6	4410,0	7742,0

Таблица 10

Экспорт черных металлов в Китай в 1995-2002 гг.

Код тн вэд	Наименование	Ед. измерения	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
72	Черные металлы	Тыс. т	13,26	36,03	133,21	234,08	258,82	237,62	139,43	
		Тыс. долл.	2905,43	3938,07	8255,76	10178,11	9526,35	11541,12	9817,2	1133,1
		Доля в экспорте в Китай, %	2,22	3,78	17,98	27,75	16,44	19,49	15,8	1,6
73	Изделия из черных металлов	Тыс. т	38,36	20377,58	39405,90	50051,87	74310,39	68920,16	47,30	
		Тыс. долл.	7311,92	3217,63	3805,84	4442,53	6759,94	6975,56	6417,90	4954,4
		Доля в экспорте в Китай, %	5,57	3,08	8,29	12,11	11,66	11,78	10,8	6,8
	Суммарная доля групп 72 и 73		7,79	6,86	26,27	39,86	28,1	31,27	26,6	8,4

* В таможенной статистике за этот год указаны тонны, нами пересчитано в кубометры по коэффициенту 0,85.

Таблица 12

Импорт продовольствия в 1995-2002 гг.

Код тн вэд	Наименование	Ед. измерения	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
02	Мясо	тонн	2040	269.30	1125.82	760.88	242.5	-	1058.2	2960.8
		Тыс. долл.	2940.60	268.43	1842.85	1149.31	336.9	-	1196.9	3377.5
		Доля в импорте из Китая, %	12.8	2.4	11.17	9.92	3.00	-	7.1	8.3
07	Овощи	тонн	2500	1133.17	7125.71	8608.7	10391.4	6519.7	14298.7	30059.3
		Тыс. долл.	830.34	216.63	1664.61	1835.68	1693.7	1238.3	2624.8	5996.1
		Доля в импорте из Китая, %	3.6	2.0	10.09	15.84	15.08	8.99	15.7	14.7
08	Фрукты	тонн	9200	3994.58	13347.74	10567.72	8732.6	12437.1	18313.9	38456.8
		Тыс. долл.	4442.35	1577.37	5045.51	3674.06	2805.1	3604.3	4928.8	10701.2
		Доля в импорте из Китая, %	19.4	14.5	30.58	31.71	24.98	26.18	29.4	26.2
09	Чай	тонн	60	11.98	5.94	7.98	13.6	-	238.0	360.0
		Тыс. долл.	331.46	15.50	10.87	13.97	21.6	-	240.2	313.0
		Доля в импорте из Китая, %	1.4	0.1	0.06	0.12	0.19	-	1.4	0.8
12	Арахис	тонн	-	1.57	45.78	185.87	12317.4	17285.8	32792.4	38880.8
		Тыс. долл.	-	0.48	28.57	73.33	1740.8	2091.6	4240.9	6967.9
		Доля в импорте из Китая, %	-	0.0	0.17	0.63	15.50	15.19	25.3	17.1
Суммарная доля групп 02,07, 08,09, 12			37.2	19.0	52.07	58.22	58.75	50.36	78.9	67.1

Стоимостные и весовые показатели торговли

Год	Оборот внешней торговли, млн. долл. США	Вес внешнеторговых то- варов, тыс. т	Оборот внешней торговли по экспорту, млн. долл. США		Вес экспортных товаров, тыс. т
			млн. долл. США	тыс. т	
1995	185,5	472,3	131,2	190,8	
1996	147,3	256,7	104,3	179,0	
1997	170,6	506,7	123,8	293,3	
1998	129,5	486,5	92,5	420,3	
1999	106,3	896,6	82,2	841,0	
2000	100,7	920,5	79,9	858,0	

Некоторые данные по ввозу товаров в челночном канале

Показатели	1997 год		1998 год		1999 год		2000 год		2001 год		1997-2001 гг.	
	млн. долл. США	%										
Всего импорт, в том числе:	11,6	100	1,1	100	1,2	100	2,3	100	3,84	100	20,04	100
трикотаж (гр. 60, 61 ТН ВЭД)	2,57	22,2	0,33	30	0,26	21,7	0,15	6,5	0,82	21,4	4,13	20,6
текстиль (гр. 62, 63 ТН ВЭД)	0,83	7,2	0,17	15,5	0,29	24,2	0,73	31,7	1,14	2,97	3,16	15,8
обувь (гр. 64 ТН ВЭД)	2,18	18,8	0,45	40,9	0,59	49,2	1,35	58,7	1,87	48,7	6,44	32,1

1. Ларин В.Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 20.
2. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998. С. 142.
3. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999. С. 62.
4. Здесь и далее: ГТК РФ, Восточно-Сибирское таможенное управление. Аналитический обзор по Читинской области. Иркутск, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999. А также: ГТК РФ, Сибирское таможенное управление, Территориально обособленное подразделение. Аналитический обзор по Читинской области. Иркутск, 2000. А также: ГТК РФ, Сибирское таможенное управление. Таможенная статистика внешней торговли Читинской области, бюллетень. Новосибирск, 2001, 2002.
5. Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998. С. 147.
6. Нырова Н.Н. Некоторые особенности российско-китайской приграничной торговли (опыт и размышления) // Веб-сайт allchina.ru.
7. Российско-китайская приграничная торговля // Веб-сайт allchina.ru.
8. Михайлов С. В. О российско-китайском приграничном и межрегиональном сотрудничестве // Внешнеэкономический бюллетень. 2001. № 5.
9. Цыганков А.А. Внешнеэкономические связи Республики Татарстан на фоне аналогичной деятельности других регионов России // Внешнеэкономический бюллетень, 2001. № 4. С. 36.
10. Рассчитано по: Госкомстат России, Читинский областной комитет государственной статистики. Читинская область в цифрах. Чита, 2002. С. 8.
11. Цыганков А.А. Указ. соч. С. 38.
12. Смирнов В.П., Рогов В.В. Экспортному потенциалу — приоритет в развитии // Внешнеэкономический бюллетень, 2001. № 5. С. 53.
13. За 1994-1997 годы статистика Внутренней Монголии пересчитана по: Нэймэнгу баньши чжинань [Деловой компас Внутренней Монголии]. Пекин, 1997; показатели 1998-2001 гг. — по: Хулуньбэйэрмэн яолань [Основные показатели Хулунбуирского аймака]. Хайлар, 1999, 2000, 2001.
14. Гаджиев К.С. Геополитика. М.: Международные отношения, 1997. С. 66.
15. Потапов М.А. Указ. соч. С. 137.
16. Хулуньбэйэрмэн яолань'1999 — 2001 [Основные показатели Хулунбуирского аймака]. Хайлар, 1999, 2000, 2001.
17. Нырова Н.Н. Указ. соч.
18. Веб-сайт ИЗВЕСТИЯ.RU, 25.03.02.
19. Минакир П.А., Деваева Е.И. Российский Дальний Восток и Забайкалье: программа международного экономического сотрудничества // ПДВ. 2002. № 1. С. 80.
20. Ли Чуаньсюн. Лесной рынок КНР, сотрудничество между КНР и РФ в сфере лесного хозяйства // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: изд-во АмГУ, 2002. Вып. 4. Благовещенск. С. 221-224.
21. Лесные парадоксы от Евгения Атаманкина. Читинское обозрение. № 25 (261); Смирнов В.П., Рогов В.В. Экспортному потенциалу — приоритет в развитии // Внешнеэкономический бюллетень, 2001. № 5. С. 51-52.
22. Ишаев В.И. Указ. соч. С. 44.
23. Потапов М.А. Указ. соч. С. 144.

Об энергетической стратегии Китая

© 2004

Я. Бергер

Энергетическая стратегия Китая — неотъемлемая составная часть долгосрочной, рассчитанной на десятилетия программы комплексной модернизации и развития страны. Данная программа имеет целью превратить Китай в процветающее, могущественное и достаточно огражденное от внешних и внутренних угроз государство, которое оказывало бы, если и не определяющее, то, во всяком случае, адекватное своему потенциалу влияние на судьбы мира. Разные разделы этой программы сегодня проработаны с неодинаковой степенью детальности, но во всех случаях энергетическая составляющая в них пользуется неизменным вниманием. Учет энергетического фактора в равной мере считается в высшей степени значимым для обеспечения стабильного экономического роста, для недопущения кризисов и выстраивания политики безопасности, для оздоровления и защиты окружающей среды как неперемennого условия устойчивого развития.

Амбициозные цели, которые определил для себя Китай: учетверение ВВП к 2020 г., осуществление индустриализации и урбанизации, повышение жизненного уровня населения (построение общества "сяокан") требуют не только существенного наращивания, но и серьезной перестройки энергетического комплекса страны в соответствии с общемировыми тенденциями. Энергетическое обеспечение не только долгосрочных, но, как показывает позднейшая практика, также среднесрочных и даже краткосрочных потребностей китайской экономики и китайского населения, уже выходит за пределы собственных возможностей Китая. Отсюда вытекает растущая взаимозависимость китайской и мировой энергетики.

Превращение страны, концентрирующей четвертую часть мирового населения, в среднеразвитую страну и одну из ведущих по экономической мощи держав мира, носит глобальный характер в самых различных аспектах, и далеко не в последнюю очередь, с точки зрения баланса мировых ресурсов и мирового потребления энергии, равно как и с точки зрения глобальной экологии. В не меньшей мере справедливо и обратное: колебания мировой энергетической конъюнктуры самым непосредственным образом сказываются на экономике и населении Китая.

Энергосбережение — магистральное направление энергетической стратегии

Отправной точкой энергетической стратегии Китая, наряду с грандиозными планами по становлению сильного и процветающего Китая, служит также понимание относительной бедности страны углеводородными энергоносителями. В расчете на душу населения обеспеченность Китая извлекаемыми запасами нефти составляла на 2000 г. 2,6 т, природного газа — 1074 куб. м, угля — 90 т, что соответствовало 11,1, 4,3 и 55,4% среднемирового уровня.¹

Авторы доклада “Анализ энергетической стратегии и политики государства”, подготовленного Проблемной группой по изучению стратегии и политики комплексного развития энергетики в Китае (ноябрь 2003 г.), оценивают энергетические потребности Китая на 2020 год по максимальному сценарию в 3,28 млрд. т, по среднему сценарию — в 2,896 млрд. т и по минимальному сценарию — в 2,466 млрд. т условного топлива.² Сценарии различаются по степени радикальности мер, предпринимаемых для сокращения потребления. Кроме того, принимаются во внимание такие важнейшие для энергопотребления факторы, как темпы роста численности населения, уровень урбанизации, потребительские тенденции, адаптация к сдвигам в мировой экономике, технико-экономическая эволюция основных отраслей народного хозяйства.

По мнению одного из основных авторов доклада Фэн Фэя, оптимальным ориентиром для устойчивого развития Китая в сфере энергетики является сокращение потребления энергии до минимального сценария и недопущение, при любых обстоятельствах, сценария выше среднего. При среднем сценарии потребление в 2020 г. в 2,2 раза превысит уровень 2000 г.

Если судить по предшествующему опыту Китая, то такие расчеты имеют под собой определенные основания. Учтя за предыдущие 20 лет свой ВВП, Китай увеличил потребление энергии лишь вдвое. Среднегодовые темпы роста ВВП за 1980–2000 гг. составили 9,7%, а потребление энергии увеличивалось в среднем за год на 4,6%. Иными словами, экономический рост наполовину обеспечивался энергосбережением. Сократилось отставание Китая от лучших мировых показателей по затратам энергии в производстве наиболее энергоемкой продукции, включая выработку электроэнергии на тепловых электростанциях и выплавку стали.

Вместе с тем, чтобы повысить эффективность использования энергии в той же мере, как за предыдущие два десятилетия, когда эффект был достигнут в значительной степени благодаря масштабным структурным преобразованиям (прежде всего, благодаря сокращению удельного веса энергоемких производств и изделий), понадобятся значительно большие усилия в экономике, энергетике и защите окружающей среды.

В 2001 г. затраты конечных пользователей энергии в Китае составили 13% ВВП, тогда как в США этот показатель — 7%.³ Оценки энергозатрат на единицу ВВП сильно расходятся при расчетах по текущему обменному курсу валют и по паритету покупательной способности. В первом случае они в Китае в 2000 г. были выше, чем в Японии, в 7,7 раза и выше среднемирового уровня в 3,4 раза. Во втором случае превышение сокращается до 20% по сравнению с показателем Японией и до 8% по сравнению уровнем стран ОЭСР. Скорее всего, истина находится где-то посередине. Ставится задача сократить затраты условного топлива на 10 тыс. юаней ВВП с 2,33 т в 1995 г. до 1,25 т в 2010 г., до 0,54 т в 2030 г. и до 0,25 т в 2050 г.⁴

Подавляющая часть избыточных затрат энергии в Китае приходится на отрасли, где удельное потребление значительно превышает среднемировой уровень. В восьми отраслях промышленности, поглощающих 73% всего про-

мышленного потребления энергии, удельная энергоемкость на 47% выше передового мирового уровня. Китайские тепловые электростанции на выработку 1000 кВтч электроэнергии расходуют условного топлива на 27,4% выше, чем позволяют прогрессивные технологии. В натуральных показателях избыточное потребление энергии в китайской промышленности составляет не менее 230 млн. т условного топлива.⁵ "Все это свидетельствует о том, что прежняя модель экономического роста, с ее традиционно высокими темпами, высокими затратами, высоким загрязнением и низкой эффективностью, далее не имеет права существовать".⁶

В связи с этим *энергосбережение становится основным направлением энергетической стратегии Китая*. Китай стоит перед необходимостью предпринять немалые усилия, чтобы приблизиться к тем показателям эффективности энергии, которых добились развитые страны. Этого требуют и все более обостряющийся дефицит ресурсов, который может при неблагоприятных условиях стать ограничителем экономического роста, и все большее вхождение Китая в глобальную конкурентную среду.

- Предстоит, прежде всего, утвердить в обществе понимание ограниченности энергетических ресурсов и необходимости бережного подхода к окружающей среде. Новое отношение к энергоресурсам и экологии на Западе стало складываться, начиная с 70-х годов прошлого века, как реакция на первый глобальный энергетический кризис. Осознание неотложной необходимости энергосбережения способствовало появлению и распространению технологий, которые привели к повышению эффективности и резкому сокращению потребления энергии, равно как и к уменьшению загрязнения окружающей среды и улучшению качества жизни. В Китае такой подход еще только начинает складываться.
- Как показывает опыт США и Японии, для реализации политики энергосбережения нужны специализированные правительственные агентства со значительным бюджетом и штатом специалистов, которых в Китае сегодня не хватает.
- Эффективное энергосбережение в различных отраслях народного хозяйства и в быту нуждается в разработке детализированной системы законодательных актов и правил.
- Для оптимизации энергосбережения и уменьшения загрязнения природной среды необходимы как запретительные, так, и в еще большей степени, поощрительные меры, в т. ч. фискального порядка. После 1994 г. в ходе реформы налоговой системы были ослаблены или вовсе аннулированы налоговые и кредитные льготы, стимулировавшие производство энергосберегающей продукции. Теперь к этим мерам предстоит вернуться.
- Выполняемый в настоящее время пятилетний план социально-экономического развития не ставит перед китайскими учеными, технологами, инженерами задачу разработки энергосберегающих технологий и оборудования. Возможно, эта задача будет выдвинута в следующей пятилетке, но на это понадобится немалое время, даже в случае заимствования передового зарубежного опыта.

Для реализации политики энергосбережения первостепенную роль играет система экономического стимулирования, ответственность за создание которой призвано взять на себя государство. Такой подход отвечает мировой практике. По данным Мирового банка, вклад рыночных факторов в раскрытие потенциала энергосбережения не превышает 20%. Это определяется, прежде

всего, ограниченными возможностями рынка, что связано со следующими обстоятельствами:

- Текущая рыночная конъюнктура не отражает долговременные интересы.
- Инвесторы ориентированы в первую очередь на освоение энергетических ресурсов.
- Затраты на охрану и восстановление природной среды при производстве и использовании энергии не входят в ее цену.
- У потребителей энергии не хватает информации и навыков по ее сбережению.
- Энергосбережению не способствует нерациональная финансовая и налоговая политика государства.

В области энергосбережения государству, таким образом, принадлежит широкий набор функций, включающий установление цен на энергию, определение фискальных и иных экономических мер, принятие законов и стандартов, распространение информации, финансирование исследований и разработок и т.п. Первостепенную роль играет материальное стимулирование энергосбережения.

Одним из ключевых средств энергосбережения служат разработка и внедрение соответствующих стандартов эффективности энергии на оборудование, предназначенное для конечного пользователя (включая бытовые электроприборы: осветительные приборы, холодильники, телевизоры, стиральные машины, кондиционеры, электромоторы, вентиляторы, водяные помпы, компрессоры, а также промышленные котлы). Предполагается, что до 2020 г. это позволит сэкономить электроэнергию, равную суммарной выработке 10 электростанций установленной мощностью по 1 млн. кВт каждая. По мнению заместителя директора Энергетического фонда США Ян Фуцяна, внедрение стандартов эффективности жидкого топлива позволит только на нефти сэкономить суммы, равные общим затратам на строительство комплекса Санься.⁷

Одновременно считается необходимым ускорение и углубление **рыночных реформ** в энергетике, которая значительно отстает пока в этом отношении от ряда других отраслей. Именно рыночные реформы в финансовой и налоговой сфере, в области ценообразования, осуществленные после 1992 г., обеспечили значительное повышение эффективности энергии и интенсификацию энергосбережения. До сих пор не полностью либерализованы цены на уголь, в большой мере монополизированными остаются нефтяная, газовая и электроэнергетическая отрасли.

В **электроэнергетике** еще только начато отделение сетевого хозяйства от производства электроэнергии. Как и в других областях, здесь предполагают создать условия для развития конкуренции и поощрить взаимопроникновение различных форм собственности, способствующее формированию смешанной экономики. Предполагается постепенно создать единый общенациональный рынок электроэнергии, стимулировать конкуренцию между производителями и между продавцами электроэнергии с тем, чтобы обеспечить свободу выбора для конечного потребителя. Сетевое хозяйство, включая передающие и распределительные сети, по-прежнему воспринимается как естественная монополия, но первые будут постепенно отделены от вторых.

Ведущей силой в структурном реформировании электроэнергетики, преодолении ее монопольного характера и формировании конкурентного рынка электроэнергии, убеждены китайские эксперты, должно стать правительство. Такие реформы не способна осуществить сама монополия: нереально рассчитывать, чтобы преобразования реализовались теми, чьи интересы в их ходе могут пострадать.⁸

В *нефтегазовой отрасли* предстоит ускорить реформирование механизма ценообразования, сократить прямое вмешательство государства в формирование цен на нефтепродукты и природный газ. Предусматривается положить конец региональным монополиям, покончить с разделом сфер деловой активности трех основных корпораций и тем самым способствовать развитию всесторонней конкуренции. Дальнейшее развитие получит политика открытости с тем, чтобы путем снижения торговых и инвестиционных барьеров постепенно создать для иностранного и частного национального капитала возможность участвовать в разведке, добыче, транспортировке и переработке нефти и продажах (оптовых и розничных) нефтепродуктов. Намечается привлечь негосударственные инвестиции в строительство газопроводов.

Угольная промышленность стоит перед необходимостью реформировать отношения собственности, реорганизовать устаревшую государственную систему сбыта, повысить рентабельность и конкурентоспособность на китайском и мировом рынках. Отрасли предстоит также решать очень большие и сложные задачи в социальной сфере и технике безопасности.

Китайская энергетика страдает от дефицита ассигнований на НИОКР. В 2000 г. они составили 5,7 млрд. юаней (1,8% от аналогичных ассигнований в Японии), что равно 6,43% всех расходов на НИОКР в стране и 0,064% ВВП.⁹ В Японии эти цифры в несколько раз выше. Несовершенен также механизм технических и технологических инноваций. Без коренного улучшения ситуации в этой области реализация целей энергетической стратегии вряд ли возможна.

Топливо-энергетический баланс

Топливо-энергетический баланс во всех трех сценариях упомянутого выше доклада за двадцатилетие должен оптимизироваться: в меньшей степени — при максимальном сценарии и в наибольшей — при сценарии минимальном. Доля угля по максимальному сценарию сократится с 66,7% до 63,2%, а по минимальному — до 59,4%. Удельный вес природного газа по максимальному сценарию возрастет с 2,8% до 6,7%, а по минимальному — до 8,9%. Что касается нефти, то ее доля в любом варианте изменится мало: при максимальном сценарии она увеличится с 25% до 26,7%, а при минимальном — до 25,9%.¹⁰ Соответственно предусматривается, что среднегодовые темпы прироста потребления газа во всех трех сценариях будут существенно выше средних. Предусматривается также строительство гидроэнергетических и ядерных электростанций, расширение использования возобновляемой энергии.

Оптимизация топливо-энергетического баланса Китая продолжит ту тенденцию, которая развивалась в предшествующие десятилетия. С 1990 г. по 2002 г. темпы этого процесса были еще более быстрыми, чем предусмотрено на период до 2020 г.: доля угля снизилась с 76,2% до 66,1%. Эта тенденция ведет к тому, что Китай, наряду с внутренними источниками энергии, все более обращается к мировым ресурсам, одновременно уменьшая ущерб, наносимый природной среде.

Изменится отраслевая структура потребления энергии. Главным потребителем энергии по-прежнему остается промышленность, но ее доля сократится с 72,7% в 2000 г. до 56,7-58,7% в 2020 г. Существенно возрастает удельный вес транспорта (с 11,1% до 16,3-17,1%) и строительства (с 16,2% до 25,0-26,7%).¹¹

Поэтому основное бремя энергосбережения возлагается на промышленность. Как показывает опыт, главный эффект — до 70-80% дает регулирование структуры производства, а остальные 20-30% — снижение энергетических затрат на единицу продукции на основе технического прогресса.

Существенный вклад в энергосбережение могут внести и другие отрасли экономики. В настоящее время средние затраты топлива на 100 км пробега

всех типов автомобилей в Китае в среднем на 20% выше, чем в развитых странах. Эти затраты рассчитывают сократить посредством введения в ближайшее время налога на топливо (эксперты полагают, что доля налога в стоимости бензина и дизельного топлива на ближайшие 3-5 лет должна составлять до 60%) и повышения эффективности его использования. Предусматриваются также совершенствование городских планировок и транспортных сетей, приоритетное строительство автомагистралей. Эти меры, как полагают, позволят сэкономить на транспорте до 2020 г. 87 млн. т нефти, что составляет почти половину от ее сегодняшней добычи.

Не меньшие возможности для экономии энергии имеются и в строительстве. Эта отрасль считается наиболее слабым звеном в стратегии энергосбережения. Китай затрачивает на отопление и кондиционирование зданий в расчете на единицу строительной площади втрое больше энергии, чем страны, расположенные на тех же географических широтах. Экономия топлива здесь может составить 160 млн. т.

Основные источники энергии

Из 1 390 млн. т условного топлива, произведенного в самом Китае в 2002 г., 71% приходится на уголь. Китай потребляет 1 370 млн. т угля, что составляет 27,7% мирового потребления.

Одна из главных проблем, связанных с использованием угля в качестве топлива, состоит в огромном ущербе, наносимом окружающей среде и здоровью населения. По оценкам китайских и зарубежных исследователей, экономические потери от загрязнения атмосферы, составляют от 3 до 7% ВВП.¹² Продукты, образующиеся при сгорании угля, — главный источник загрязнения атмосферы в Китае. Китай потребляет 8-9% мировой энергии, но на его долю приходится 13,5% мировых выбросов углекислого газа и 15,1% - двуокиси серы.¹³

Общие выбросы в атмосферу двуокиси серы, достигают почти 20 млн. т, что ставит Китай по этому показателю на первое место в мире и значительно превосходит способности среды к самоочищению. Загрязнение атмосферы двуокисью серы служит важнейшей причиной кислотных дождей. Эти дожди поражают треть территории страны. В 2000 г. тепловые электростанции, работающие на угле, выбросили в атмосферу 2,9 млн. т окислов азота. Китай подвергается также нарастающему давлению мирового общественного мнения в связи с поступлением в атмосферу больших количеств углекислого газа (второе место в мире после США), что, как полагают, ведет к возникновению парникового эффекта.

Именно эти обстоятельства не в последнюю очередь побуждают разработчиков энергетической стратегии Китая добиваться снижения доли угля в топливно-энергетическом балансе страны. Согласно расчетам Мирового банка, если Китай не сумеет в предстоящие 20 лет сократить загрязнение атмосферы, то ему придется затратить на лечение болезней, вызываемых продуктами сгорания угля, 390 млрд. долл., что составит 13% ВВП.¹⁴ Даже если будет реализован минимальный сценарий, выбросы продуктов сгорания угля в атмосферу будут далеко превосходить ее способность к самоочищению.

При наличии значительных геологических запасов угля разведаны они недостаточно. На 2000 г. еще не используемые, пригодные для строительства новых шахт экономически обоснованные запасы угля составляли всего 20,3 млрд. т.¹⁵ Этого далеко не достаточно для развития угледобычи в ближайшей перспективе. Подавляющая часть не используемых экономически обоснованных запасов угля сосредоточена в засушливых, безводных, отдаленных районах Центрального и Западного Китая, что создает значительные трудности для освоения, транспортировки и потребления. Предельная годовая добыча уг-

ля в Китае, с учетом наличных водных ресурсов и ущерба, наносимого природной среде, не может превысить 2,8 млрд. т.

При сокращении доли угля в топливно-энергетическом балансе абсолютные объемы потребления угля к 2020 г существенно возрастут: до 2,9 млрд. т по максимальному сценарию и до 2,1 млрд. т по сценарию минимальному. Максимальный сценарий собственными ресурсами, без увеличения импорта, не обеспечен. Производственные мощности ныне действующих и строящихся шахт (с учетом выбывающих) составят к 2020 г. 710 млн. т. Даже если прибавить к ним 350 млн. т мощностей малых угольных разработок, в 2000-2020 гг. понадобится ежегодно дополнительно наращивать производственные мощности не менее чем на 50 млн. т. Но и в этом случае не исключен импорт угля для обеспечения потребностей юго-восточного приморья.¹⁶

В использовании угля в Китае существуют две главные проблемы. Во-первых, очень низка эффективность сжигания угля, и, во-вторых, доля непосредственного сжигания слишком велика. Путем обогащения угля можно понизить его зольность на 50-80% и удалить до 30-40% серы. А посредством дальнейшей очистки дымов можно устранить до 90% серы. Однако в 1999 г. в Китае обогащалось только 29% всего добываемого угля (в ФРГ — 95%, Великобритании — 75%, США — 55%), причем подвергается обогащению, главным образом, уголь, идущий на экспорт, уголь же, используемый на энергетические цели, обработки почти не проходит.

Согласно прогнозам, потребление нефти к 2020 г. увеличится в 2-2,6 раза по сравнению с 2000 г., но добыча ее ввиду ограниченности ресурсов существенно не возрастет. Она составит к этому сроку примерно 180-200 млн. т, а затем начнет плавно сокращаться. Потребление же нефти достигнет, как минимум, 450 млн. т (по максимальному сценарию — до 610 млн. т), что увеличит зависимость Китая от импорта нефти до 55% (по максимальному прогнозу — до 76,9%).¹⁷ Это примерно соответствует нынешнему уровню внешней зависимости США (58%). При сохранении определенного экспорта сырой нефти общая потребность в ней составит в 2005 г. 252 млн. т, в 2010 г. — 302 млн. т. Предполагается, что импорт нефти соответственно будет равен 90 и 135 млн. т.¹⁸ Однако уже в 2003 г. импорт нефти и нефтепродуктов превысил 100 млн. т, увеличившись по сравнению с предыдущим годом сразу более чем на 30 млн.т.¹⁹

Рост импортируемой нефти будет сопровождаться созданием 15 крупных баз нефтепереработки (мощностью по 10 млн. т сырой нефти каждая), главным образом, на юго-восточном побережье и вдоль Янцзы, одновременно с закрытием мелких предприятий (мощностью до 1 млн. т), строительством глубоководных портов в Фуцзяни и Чжэцзяне (район Нинбо), сооружением трубопроводов для транспортировки нефти в Шанхай и Нанкин, а в случае необходимости и магистральных нефтепроводов для поставок нефти во внутренние районы на дальние расстояния.²⁰ Укрупнение нефтеперерабатывающих предприятий (средняя их мощность в Китае сегодня составляет 2 млн. т, в мире — 5,5 млн. т) имеет целью улучшить технико-экономические показатели нефтепереработки, в частности увеличить выход легких фракций (до 75% к 2010 г., сегодня в Китае — 66,7%, в Азиатском регионе в целом — 80%) и повысить возможности переработки сернистой нефти (примерно до 35% к 2010 г.).²¹

В Китае не будет допущено строительство нефтеперерабатывающих предприятий с чисто иностранным капиталом. Что же касается предприятий со смешанным капиталом, то оно станет возможным при сохранении контрольного пакета за китайской стороной. Мощность каждого из вновь строящихся предприятий должна быть не менее 8 млн. т. Не будет поощряться создание иностранным капиталом систем сбыта нефтепродуктов, включая автозаправоч-

ные станции. Строительство предприятий со смешанным капиталом в этой области также допускается при контроле китайской стороны.

По мере быстрого увеличения числа автомобилей в китайских городах и на скоростных трассах (в конце 2002 г. в Китае насчитывалось 20 млн. единиц автомобильной техники) все более неотложной становится необходимость наряду с экономией автомобильного топлива добиваться снижения его вредности для окружающей среды. Сегодня две трети китайских городов по качеству воздуха не отвечают стандартам, причем половину вредных выбросов в атмосферу дает автомобильный транспорт.²² По оценке Мирового банка от 2001 г., из 20 наиболее пораженных загрязнением городов мира 16 находятся в Китае.

Китай по качеству дизельного топлива и по его стандартам пока далеко отстает от мирового уровня. Экстренное повышение качества топлива, освобождение его от вредных примесей особенно актуальны и в связи с предстоящим открытием китайского рынка нефти и нефтепродуктов для внешних производителей в соответствии с китайскими обязательствами перед ВТО. В противном случае китайская нефтеперерабатывающая промышленность потеряет часть рынка.

Существенный прирост извлекаемых запасов нефти в Китае способна, как полагают, обеспечить разведка морского шельфа. Однако освоение этих запасов тормозится нерешенностью ряда территориальных конфликтов и недостаточными, в связи с этим, шансами на кооперацию Китая с некоторыми ближайшими соседями, которые могли бы стать компаньонами в освоении новых источников нефти, вместо того, чтобы выступать как конкуренты на мировых рынках нефти. В Восточно-Китайском море таким препятствием к сотрудничеству служит спор с Японией по поводу государственной принадлежности острова Дяоюйдао, близ которого обнаружены признаки нефти. В Южно-Китайском море нефтяными ресурсами располагает акватория архипелага Наньша (Спратли), на обладание которым претендуют Вьетнам, Филиппины, Малайзия, не считая Тайваня.

Освоение морских ресурсов нефти, как полагают некоторые китайские эксперты, сдерживают также недостаточные возможности трех нефтяных корпораций Китая, в особенности Китайской морской нефтяной корпорации, которая в силу своих скромных масштабов не в состоянии взять на себя полностью выполнение задач по разведке и освоению нефтяных ресурсов китайского шельфа.

Наращивание потребления **природного газа** имеет первостепенное значение для постепенного уменьшения роли угля как важнейшего источника энергии в стране. Правда, такую роль природный газ может сыграть только в том случае, если он станет в достаточной мере конкурентоспособным. В настоящее время формированию рынка газа в Китае мешают слишком высокие цены на газ.

Предусматривается, что потребление природного газа в период 2000-2020 гг. будет увеличиваться в среднем примерно на 9% в год, в основном за счет внутренних источников и в меньшей степени — за счет импорта. К 2020 г. оно достигнет 160 млрд. куб. м, в т.ч. импорт составит 50-60 млрд. куб. м. Предполагается, что разведанные запасы природного газа достигнут к 2010 г. — 4,9 трлн. и к 2020 г. — 7,5 трлн. куб. м. Отечественная добыча газа возрастет в 4-5 раз.²³ Одновременно для расширения импорта понадобится строительство крупных газопроводов и иных базовых сооружений

В настоящее время по степени освоенности **гидроэнергетических ресурсов** Китай уступает Индии, Вьетнаму, Бразилии и ряду других развивающихся стран (80-е место в мире). Относительно медленное развитие ГЭС по сравнению с ТЭС за первые два десятилетия реформ было связано с рядом обстоятельств.²⁴

- Поскольку сроки строительства ГЭС вдвое больше, чем равных по мощности ТЭС, они бы не смогли своевременно покрывать быстро нараставшие потребности китайской экономики в электроэнергии.
- Ограниченность инвестиционных ресурсов побуждала китайское правительство делать выбор в пользу ТЭС, требовавших на 1 млн. кВт установленной мощности на 50-60% меньше капиталовложений.
- Сроки поставок электроэнергии ГЭС и инвестиционные затраты дополнительно возрастают в связи с необходимостью строить протяженные линии электропередач и решать сложные задачи по переселению, судостроению, предотвращению заиливания водохранилищ и др.

К концу 90-х годов прошлого века ситуация стала меняться. Значительно возросли финансовые ресурсы государства, и одновременно изменилась структура спроса и предложения электроэнергии. Мощности ТЭС в развитых восточных районах страны существенно увеличились, что, в свою очередь, привело к сильному загрязнению атмосферы и вместе с тем не давало возможности покрывать пиковые нагрузки. Все это обусловило решение развернуть гидроэнергетическое строительство в западных регионах страны.

В 2020 г. общие мощности по производству электроэнергии достигнут 860-950 млн. кВт (в 2003 г. — 350 млн. кВт). Удельный вес ГЭС в суммарной выработке электроэнергии повысится с 15,4% до 19-22%, что требует в среднем ежегодно вводить в строй на ГЭС по 6,4-9 млн. кВт генерирующих мощностей из общего количества ежегодно вводимых 29-33 млн. кВт. При этом гидроэнергетические ресурсы восточной части страны будут практически исчерпаны, а на западе, где их использование значительно затруднено и связано с большими затратами, освоены лишь на 8%.²⁵

Строительство новых *ядерных электростанций*, начатое в 1997 г., было на шесть лет заморожено, а затем возобновлено в 2003 г., когда правительство утвердило проект сооружения четырех станций мощностью по 1 млн. кВт каждая общей стоимостью в 6 млрд. долл. в Чжэцзяне и Гуандуне.²⁶ Установленные мощности на уже построенных и строящихся ядерных электростанциях в 2003 г. составляли 8,7 млн. кВт. К 2020 г. они достигнут 40 млн. кВт, а их доля в выработке электроэнергии повысится с 1,2% до 7%.²⁷

Это означает, что будет сооружено не менее 30 новых ядерных электростанций мощностью по 1 млн. кВт каждая. В ближайшие годы планируется построить ядерные электростанции в приморских районах, прилегающих к Шанхаю, суммарной мощностью в 13 млн. кВт. К 2010 г., когда они вступят в строй, может быть смягчена нехватка электроэнергии в дельте Янцзы и во всем Восточном Китае.²⁸ Планы строительства ядерных электростанций имеются также в Хунани, Сычуани и Гуандуне.

Потребление *возобновляемой энергии* в 2000 г. составляло 256 млн. т условного топлива, или 19,7% всего первичного потребления энергии. Использование этих источников тормозится высокой себестоимостью производимой с их помощью электроэнергии, которая, если не считать малых ГЭС, значительно превосходит себестоимость электроэнергии, вырабатываемой на традиционных энергоносителях. Отсюда вытекает ограниченность рынка, что, в свою очередь, мешает снижению себестоимости, создавая своего рода порочный круг.

По прогнозам, потребление возобновляемой энергии увеличится к 2020 г. до 525 млн. т, т.е. примерно в 2 раза по сравнению с 2000 г.²⁹ Ресурсы позволяют довести ежегодное потребление новых и возобновляемых видов энергии до 7,3 млрд. т условного топлива. Установленные мощности генерирующего оборудования на источниках возобновляемой энергии к 2020 г. составят

100 млн. кВт, в т.ч. на малых ГЭС — 70 млн. кВт, на ветряных электростанциях — 20 млн. кВт, на биологических энергоустановках — 5 млн. кВт.

Для реализации этих прогнозов нужна основательная поддержка государства, направленная на материальное стимулирование использования возобновляемой энергии, обеспечение его научно-технической базы, а также на принудительное формирование рынка и запуск механизма рыночной конкуренции.

Энергетическая безопасность

В свете сказанного выше понятно, почему обеспечение энергетической безопасности, которая в Китае является синонимом *нефтяной безопасности*, становится задачей первоочередной важности. Эта задача формулируется как “гарантированное по количеству и ценам удовлетворение потребностей устойчивого социально-экономического развития в нефти”.³⁰ Нарушение нефтяной безопасности вследствие внезапных перерывов в поставках или дефицита нефти и скачка цен способно причинить экономике страны серьезный ущерб.

Ослабить остроту проблемы может комплекс мер, который включает, во-первых, ускорение разработки и освоения отечественных ресурсов нефти и газа, во-вторых, увеличение извлекаемости нефти и использование замещающих видов топлива и технологий, в-третьих, максимальное включение в структуры международной кооперации, в-четвертых, постепенное создание и совершенствование страховых запасов нефти и систем предупреждения.

- Государство с помощью ряда мер стремится активизировать участие крупных нефтяных компаний в финансировании поисковых и разведывательных работ.
- Извлекаемость нефти из нефтяных скважин в Китае в настоящее время составляет 34%, передовые технологии добычи нефти позволяют поднять этот показатель до 50%. Предполагается, что к 2020 г. производство ИЖТ из угля может достичь 160 млн. т, что потребует 145 млрд. юаней инвестиционных вложений.³¹
- Считается, что Китай должен, опираясь на сложившуюся структуру мировых нефтяных интересов, развернуть свою “энергетическую дипломатию”, принимать активное участие в глобальных и региональных организациях по кооперации в области энергетики, стать деятельным игроком на текущих и фьючерсных рынках, добиваясь ощутимого права голоса при определении цен на нефть и благоприятных правил игры.

Особо следует остановиться на проблеме создания стратегических резервов нефти. Эта задача была поставлена в текущем 10-м пятилетнем плане (2001-2005). Стратегические резервы нефти создаются не для того, чтобы покрывать любой временный дефицит или справляться с колебаниями цен на мировом рынке. Их задача — помочь стране выстоять в случае серьезных политических и военных кризисов “Откровенно говоря, стратегические резервы нефти — это оборонительная сила устрашения. Как и ядерное оружие, они могут никогда не быть использованы, но ими нельзя не обладать”.³²

До последнего времени стратегические резервы нефти в Китае практически отсутствовали. Недостаточны были также переходящие запасы на нефтедобывающих и нефтехимических предприятиях и в торговых организациях, что не позволяло смягчать влияние на китайскую экономику резких изменений в мировой конъюнктуре. Каждый скачок мировых цен на нефть, начиная с 1990-х годов, немедленно вызывал потрясение на внутреннем нефтяном рынке и негативно отражался на стабильности экономического роста в Китае.

Эксперты полагают, что обеспечение нефтяной, государственной и экономической безопасности Китаю требует создания страховых резервов объемом примерно в 35 млн. т.³³ Мероприятие это чрезвычайно дорогое. Считается, что на создание начальных резервов объемом в 8 млн. т потребуется, по меньшей мере, 20 млрд. юаней.³⁴

Реализация указанных планов требует не только единого проектирования и адекватного территориального размещения нефтехранилищ, но и, что еще более важно, создания единой системы учета нефтяных резервов, а также разработки и принятия законов и распоряжений, которые бы обеспечили достижение ожидаемого эффекта при использовании стратегических и страховых резервов. Кроме того, предлагается планомерно и выборочно создавать естественные подземные хранилища нефти, т.е. оставлять в некоторых крупных скважинах часть запасов с тем, чтобы использовать остаток в экстренной ситуации.

Однако ни один из предлагаемых путей укрепления нефтяной безопасности Китая, ни все они вместе при заданных параметрах экономического роста и прогнозируемом характере его источников не в состоянии предотвратить увеличение зависимости Китая от мировых рынков нефти и, соответственно, от возрастающего влияния мировой конъюнктуры на экономику страны. С тех пор как Китай в 1993 г. стал чистым импортером нефти, импорт нефти и нефтепродуктов из года в год растет. Ранее предполагалось, что по этому показателю он обойдет Японию и выйдет на второе место после США к 2020 г., но фактически это может произойти уже в 2004 г., когда импорт нефти в Китай достигнет 120 млн.т.³⁵

Высокие мировые цены на нефть стимулируют повышение внутренних цен на нефтепродукты в Китае. Особенно наглядно это проявилось в обостренной ситуации со снабжением нефтепродуктами, возникшем в ноябре истекшего года. Чтобы не допустить возникновения дефицита в Пекине, Шанхае, Гуандуне, две крупнейших нефтяных корпорации Китая пошли на существенное повышение цен.³⁶ Если этот процесс приобретет достаточную устойчивость, он может подтолкнуть развитие инфляции, признаки которой наблюдаются уже сегодня.

Оценивая состояние и тенденции развития глобальной конъюнктуры, китайские эксперты приходят к выводу, что в ближайшие два или три десятилетия для потребителей и экспортеров нефти она будет относительно безопасной. Обстановка в начале 21-го века отличается от кризисной обстановки 70-х и 80-х годов, по меньшей мере, в трех важных отношениях.³⁷

- Нефть в большой мере перестала играть роль оружия в межгосударственной политической борьбе. Уменьшается ее значение как стратегического ресурса и все более возрастает ее свойство как товара, важного для социально-экономического развития человечества. Циркуляция нефти все более явно определяется закономерностями рыночной экономики.
- Вряд ли возможно повторение той ситуации, при которой импортирующие нефть страны Запада или экспортирующие ее страны ОПЕК пытались односторонне контролировать мировые рынки нефти и цены на нефть. Сторонам присущи не только противоположные, но и совместные интересы.
- Волна приватизации нефтяной промышленности в той или иной степени захватывает как экспортирующие, так и импортирующие нефть страны на всех континентах. Быстро растет могущество крупных ТНК, которые вместе с финансовыми группами стали главной силой, контролирующей мировые нефтяные рынки. Эта тенденция все более нарастает по мере глобализации экономик.

Однако энергетическая стратегия Китая выстраивается на более далекую перспективу, а она выглядит не столь безоблачной. Как полагают китайские эксперты, угроза временных и частичных перебоев в международных поставках нефти может обостриться. Опасность для стабильности поставок могут создать "враждебные силы".³⁸ Возможны значительные краткосрочные колебания цен, которые в состоянии повлиять на темпы роста ВВП и на прибыльность нефтяной индустрии в Китае.³⁹

Серьезную обеспокоенность экспертов по обеспечению энергетической безопасности в Китае вызывает слабая диверсификация источников импорта нефти. Сегодня более 60% ввоза нефти обеспечиваются поставками из 5 стран Ближнего Востока и Африки. К 2010 г. доля этого региона может возрасти до 80%.⁴⁰ Опасения усугубляет подверженность этого района вооруженным конфликтам. Поэтому Китай стремится выйти из ситуации, когда ему приходится складывать все яйца в одну корзину.

- Наиболее перспективным партнером многие эксперты в Китае считают Россию. Приоритетность России определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, взаимодополняемостью интересов: России нужно осваивать нефтегазовые ресурсы Сибири и Дальнего Востока, а Китай нуждается в диверсификации источников энергии. Во-вторых, территориальной близостью, которая определяет поставки высококачественных ресурсов по оптимальным ценам.⁴¹
- На втором месте стоит развитие сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии, прежде всего — с Индонезией и Малайзией.
- На третьем месте — кооперация с Африкой, которая в ближайшие годы способна быстро наращивать добычу нефти.

Серьезным поводом для беспокойства служит то обстоятельство, что лишь небольшая часть морских перевозок нефти в Китай осуществляется китайскими судами. В 2002 г. из 69,4 млн. т ввезенной в Китай нефти, 64,5 млн. было доставлено морем, в т.ч. только около 7 млн. т — на китайских судах. Та же ситуация повторилась и в 2003 г., когда импорт нефти достиг 100 млн. т. 90% его обеспечили морские перевозки, где доля китайских судов не превысила 10%, а на маршрутах из Ближнего Востока и Западной Африки и того меньше.⁴²

В настоящее время грузоподъемность китайских танкеров составляет 6 млн. т, или всего 2,6% грузоподъемности мирового танкерного флота, причем значительную их часть составляют небольшие и старые суда. Ставится задача к 2005 г. построить крупные океанские суда, способные перевезти до 50 млн. т, к 2010 г. — до 75 млн.т, а к 2020 г. — до 130 млн. т нефти. Однако многие эксперты сомневаются в выполнимости этой задачи, учитывая длительность срока строительства таких судов, отсутствие свободных производственных мощностей на основных китайских судостроительных верфях и очень высокий объем потребных инвестиций.⁴³

Важным составным элементом стратегии обеспечения нефтяной безопасности для Китая служит политика "выхода за пределы" (цзоучуцзюй), под которой понимается, в частности, участие в освоении зарубежных нефтяных месторождений с помощью китайских технологий и китайского капитала. Эта политика обращена, в первую очередь, на прилегающие к территории Китая страны. "Россия, Казахстан и центрально-азиатские государства обладают богатыми нефтегазовыми ресурсами, являясь дружественно настроенными соседями и обладающей относительной политической стабильностью, поэтому, с точки зрения долгосрочной перспективы, центр тяжести должен находиться здесь"⁴⁴

У Китая есть контракты с зарубежными странами на раздел продукции, доленое участие в строительстве объектов и инвестиции. Зарубежная до-

быча нефти Китайской нефтегазовой корпорацией достигает 19 млн. т, в т. ч. по соглашениям о разделе продукции — 9 млн.т.⁴⁵ Эта корпорация заключила более двух десятков контрактов в 12 странах на четырех континентах на разведку и освоение месторождений, строительство трубопроводов, нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий. Китайская морская нефтяная корпорация в 2002 г. вложила 1,2 млрд. долл. в покупку трех нефтегазовых месторождений в Австралии и Индонезии. Аналогичную деятельность ведет и Китайская нефтехимическая корпорация.

Между китайскими нефтяными корпорациями существует определенное территориальное размежевание интересов. Китайская нефтегазовая корпорация действует на трех главных стратегических направлениях: в Северной Африке с опорой на Судан, в Центральной Азии и России с опорой на Казахстан и в Южной Америке с опорой на Венесуэлу.⁴⁶ Ближний Восток, по-видимому, до сих пор не привлекал существенные инвестиционные вливания этой корпорации. Этот регион значительно больше привлекает инвестиции Китайской нефтехимической корпорации, которая одновременно является и главным китайским импортером нефти (до 80% всего объема импорта нефти). В 2003 г. ей удалось осуществить прорыв на иранский рынок, а в начале 2004 г. получить контракт на разработку крупнейших газовых месторождений в южной части Саудовской Аравии, что вызвало серьезное недовольство в США и попытки вытеснить китайскую компанию из этого региона.

Главным препятствием для осуществления политики “выхода за пределы” китайские эксперты считают западные монополии, контролирующие при поддержке своих правительств мировые рынки нефтегазовых ресурсов и почти полностью захватившие лучшие из них. Вне сферы их контроля остались, по мнению экспертов, лишь три категории месторождений. Во-первых, отброшенные за ненадобностью после эксплуатации. Во-вторых, расположенные в зоне военных конфликтов и повышенного риска. В-третьих, находящиеся на территории бывшего Советского Союза, в силу чего их еще не успели полностью захватить. “Западные монополии, используя свой капитал и технологические преимущества, ведут активную борьбу за рынки нефтяных ресурсов государств бывшего Советского Союза, окружающих нашу территорию, создавая тем самым силовое давление”.⁴⁷

Некоторые китайские специалисты склонны считать американо-китайское соперничество в нефтяной сфере частью более широкого политического и экономического противоборства этих двух стран на мировой арене. Так, директор Центра стратегических исследований глобальных ресурсов Геологической академии Ван Аньцзянь, комментируя складывающуюся ситуацию, заявляет: “Глубинные причины этих событий состоят в том, что Китай и США соперничают во многих областях, и вполне понятно, что американцы стремятся подавить Китай. Так обстоит дело не только в области энергии, но и в политике, военном деле, экономике, дипломатии. Я полагаю, что нашим верхам нужно определенно подготовиться к этой проблеме”.⁴⁸ В понятие “подготовки” входит, очевидно, ужесточение позиций по доступу к источникам энергии.

Курс на “выход за пределы” китайские нефтяные корпорации взяли еще в 70-х годах прошлого века. Тогда он был направлен на Африку, которая не пользовалась еще достаточным вниманием нефтяных гигантов Запада, и на Южную Америку. Но в начале XXI века интерес западных нефтяных корпораций к Африке значительно усилился, что обострило конкуренцию с не успевшими еще в достаточной мере там закрепиться китайскими компаниями. Новым полем конкурентной борьбы здесь может стать Ливия.

В своем стремлении диверсифицировать источники поставок нефти Китай сталкивается не только с США, но и с Японией. Именно в этом контексте

Китай воспринимает противопоставление разных трасс нефтепровода из Ангарска. Китайцы подозревают, что японцы, возможно, также причастны к возникновению новых трудностей в китайско-российско-корейских переговорах о транспортировке газа с Ковыктинского месторождения.⁴⁹

Очередным свидетельством обострения японо-китайской конкуренции стало сокращение экспортных поставок сырой нефти из Дацина в Японию одновременно с повышением цены за баррель. И в данном случае такая конкуренция вплетается в общий контекст японо-китайских экономических, политических и дипломатических отношений. "С точки зрения обеих сторон, символический смысл здесь превышал смысл действительный, — подчеркивает один из ведущих научных сотрудников Энергетического института Комитета развития и реформ при Госсовете КНР. — За последние два года между Китаем и Японией развернулась ожесточенная борьба за нефть, в центре которой находится нефтепровод из России. Прекращение экспорта из Дацина в Японию имеет сильную символическую окраску. В будущем стратегическая конкуренция этих двух стран будет только нарастать, а не ослабевать".⁵⁰ Это предсказание подкрепляется и японо-китайским противоборством в Иране и Индонезии.

Одновременно в китайской печати, особенно связанной не столько с политикой, сколько с бизнесом, высказываются предложения начать с японской стороной консультации по энергетическим вопросам, сесть за стол переговоров. Китай и Япония как крупнейшие покупатели энергоносителей на мировом рынке могли бы, согласно таким предложениям, совместными усилиями способствовать стабилизации системы цен. Это представляется особенно важным потому, что какое направление бы ни было избрано для нефтепровода из России, большая зависимость Китая и Японии от ближневосточной нефти сохранится. Отсюда делается вывод, что в деле обеспечения безопасной транспортировки нефти с Ближнего Востока Китай и Япония неразделимы, как "губы и зубы", и что у них сохраняется большой простор для кооперации.⁵¹

Соображения о потенциальной возможности китайско-японского сотрудничества в поддержании энергетической безопасности корреспондируют со звучащими в стране достаточно трезвыми оценками военно-политических возможностей Китая самостоятельно защищать эту безопасность в случае возникновения серьезных международных конфликтов. "В настоящее время военно-морской флот Китая еще не в состоянии обеспечить безопасность морских путей транспортировки энергии. Чрезмерная зависимость от ближневосточной и африканской нефти и единообразие морской транспортировки делают слабость нефтяного импорта в Китай достаточно очевидной. При возникновении особой ситуации, возможно, не останется никакой возможности гарантировать нормальный импорт нефти, и жизни народа, функционированию экономики и обороне страны будет нанесен серьезный урон".⁵² При этом неспособность Китая, в отличие от стран Запада, опереться на собственные военно-морские силы для защиты поставок нефти многие эксперты считают фундаментальной, не поддающейся изменению в обозримом будущем.⁵³

Однако если Китай, действительно примет решение о необходимости китайско-японской кооперации в деле обеспечения своей энергетической безопасности, ему придется основательно пересмотреть весь комплекс своих подходов к современной внешней политике и военной доктрине Японии, включая и неизменный тезис об угрозе возрождения японского милитаризма. Так или иначе, приведенные выше высказывания можно считать определенными признаками прощупывания почвы для возможного движения в данном направлении.

Осмысление новых подходов к обеспечению энергетической (сиречь — нефтяной) безопасности закономерно совпадает с активизацией международной экспансии китайского капитала в этой области (т.е. "политики "выхода за

пределы"). Еще несколько лет назад в Китае стали раздаваться голоса специалистов, которые настаивали на том, что "в поисках стратегии нефтяной безопасности нужно делать упор на новых соображениях, предполагающих переход от пассивных оборонительных систем к активным системам инициативного удара" и одновременно призывали "смело и широкомасштабно включаться в инвестиционную конкуренцию в тех зарубежных регионах, где нефтегазовые перспективы наиболее велики".⁵⁴

Сторонники новых взглядов исходят из признания серьезной недостаточности дипломатических и военных мер, предпринимаемых Китаем для защиты своих нефтяных интересов за рубежом в условиях растущего дефицита нефти, особенно высококачественной, и увеличивающейся зависимости страны от нефтяного импорта. Они выступают за поступательное усиление этих мер, в т.ч. за расширение международного сотрудничества, прежде всего — с бедными энергоресурсами странами Северо-Восточной Азии, как в сфере безопасности, так и путем реализации совместных инвестиционных проектов, и за строительство собственного военно-морского и торгового флота.

Вместе с тем важнейшими средствами для сохранения энергетической безопасности Китая считаются сдерживание энергопотребления до максимально возможных пределов, минимизация внешней зависимости Китая, диверсификация источников импорта и расширение использования новых и возобновляемых источников энергии.

Заключение

Понимание сущности энергетической стратегии Китая, ее базисных связей с общей программой развития страны и ее составляющими, включая принципы и направления внутренней и внешней политики китайского руководства, насущно необходимо, чтобы верно судить о состоянии и перспективах отношений Китая с его основными партнерами на международной арене. Без такого понимания вряд ли возможно точно выстраивать и российско-китайское стратегическое партнерство.

Как отмечено выше, китайским экспертам Россия представляется первоочередным партнером в реализации китайской энергетической, в первую очередь — нефтегазовой стратегии. Важно отметить, что такой вывод базируется на широком понимании как китайских, так и российских национальных интересов, а не исходит только из представлений о чисто коммерческой выгоде (хотя и последняя, разумеется, тоже не исключается из расчетов).

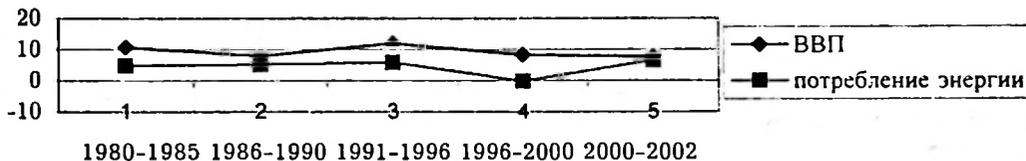
Представляется, что было бы весьма полезно рассмотреть сегодняшнее состояние и будущее сотрудничества Китая и России в энергетической сфере и во всех смежных областях также и с российских позиций, в ракурсе национальных и глобальных интересов России. Правда, задача эта весьма сложна. Нельзя не признать, что у Китая сегодня по ряду причин для такого анализа имеются значительно лучшие возможности, чем у России.

Главное преимущество Китая состоит в том, что, в отличие от России, он не только достаточно четко определил приоритеты в широком спектре своих национальных интересов, но и умеет эти приоритеты к тому же достаточно настойчиво и последовательно реализовывать. К тому же Китай сумел организовать проработку своей стратегии, включая энергетическую, привлекая для этой цели широкий круг отечественных и зарубежных экспертов, проводя многократные международные форумы для обсуждения основных положений этой стратегии и широко публикуя их результаты в открытой печати. Всего этого трудно ожидать в России, по крайней мере, в схожих масштабах.

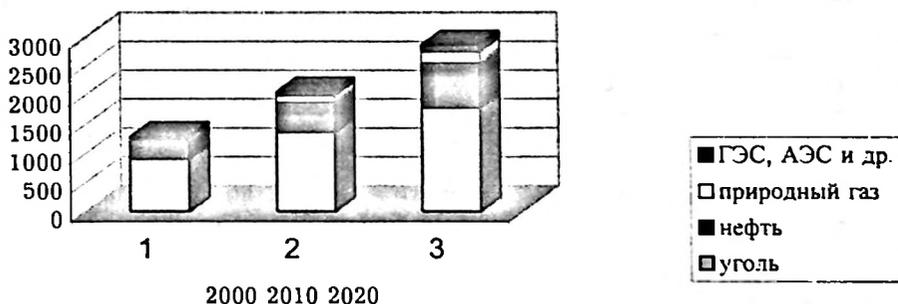
Тем не менее, даже с учетом этих неизбежных ограничений, комплексное и широкое рассмотрение места и функций энергетической стратегии Рос-

сии в ее внутренней и глобальной политике, с первостепенным учетом китайского фактора, может быть достаточно продуктивным. Представляется, что выработка некоторых общих подходов, подобных тем, которыми пользуется Китай, могла бы содействовать решению многих конкретных вопросов.

Среднегодовые темпы роста ВВП и потребления энергии в Китае по пятилеткам

Потребление энергии в Китае в 2000-2020 гг. Сценарий Б
(млн. т условного топлива)

1. Фэн Фэй. Чжунго нэнъюань чжаньлюэ яо шисянь чжуаньсин [Энергетическая стратегия Китая должна быть преобразована] // Чжунго цзинци шибао. 2003. 17 ноября.
2. Руководитель группы — Чэнь Цинтай, заместитель директора Центра исследований развития при Госсовете КНР, авторы доклада — Фэн Фэй, Чжоу Фэнци, Ван Цингь.
3. Дянь хуан мэйхуан юван нэнъюань: шуй лай гуньин Чжунго? [Электрический голод, угольный голод, нефтяной голод. Кто снабдит Китай?] // Чжунго цзинци чжюкань 2003. 23 декабря.
4. Там же.
5. Там же.
6. Чэнь Цинтай. Чжунго ды нэнъюань чжаньлюэ хэ чжэнцэ [Энергетическая стратегия и политика Китая] // Чжунго цзинци шибао. 2003. 17 ноября.
7. Юн ди чэнбэн цэлюе хуаньцэ Чжунго нэнъюань пинцин [Тактикой низкой стоимости выйти из энергетических затруднений Китая] // Чжунго цзинци шибао. 2003. 17 ноября.
8. Юй Яньшань. Цзякуай дяньли тичжи гайгэ чжэн дан ци ши [Время для ускорения структурных реформ в электроэнергетике назрело] // Чжунго цзинци шибао. 2004. 3 февраля.
9. Ма Чи, Гао Чанлинь, Люй Юнбо. Нэнъюань яньфа чжэнцэ яньцэю [Исследование политики НИОКР в энергетике] // Чжунго цзинци шибао. 2003. 17 ноября.

10. Гоцзя нэнъюань чжаньлюэ ды цзибэнь гоусян [Основные соображения об энергетической стратегии государства] // Жэньминь ван. 2003. 17 ноября.
11. Там же.
12. Цзинь Лэй. Цун нэнъюань дуаньцюе шо чэншихуа ды бухэ цзеинь [Диссонансы урбанизации с позиций дефицита энергии] // Шичен бао. 2004. 30 января.
13. Сюэ Гохун, Юань Голинь. Жэньши гоцин чжэнцюе чжидин Чжунго нэнъюань фацжань чжаньлюэ [Познавать положение страны, правильно определять стратегию развития энергетики в Китае] <http://shp.com.cn/zhwx/showcontent.asp?idh=3760>
14. Чжоу Юаньчунь. Чжунго нэнъюань чжаньлюэ чжисян 2020 [Энергетическая стратегия Китая направлена на 2020 г.] <http://www.environmentinfo.org.cn/Energy/f120426.htm>.
15. Чжан Жунли дэн. Мэйтань гунъе сетяо вэньдин фацжань юй кайфа цзяньшэ бу цзюй яньцю. [Исследование сбалансированного, устойчивого развития угольной промышленности и размещения освесения и развития] // Чжунго мэйтань. 2003. N 4.
16. Гоцзя нэнъюань чжаньлюэ...
17. Там же.
18. Ян Шанмин. Нэнъюань сяофэй шихуа шичан цзян чэнвэй чжунсинь [Нефтехимический рынок станет центром энергопотребления] // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 ноября.
19. Цзинцзи жибао. 2004. 6 февраля.
20. Тяочжэн лянью буцзюй кочжан инсяо ванло [Урегулировать размещение нефтепереработки, расширять сеть поставок] // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 ноября.
21. Ян Шанмин. Указ. соч.
22. Хэ Кэбинь Чжунго жанью чжилян цзи дай шэнцзи [Качество моторного топлива в Китае необходимо повысить] // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 ноября.
23. Гоцзя нэнъюань чжаньлюэ...
24. Сюэ Гохун, Юань Голинь. Указ. соч.
25. Гоцзя нэнъюань чжаньлюэ...
26. Чэнь Тин. Чжунго сы цзо хэ дянчжань наньчань чжи ми [Загадка производственных трудностей четырех ядерных электростанций Китая] // 21 шицзи цзинцзи дао-бао. 2003. 28 августа.
27. Гоцзя нэнъюань чжаньлюэ ... По другим данным, до 32 млн. кВт // Чэнь Тин...; и 36 млн. кВт. // Синь цзин бао. 2004. 14 января.
28. Синь цзин бао. 2004. 14 января.
29. Чжоу Юаньчунь. Указ. соч.
30. Фэн Фэй. Указ. соч.
31. Замена сколько-нибудь значительных количеств нефти на ИЖТ представляется мало реальной. Один из основных авторов доклада по энергетической стратегии Китая Фэн Фэй весьма пессимистически оценивает ее перспективы // Дянь хуан...
32. Чэнь Хуай Чжунго бу цюе дуйцэ шицзе бу цюе ю [У Китая нет дефицита противодействия, в мире нет дефицита нефти]. Интервью заместителя директора Института рыночной экономики Центра исследований развития при Госсовете КНР Чэнь Хуай корреспонденту Financial Times // Жэньминь ван. 2003. 27 января.
33. Лю Лифань. 2003.09: Гуаньюй Чжунго шию аньцюань чжаньлюэ ды сыкао [Сентябрь 2003 г. Размышления о стратегии нефтяной безопасности Китая] www.stats.gov.cn/tjshujia/zggqgl/1200309110150.html. В 2000 г. нефтяные резервы в мире составляли 5,9 млрд. баррелей, или 800 млн.т, что соответствовало 90-дневному мировому потреблению, в т.ч. стратегические резервы -1,3 млрд. баррелей. США располагали резервами на 158 дней, Япония — на 161 день, ФРГ — 127 дней, Корея — на 74 дня. У Китая стратегических резервов нефти практически не было // Чжунго шию аньцюань: личжи индуй [Нефтяная безопасность Китая: не терпит пренебрежения, требует разумной адекватности] // Цзинцзи жибао. 2003. 19 ноября.
34. Там же.
35. Синьхуа шэ. 2004 г. 31 марта.
36. Внутренние цены на нефтепродукты в Китае устанавливает государство исходя из цен в Сингапуре, Нью-Йорке и Роттердаме, при этом реакция на рыночную конъюнктуру часто запаздывает. Китайская нефтегазовая корпорация была выделена в 1998 г. из состава бывшего Министерства нефтяной промышленности. С тех пор она составляет самостоятельную по отношению к Китайской нефтехимической корпора-

- ции структуру, куда вошли другие подразделения. Эти два гиганта обладают монополией на распоряжение и оптовую торговлю всеми нефтепродуктами, кроме того, им принадлежат все вновь построенные автозаправочные станции.
37. Чжунго юци цзыюань хэ аньцюань дуйцэ [Нефтегазовые ресурсы Китая и меры безопасности] // Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 14 ноября.
 38. Фэн Фэй. Указ. соч.
 39. Изменение мировых цен на нефть на 1 доллар обходится китайскому импорту в 4,6 млрд. юаней и непосредственно составляет 0,043% ВВП // Чжунго шию аньцюань...
 40. Чжоу Юаньчунь. Указ. соч.
 41. Считается, что стоимость российского газа в Пекине не превысит 1 юаня за один кубометр, что ниже стоимости природного газа, поставляемого отечественными производителями, и ниже стоимости импортного сжиженного газа и импортных нефтепродуктов // Лю Лифань. Указ. соч.
 42. Цзинцзи цанькао бао. 2004. 5 апреля.
 43. Там же.
 44. Ся Ишань. Чжунго нэнъюань синши цзи ци фачжань чжаньлюэ. [Ситуация в энергетике Китая и стратегия ее развития] // Жэньминь жибао. 2004. 1 февраля.
 45. Лю Лифань указ. соч.
 46. 21 шицзи цзинцзи баодао. 2004. 3 февраля.
 47. Ся Ишань. Указ. соч.
 48. 21 шицзи цзинцзи баодао. 2004. 3 февраля.
 49. Хуань цю шибао. 2004. 9 февраля.
 50. 21 шицзи цзинцзи баодао. 2004. 16 января.
 51. Чжунхуа гуншан шибао. 2003. 23 декабря.
 52. Лю Синьхуа, Цинь И. Чжунго ды шию аньцюань цзи ци чжаньлюэ сюаньцзе [Нефтяная безопасность Китая и его стратегический выбор] // Сяндай гоцзи гуаньси. 2002. N 12. С. 27.
 53. Чжан Вэньму. Чжунго нэнъюань аньцюань юй чжэнцэ сюаньцзе [Энергетическая безопасность Китая и выбор курса] // Гоцзи чжэнчжи юй гоцзи гуаньси. 2003. N 5. С. 15
 54. Это высказывание принадлежит заместителю директора Института рыночной экономики Центра исследований развития при Госсовете КНР Чэнь Хуаю. // Юе ган синьси жибао. 2001. 8 октября.

Страны Восточной Азии и степень освоения ими "новой экономики"

© 2004

В. Михеев

Термин "новая экономика", или "экономика знаний", или — как это принято сейчас в международных экономических институтах, в том числе в АТЭС — "экономика, основанная на знаниях (ЭОЗ — КВЕ, Knowledge Based Economy)" — прочно вошел в научный лексикон в 90-е годы прошлого столетия. Именно с развитием высоких технологий, снимающих ресурсные ограничения экономического роста и обеспечивающих экологически "чистое" экономическое развитие, мировые эксперты связывают перспективы развития мировой экономики. ЭОЗ представляется также зоной, наиболее открытой — и, более того, жизненно нуждающейся — в глобальном и региональном взаимодействии стран и корпораций. Применительно к Восточной Азии (ВА), зона "новой экономики" может стать одним из двигателей региональной интеграции в формате восточноазиатского сообщества.

Теоретические аспекты проблемы

Теоретически "экономика знаний" представляет собой новый фактор производства в дополнение к традиционным: средствам труда, предмету труда и самому труду¹. На заре экономического развития "идея", как соединять и использовать факторы производства, носила "всеобщий" характер как и сам научный труд. Была доступна для повторения в силу относительной легкости овладения ею. И не продавалась. Научные открытия прятались от конкурента самым простым образом — просто не внедрялись в производство. Более того, новые идеи вели не к уменьшению, а к увеличению издержек производства, поскольку — в силу неясности, что из новшеств и как именно будет работать — были выше издержек применения уже знакомых технологий.

Сегодня ситуация меняется. В эпоху современной технологической революции возникли явления, не существовавшие ранее: торговля знаниями, патентами, лицензиями, "ноу-хау" и "ноу-уай". Сегодня мало просто купить оборудование или технологическую линию, надо еще научиться с ними обращаться. Крупный технологический переворот конца двадцатого века заставляет по-новому взглянуть на факторы производства и способы их соединения.

Первоначально "идея" труда была заложена в самом предмете труда, а впоследствии — в средствах труда. Современный этап развития характеризуется превращением науки в непосредственный фактор производства, выделением производства "идей" труда в особый сектор экономики. Торговля технологиями означает, что "идея" труда не содержится просто в других факторах

производства, а выступает на рынке как самостоятельный товар. Товар "научная идея изделия" становится дополнительным фактором производства. Его использование значительно убыстряет экономическое развитие.

Выводы не изменятся, если взглянуть на факторы производства с другого угла: "труд, земля и капитал". Повышение продуктивности каждого из этих факторов связано с качеством применяемых технологий, со знаниями и идеями их использования. "Идея" труда и в этом случае становится в один ряд с традиционными факторами производства.

Цена "идей" труда определяется издержками научно-исследовательского труда и соотношением спроса и предложения. "Идеи" труда опираются на всеобщие знания фундаментальных исследований и прикладных наук и выступают как конечный результат опытно-конструкторских разработок и внедрения.

"Идеи" труда изменяют соотношение между факторами производства. Этим объясняется парадоксальная, с точки зрения классической экономической науки, ситуация, когда снижение, например материалоемкости производства происходит при росте производительности живого труда и уменьшении (а не увеличении — как по "классике") капиталоемкости. Объяснение парадоксу легко найти, если включить в издержки стоимость "идей" труда, заложенных в новых технологиях, которые и дали такой эффект: снижение материалоемкости произошло вследствие роста наукоемкости производства.

Рассматривая место "идей" труда в экономике, важно отличать те производства традиционной продукции, которые используют новые технологии, и те производства, которые, собственно, эти новые технологии и разрабатывают. Еще одна категория "идей" труда — в дополнение к тем, которые связывают предмет труда и средства труда — способствует наиболее рациональному использованию самой рабочей силы (ее размещение, психологическая и профессиональная подготовка и т.д.).

Принципиальная роль наукоемких отраслей состоит в том, что они проникают в другие отрасли экономики и совершают в них переворот. Другая особенность наукоемких отраслей — скачкообразность развития рынка их продукции, резкие колебания цен и издержек. С точки зрения соотношения спроса и предложения, новые технологии не являются реакцией на уже существующий спрос, а сами формируют, если угодно, "навязывают" его. Еще одна особенность производства "идей" труда состоит в том, что оно требует квалифицированной рабочей силы, способной к самостоятельному научному поиску — будь то при разработке или внедрении идеи.

Появление в структуре производства "идей" труда заставляет по-новому взглянуть на традиционные представления об индустриальном развитии стран. Дело в том, что новые, суперсовременные "идеи" труда по-разному влияют на повышение производительности труда в разных областях. Появляются "стареющие" отрасли, менее открытые для новейших технологий — они не могут быть долгосрочным фактором развития, но необходимы для решения тактических или среднесрочных задач. Отношение к таким отраслям — серьезный вызов стратегии развития любого, особенно менее развитого, государства: до каких пределов надо стимулировать их развитие и как выходить из стратегии роста, основанной на технологически "стареющих" отраслях? Видимо, необходимы многофакторные программы сворачивания последних в "нужный" момент. Определение такого момента — тоже сложный вопрос конкретной политики. Например, меры по трудосбережению в материалопроизводящих отраслях иные, чем в отраслях перерабатывающе-сборочных. Поэтому, с позиций национальной экономической эффективности, целесообразно заранее предусмотреть варианты переключения инвестиционной и технологической политики на более перспективные в плане трудосбережения отрасли.

Однако на практике подобные задачи часто являются неразрешимыми для развивающихся государств. Выход может быть найден в развитии регионального интеграционного взаимодействия при условии, что в таком интеграционном начинании участвует более мощная и продвинутая в технологическом отношении экономика. Иначе задачи ускорения экономического роста за счет фактора “идей” труда будет все время наткаться не только на слабость национальной или региональной (без технологического лидера) науки и технологии. Но и на необходимость удовлетворять насущные потребности экономики и поддерживать экономический рост за счет того, что уже есть и “как-то” работает — то есть, за “стареющих” отраслей.

В контексте взаимодействия экономик разного уровня по фактору “идей” труда в мировой экономике сложилась “классическая” схема “летающих гусей”, по которой развитые страны скидывают устаревающие технологии в менее развитые, а те — в еще менее развитые. При таком сценарии развивающиеся страны либо должны тратить огромные ресурсы (которых, как правило, нет, за исключением больших, хотя и не богатых, стран, способных концентрировать скудные резервы на прорывных направлениях, как Китай или Индия) на собственное научно-технологическое новаторство. Либо продолжать довольствоваться устаревающими технологиями.

Выхода из ситуации, если продолжать оперировать исключительно национальным уровнем экономической эффективности, нет. У развитых стран отсутствует мотивация передавать уже самые современные “идеи” труда странам технологически отсталым, а купить и тем более освоить их (по причине слабой инфраструктуры, неподготовленности кадров, пассивной национальной инновационной политики) отсталые страны, как правило, не в состоянии. Ситуация изменяется, если включить в анализ фактор *региональной (или глобальной) эффективности*. Поддержка программ перестройки “стареющих” отраслей в менее развитых странах региональными лидерами оказывается к выгоде и самих лидеров. Как с точки зрения формирования деловой среды для высокотехнологичных инвестиций, так и с точки зрения интересов обеспечения экологической безопасности региона.

Потребность в международной интеграции производства “идей” труда возрастает, если речь идет о взаимодействии сразу нескольких региональных (или глобальных) научно-технических лидеров. В этом случае увеличивается национальный эффект от развития региональной кооперации и специализации в ЭОЗ.

Методологические аспекты

В международных экономических институтах — в частности, в ОЭСР и АТЭС — под “экономикой, основанной на знаниях” понимают такую экономику, в которой производство, распределение и использование знаний являются главными факторами экономического роста, благосостояния и создания рабочих мест во всех ее отраслях. Такое определение означает, что ЭОЗ — это не просто экономика, в которой используются новые технологии, но такая экономика, в которой все секторы являются преимущественно наукоемкими.

АТЭС определяет “новую экономику” как такую, в которой благодаря сочетанию структурной политики с информационно-коммуникационными технологиями “увеличивается объем информации, доступной частным лицам, фирмам, рынкам и правительствам, позволяя каждому из них работать эффективнее, обращая внимание на квалификацию сотрудников и требуя большей гибкости. Результатом подобной трансформации должны стать большая производительность труда и экономическое благополучие”.²

В ОЭСР и АТЭС выделяют четыре измерения ЭОЗ:

- *Инновационные системы*. Имеется в виду наличие эффективной национальной системы инновационной и технологической деятельности: сеть го-

сударственных и частных институтов, чья деятельность позволяет производить, импортировать, модифицировать и распределять новые технологии и новый опыт их применения.

- *Развитие человеческих ресурсов.* Имеется в виду наличие высокоэффективной системы образования и переподготовки, которая позволяет человеку получать новые знания и навыки в течение всей его жизни.

- *Информационные и коммуникационные технологии.* Подразумевается создание эффективной инфраструктуры, позволяющей частным лицам и бизнесу постоянно получать информацию со всего мира.

- *Деловая среда.* Под термином "деловая среда" понимается экономическая и правовая политика национальных правительств, а также характер предпринимательского поведения. "Деловая среда" должна содействовать развитию инновационной деятельности.

Сегодня не существует единого показателя уровня развития ЭОЗ и ее доли в ВВП³. По некоторым критериям, включающим в "экономику, основанную на знаниях" такие отрасли, как высокотехнологичное и среднетехнологичное производство, здравоохранение, образование, финансовые и другие бизнес-услуги, коммуникационные услуги (эти отрасли определяются как "отрасли, основанные на знаниях" — ООЗ⁴), на долю ЭОЗ приходится порядка 30% ВВП США, Японии и других развитых стран. Для развивающихся государств — Таиланда, Малайзии, Мексики — этот показатель оценивается уровнем в 10 процентов.⁵

При практическом сопоставлении стран в ОЭСР и АТЭС используют следующие конкретные показатели "измерения" "экономики, основанной на знаниях" (в скобках приводится усредненный показатель по странам ОЭСР в 2001 — 2003 гг):

Деловая среда:

- доля "отраслей, основанных на знаниях" в ВВП или добавленной стоимости (37%);
- доля экспорта услуг, включающего такие коммерческие услуги, как перевозки, путешествия и т.п., в ВВП (12%);
- высокотехнологичный экспорт, под которым подразумевается экспорт "отраслей", основанных на знаниях, — как доля от экспорта обработанных изделий (19%);
- прямые иностранные инвестиции как доля в ВВП (4,5%);
- коэффициент открытости правительства, рассчитываемый на основе показателей, определяющих, насколько ясно и открыто правительство заявляет о своей политике (5,5 балла по 10-ти бальной шкале);
- финансовая прозрачность, означающая, насколько полно и открыто финансовые институты информируют о своей деятельности (6,4 балла по 10-ти бальной шкале);
- политика правительства в области создания конкурентной среды — насколько государственная политика и правовая система защищают экономику от нечестной конкуренции (6,1 балла по 10-ти бальной шкале);
- открытость, означающая, в какой степени национальный протекционизм не мешает импорту товаров и услуг (7 баллов по 10-ти бальной шкале).

Информационные и коммуникационные технологии:

- количество мобильных телефонов на 1000 жителей (680 шт.);
- телефонные линии на 1000 жителей (544 шт);
- компьютеры на 1000 жителей (434);
- число пользователей интернет (47% от общего числа жителей);
- доля электронной торговли в общем объеме торговли (0,6%).

Инновационные системы:

- количество научных исследователей на 1000 жителей (4,3 чел.);
- общие расходы государственного и частного секторов экономики на научно-исследовательские и внедренческие цели как процент от ВВП (1,72% ВВП);
- расходы частного сектора экономики на научно-исследовательские и внедренческие цели как процент от ВВП (1,04% ВВП);
- годовое количество зарегистрированных в США патентов на один миллион жителей (2003 г. — 114,06);
- уровень развитости межкорпорационной технологической кооперации (6 баллов по 10-ти бальной шкале);
- уровень развитости технологической кооперации между корпорациями и университетами (5 баллов по 10-ти бальной шкале).

Развитие человеческих ресурсов:

- уровень охвата населения средним образованием (100% всего населения);
- уровень охвата населения высшим образованием (28% от населения в возрастной группе от 25 до 34 лет);
- доля рабочих, занятых в ООЗ (28,7%);
- индекс человеческого развития, исчисленный, исходя из трех критериев: соотношение числа беременных и родивших женщин, уровень грамотности населения и посещаемости им школ, ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (0,90 пункта при максимально возможном уровне в 1,00 пункта).

Уровень развития “экономики, основанной на знаниях” в странах Восточной Азии* (СВА—3, АСЕАН—4, КА—3).

В приводимых ниже таблицах⁷ содержатся показатели, при сопоставлении которых можно делать те или иные выводы о степени развития ЭОЗ в странах Восточной Азии. На взгляд автора этой работы, не все они справедливо отражают реальное положение дел. Однако пока в официальной международной статистике не существует других критериев сравнения стран по степени развитости “новой экономики”.

Таблица 1

Деловая среда

(отношение к среднему уровню стран ОЭСР, в единицах, уровень ОЭСР = 1)

	Япония	Китай	Южная Корея	Сингапур	Гонконг	Тайвань	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины
доля “отраслей, основанных на знаниях” в ВВП	0,67	0,01	0,92	1,41	1,08	0,33	0	0,50	0,89	0,29
доля экспорта услуг в ВВП	0,11	0,22	0,56	2,52	2,10	0,92	0,28	1,28	0,55	0,35
высокотехнологичный экспорт	1,36	1,03	1,53	3,14	1,03	1,61	0,69	2,98	2,97	3,66
прямые иностранные инвестиции	0,03	0,86	0,17	2,90	3,30	0,72	0	0,14	0,31	0,55
коэффициент открытости правительства	0,67	0,89	0,69	1,22	0,97	0,97	0,39	1,11	0,75	0,61
финансовая прозрачность	0,61	0,67	0,68	1,14	1,30	0,86	0,58	1,00	0,83	0,73
политика правительства в области создания конкурентной среды	0,94	0,83	0,86	1,06	1,01	0,81	0,53	1,08	0,97	0,64
открытость	0,78	1,03	0,69	1,14	1,28	0,89	0,67	1,02	0,83	0,70

Статистический анализ данных таблицы показывает, что по показателям степени развития деловой среды для расширения сферы "экономики, основанной на знаниях", страны Восточной Азии в 35% случаев превосходили средний уровень стран ОЭСР. При этом страны СВА—3 превосходили этот уровень лишь по 17% показателей, тогда как страны КА—3 — по 67%, а страны АСЕАН—4 — по 22%. Из 8-ми показателей по 6-ти на первом месте был Сингапур, по 2-м — Гонконг.

Таблица 2

Информационные и коммуникационные технологии
(отношение к среднему уровню стран ОЭСР, в единицах, уровень ОЭСР = 1)

	Япония	Китай	Южная Корея	Сингапур	Гонконг	Тайвань	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины
количество мобильных телефонов на 1000 жителей	0,86	0,22	1,00	1,08	1,33	0,39	0,08	0,56	1,22	0,26
телефонные линии на 1000 жителей	1,11	0,25	0,83	0,83	1,06	0,17	0,08	0,39	1,05	0,09
компьютеры на 1000 чел.	1,11	0,06	0,81	1,33	1,00	0,8	0,04	0,30	0,72	0,06
число пользователей интернет	1,11	0,11	1,19	1,06	1,06	0,17	0,08	0,56	0,88	0,11
доля электронной торговли	1,22	0,25	0,97	1,25	0,50	0,19	0,17	1,03	1,19	0,32

Как следует из таблицы 2, в 33% случаев страны ВА превосходили средний уровень развития информационных и коммуникационных технологий стран ОЭСР. Для стран СВА—3 этот показатель составляет 40% (для Японии и Южной Кореи, без Китая, 67%), для КА—3 — 55%, и для АСЕАН—4 — лишь 12%. Из 5-ти показателей Сингапур оказался на первом месте 2 раза, Япония, Южная Корея и Гонконг — по одному.

Таблица 3

Инновационные системы
(отношение к среднему уровню стран ОЭСР, в единицах, уровень ОЭСР = 1)

	Япония	Китай	Южная Корея	Сингапур	Гонконг	Тайвань	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины
число научных исследователей на 1000 жителей	1,64	0,17	0,67	1,06	0,25	0,08	0	0,11	1,11	0,05
расходы гос. и частн. секторов на НИОКР	1,75	0,64	1,69	1,22	0,32	0,19	0,03	0,28	1,25	0,06
расходы частного сектора на НИОКР	2,42	0,58	1,77	1,25	0,16	0,11	0	0,25	1,27	0,04
годовое количество зарегистрированных в США патентов	2,41	0	0,69	0,64	0,81	0,01	0	0,03	2,57	0

	Япония	Китай	Южная Корея	Сингапур	Гонконг	Тайвань	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины
уровень развитости межкорпорационной технологической кооперации	1,08	0,64	0,78	1,17	1,08	0,83	0,61	1,03	1,05	0,82
уровень развитости технологической кооперации между корпорациями и университетами	0,89	0,72	0,81	1,22	1,14	0,84	0,59	1,06	1,13	1,03

Основываясь на приводимых в таблице 3 данных, можно заключить, что по показателям уровня развития инновационных систем страны ВА в целом также примерно в 35% случаев превосходили усредненный уровень ОЭСР. Страны СВА—3 — в 40%, КА—3 — в 40% и АСЕАН—4 — в 30%. Из 6-ти показателей Япония была на первом месте 4 раза, Сингапур — два.

Таблица 4

Развитие человеческих ресурсов

(отношение к среднему уровню стран ОЭСР, в единицах, уровень ОЭСР = 1)

	Япония	Китай	Южная Корея	Сингапур	Гонконг	Тайвань	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины
уровень охвата населения средним образованием	0,94	0,58	0,86	0,72	0,69	0,75	0,52	0,66	0,88	0,70
уровень охвата населения высшим образованием	1,69	0,17	1,44	1,47	1,22	0,47	0,22	0,42	1,36	0,94
доля рабочих, занятых в ООЗ	0,58	0,01	0,67	1,42	1,08	0,31	0	0,51	1,00	0,29
индекс человеческого развития	1,03	0,81	0,97	0,97	0,98	0,83	0,75	0,86	0,99	0,85

По показателям уровня развития человека все страны ВА превосходили усредненный уровень ОЭСР по 23% сопоставляемых цифр. Страны СВА—3 — по 25%, КА—3 — по 30% и страны АСЕАН—4 — по 12%. Из 4-х показателей уровня развития человека Япония лидировала в 3- случаях, Сингапур — в одном.

Если судить об уровне развития “экономики, основанной на знаниях” в Восточной Азии, исходя из всех 23-х применяемых в ОЭСР и АТЭС критериев, то в наиболее выигрышном положении оказываются страны КА—3: по 50% показателей они превосходили усредненный уровень ОЭСР. Для СВА—3 этот коэффициент составляет около 35% (относительно менее развитый Китай снижает комбинированный показатель), у стран АСЕАН—4 этот коэффициент более 30% (за счет “продвинутых” показателей Таиланда).

Сингапур и Япония являются абсолютными лидерами по числу “первых мест” среди 23-х использованных показателей: соответственно 11 и 8 раз. Гонконг оказывался на первом месте 3 раза, Южная Корея — один.

О месте России в азиатской “экономике знаний” дают представления данные таблицы 5.

Таблица 5

Уровень развития "экономики, основанной на знаниях" в России по отношению к странам СВА—3

(сравниваются уровень России по отношению к уровню ОЭСР, уровень ОЭСР принят за единицу, с уровнем СВА—3, в каждом случае сопоставления уровень Китая, Японии и Южной Кореи к усредненному уровню стран ОЭСР принят за единицу)

	По отношению к Японии	По отношению к Китаю	По отношению к Ю. Корее
доля "отраслей, основанных на знаниях" в ВВП	N.A.	N.A.	N.A.
доля экспорта услуг в ВВП	2,54	1,27	0,30
высокотехнологичный экспорт	0,17	0,40	0,27
прямые иностранные инвестиции	5,6	0,20	1,00
коэффициент открытости правительства	0,74	0,56	0,72
финансовая прозрачность	0,78	0,71	0,70
политика правительства в области создания конкурентной среды	0,48	0,54	0,52
открытость	0,70	0,53	0,80
количество мобильных телефонов на 1000 жителей	0,20	0,77	0,17
Телефонные линии на 1000 жителей	0,30	1,36	0,41
Компьютеры на 1000 чел.	0,15	2,83	0,21
число пользователей интернет	0,15	1,54	0,14
доля электронной торговли	N.A.	N.A.	N.A.
количество научных исследователей на 1000 жителей	0,98	9,4	1,50
расходы гос. и частн. секторов на НИОКР	0,47	1,28	0,48
расходы частного сектора на НИОКР	0,41	1,72	0,56
годовое количество зарегистрированных в США патентов	0,006	...	0,02
уровень развитости межкорпорационной технологической кооперации	0,65	1,11	0,91
уровень развитости технологической кооперации между корпорациями и университетами	0,78	0,97	0,86
уровень охвата населения средним образованием	0,74	1,20	0,81
уровень охвата населения высшим образованием	0,60	5,9	0,70
доля рабочих, занятых в ООЗ	2,20	...	1,90
индекс человеческого развития	0,82	1,05	0,88

При всей условности таких сопоставлений можно сказать, что положение России на фоне ее дальневосточных соседей не однозначно. В 22% случаев показатели по России, характеризующие уровень развития ЭОЗ, были выше аналогичных показателей по СВА—3, а в 78% случаев — ниже.

По доле высокотехнологичного экспорта Россия в 2,5 — 5 раз отстает от СВА—3. Хуже у нас и показатели степени открытости правительства и финансовой прозрачности, эффективности политики по созданию конкурентной среды, оснащенности мобильными телефонами и уровню развития технологической интеграции между корпорациями и университетами. От Японии и Южной Кореи Россия отстает по 81% показателей, в частности по оснащенности населения компьютерами, обычными телефонами линиями, доступу к интернет, уровню развития межкорпоративной технологической интеграции, расходам на НИОКР, зарегистрированным в США патентам, индексу человеческого развития. По сравнению с Китаем Россия лидирует более чем по половине приводимых позиций, отставая, главным образом, по показателям, характеризующим степень зрелости деловой среды, и опережая Китай по критериям развития инновационных систем и человеческого потенциала.

Потенциал кооперационного взаимодействия

Сотрудничество между странами ВА в области “новой экономики” осуществляется главным образом на “площадке” АТЭС. Задача развития научно-технического сотрудничества является одной из трех главных целей АТЭС (наряду с развитием и либерализацией торговли и инвестиций и индивидуальными планами действий стран в области либерализации). Главной целью является преодоление научно-технического разрыва, существующего между странами АТЭС. В практическом плане приоритет отдается следующим направлениям деятельности:

- создание современной инфраструктуры для развития ЭОЗ, и, в первую очередь, для развития национальной информационной инфраструктуры;
- развитие человеческих ресурсов — включая внедрение информационно—телекоммуникационного обучения в школах и колледжах, системы обучения во время каникул, практики переподготовки рабочей силы и воспитания поведенческой культуры по формуле “обучение на протяжении всей жизни”;
- развитие новых технологий путем облегчения доступа к новым научно-техническим разработкам и адаптации существующих производств к новым технологиям;
- проведение адекватной государственной политики в области ЭОЗ путем совершенствования кооперации между правительством и частными корпорациями в области разработки и внедрения НИОКР.

Локомотивами развития “новой экономики” в Восточной Азии являются страны СВА—3 и КА—3, обладающие большими ресурсами и опытом в этой области. Япония берет на себя функции финансового и технологического донора научно-технического развития ВА с целью создания в перспективе Азиатско-Тихоокеанского информационного общества. Южная Корея пытается занять нишу своего рода “центра технологического развития” ВА, финансируя мероприятия по распространению новых технологий в региональные экономики. Китай стремится к лидерству в области развития человеческих ресурсов — именно в 2001 г., “году Китая в АТЭС”, Пекин реализовал идею разработки и осуществления странами АТЭС, в том числе и странами ВА, “Индивидуальных планов действий” в области научно-технологического развития и развития человеческого потенциала. Сингапур и Гонконг играют роль региональных “островков” наукоёмкой экономики, оказывая воздействие — через экспорт технологий — на развитие ЭОЗ в странах АСЕАН и Восточной Азии в целом.

Пока трудно оценить результаты научно-технологической кооперации в Восточной Азии. Возможно, здесь необходимо новое исследование, которое через 2-3 года позволит сопоставить тот, будущий, уровень развития ЭОЗ в ВА с нынешним, исчисленным по вышеприведенным параметрам.

Сегодня же в восточно-азиатском аналитическом сообществе существуют и сверхожидания относительно роли новых технологий в ликвидации экономического отставания региональных аутсайдеров от лидеров и роли восточно-азиатского научно-технологического сотрудничества в преодолении существующих в ВА межстрановых технологических разрывов. И разочарования по поводу того, что научно-технологические лидеры региона не спешат и не очень-то хотят инвестировать финансы и знания в формирование интегрированной “экономики знаний” в Восточной Азии.

* * *

Вместе с тем представляется, что превращение “идей труда” в фактор производства и ускорение развития “экономики знаний” в странах-лидерах ВА создают новые предпосылки для развития региональной интеграции в Вос-

точной Азии по сравнению с тем, как шли объединительные процессы в Европе. Концептуальным сценарием здесь может стать создание (наподобие Сингапура и Гонконга в региональном контексте) национальных высокотехнологичных "островков" (как это уже происходит и в Китае, и в Южной Корее, и в Малайзии и Таиланде) и их объединение едиными региональными "правилами игры" и скоординированной стратегией распространения "новой экономики" в национальных масштабах.

Выход на интеграционные конструкции в Восточной Азии с "угла" научно-технологического (равно как и финансового и энергетического) сотрудничества задает и новый вектор, и новый темп интеграционным процессам по сравнению с традиционной схемой: "зона свободной торговли" — "единое экономическое пространство" — "единое валютное пространство" — "единая экономика". Пока данный тезис существует в виде рабочей гипотезы. Вместе с тем в его пользу говорит и то, что в потенциально интегрируемых странах ВА — по отношению к "новой экономике" — отсутствуют те традиционные препятствия интеграции, которые исторически сложились в сфере экономики "старой" (например, сельское хозяйство, сталелитейная промышленность, традиционное машиностроение и т.п.).

1. Михеев В. Страны СЭВ. Выравнивание уровней развития. Проблемы и суждения. М.: Наука, 1989. С. 64-78.
2. 2003. APEC Economic Outlook. Singapore, 2003. P.295.
3. Позиция автора по поводу того, как можно измерять эти и другие экономические явления, отражена в его монографии "Хомоинтернэшнл. Теория общественного развития и международной безопасности в свете потребностей и интересов личности". М., 1999. С 166-181.
4. KBI — Knowledge-based industries.
5. 2003. APEC Economic Outlook. Singapore, 2003. P. 298.
6. Анализируется ситуация в наиболее развитых странах Восточной Азии: СВА—3 (Япония, Китай, Южная Корея), АСЕАН—4 (Индонезия, Таиланд, Малайзия, Филиппины), а также, условно говоря, в "Китайской Азии—3" (КА—3), куда включены находящиеся на более высоком технологическом уровне, чем остальные страны АСЕАН, Сингапур, а также Гонконг и Тайвань.
7. Таблицы рассчитаны на основе: 2003. APEC Economic Outlook. Singapore, 2003. Pp. 300-312.

Восточноазиатская интеграция: опыт из прошлого российско-японской торговли

© 2004

Е. Митыпов

Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации, как и других стран, формируется в обстановке новых мировых реалий — глобализации и развития в ее рамках интеграционных экономических процессов. Для России это означает необходимость определения и обоснования основных целей и главных условий ее участия в региональной интеграции (на западном и восточном направлениях, на экономическом пространстве СНГ), выгод и минусов для отечественной экономики от углубления мирохозяйственных связей, оптимального соотношения и согласования национальных интересов с общемировыми.

Геоэкономическое положение России между двумя интеграционными полюсами — в Западной Европе и в АТР, предопределяет ей роль связующего торгово-экономического, транспортного "моста" между СНГ, ядром которого является сама Российская Федерация, и тихоокеанскими государствами, а в более отдаленном будущем — между последними и ЕС.

Вопрос о том, насколько подготовлена экономика России к участию в интеграционных процессах, способна ли современная российская система государственного регулирования внешнеэкономической деятельности обеспечить национальные интересы и экономическую безопасность России в условиях интеграционной активности приобретает актуальное значение как в научном, так и в практическом плане.

В частности, характер диалога России с нашими дальневосточными соседями — Китаем, Японией и Республикой Корея в отношении перспектив реализации крупномасштабных проектов строительства нефте- и газопроводов, прокладки новых железнодорожных магистралей с выходом на Транссиб, обсуждения возможностей формирования общеазиатских энергетических сетей свидетельствуют о том, что интеграция России в экономическое пространство Северо-Восточной Азии (СВА) может стать основой диверсификации экспортных потоков российских товаров, ресурсов и услуг, и ликвидации чрезмерной зависимости Российской Федерации от основного принимающего рынка — европейского. Тем более, что в отличие от европейского рынка, на котором сотрудничество в этих сферах происходит в основном пока на уровне хозяйственных субъектов, отношения со странами СВА развиваются в рамках межгосударственных соглашений и гарантий государства, что предопределяет усиление роли государственного регулирования в обеспечении развития внешнеэкономической стратегии России на восточном направлении.

Указанное соотносится и с выводами видных экономистов о том, что "всюду, где информация на рынке является несовершенной, необходимо вмешательство государства — даже если государство само страдает от несо-

вершенства информации, — которое может повысить эффективность рыночного механизма”¹.

Восполнить несовершенство или отсутствие информации, полезной для принятия решений о корректировке внешнеэкономической стратегии России, возможно, в том числе, за счет ретроспективного анализа наших отношений с ведущими азиатскими государствами. Это позволит выстраивать “интеграционный” диалог с учетом накопленного позитивного, и, к сожалению, зачастую имевшего место отрицательного опыта построения двусторонней и многосторонней кооперации.

* * *

Само собой разумеется, в прошлом сложно найти аналогии и примеры, которые свидетельствовали бы о попытках формирования “общего экономического пространства” или же продвижения интеграционных тенденций в СВА. Однако с рядом азиатских государств, прежде всего с Японией, несмотря на непростой характер двусторонних политических отношений, уже имелись попытки способствовать более эффективному функционированию двусторонних экономических связей, налаживанию, представляющего интерес для обеих сторон обмена экономической информацией, формированию механизмов финансового регулирования российско-японской торговли.

Двусторонние торгово-экономические отношения соседних государств — императорских России и Японии — на протяжении длительного периода характеризовались крайне низкими показателями, прежде всего по объему и структуре русско-японской торговли.

Указанная ситуация, как известно, являлась следствием ряда исторических, политических и собственно экономических факторов. К наиболее значимым можно отнести русско-японскую войну 1904-1905 гг. и последовавший за ней период застоя в развитии двусторонних контактов, финансово-экономическую слабость русского и японского капитализма того периода, отсутствие взаимных интересов монополистических капиталов двух стран, ориентированных на различные мировые рынки.

Поражение царской России в войне, территориальные потери (по Портсмутскому мирному договору Россия, вслед за Курильскими островами, была вынуждена уступить Японии южную часть Сахалина), утрата военно-морской базы Порт-Артур и русского влияния на ситуацию в Корее, практически на несколько последующих лет заморозили торгово-экономические контакты между двумя империями.

Свое негативное воздействие на перспективы возобновления торгового партнерства оказывали также достаточно высокий уровень российских железнодорожных тарифов, слабое знакомство деловых кругов обоих государств с торгово-промышленным потенциалом и внутренним рынком страны-соседа.²

В 1907-1914 гг. основным межгосударственным документом, регламентирующим двусторонние торговые отношения, являлся Договор о торговле и мореплавании, подписанный 28 июля 1907 года. Он базировался на принципах взаимности и не содержал дискриминационных положений, ущемлявших интересы какой-либо из сторон.

В экономическом плане Договор имел второстепенное значение, поскольку регулировал весьма незначительный объем русско-японской торговли. В этот период японский экспорт в Россию составлял лишь 1,4% всего экспорта Японии, а японский импорт из России не превышал 0,5% всего японского импорта.³

Структура японского импорта из России демонстрировала высокую долю в нем сырья и полуфабрикатов (% от всего импорта):

годы	сырье	готовые изделия	продукты питания	полуфабрикаты
1903-1907	33,0	25,5	23,5	16,7
1908-1912	44,3	24,1	12,0	18,9

В российском экспорте основные позиции занимали хлопок-сырец, нефть, керосин, железная руда. Из продуктов питания Япония импортировала рис, пшеницу, пшеничную муку, фасоль, горох, рыбу. В относительно больших объемах осуществлялась торговля русским лесом и мехами.

Основной статьей японского экспорта в Россию были фрукты и овощи, поваренная соль, рис, соя, а также каменный уголь, шелк-сырец.

Вместе с тем, в связи с переориентацией внешнеполитического курса России на союз с Антантой, частью которого явилось заключение русско-японского соглашения 1910 г., внешнеторговые контакты между двумя странами заметно активизировались.

16 июня 1911 г. в Петербурге, по инициативе японской стороны, было учреждено Русско-японское общество, задачей которого, как говорилось в его уставе, являлось "поощрение изучения России и содействие дружбе народов России и Японии". Совет министров России, решавший вопрос о создании общества, указывал в постановлении по этому вопросу, что "установление более тесного торгового общения с Японией вполне отвечает нашим интересам... ибо поддержание добрососедских связей с этим государством входит в современную политическую программу России...".

Общность российских и японских интересов в Маньчжурии, в частности стремление внеэкономическими методами закрыть "двери" в Китай перед американским капиталом, создали условия способствующие дальнейшему русско-японскому сближению и доведению двусторонних отношений до близких к союзническим. Это проявилось в заключении секретного русско-японского соглашения от 8 июля 1912 г., которое фактически свидетельствовало о формировании союза двух империй на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны.

Первая мировая война имела исключительное значение для становления экономики Японии и, в особенности, для развития ее внешней торговли. Если накануне войны японская экономика находилась в состоянии явной депрессии, то уже в 1916 г. только оборот внешней торговли Японии увеличился по сравнению с довоенным уровнем на 58%.⁴

Эффект исключительной военной конъюнктуры, когда заграничные покупатели, вынужденные в результате создавшегося в ходе войны товарного дефицита платить необоснованно высокие цены за весьма посредственную продукцию японской индустрии, явился основной причиной бурного экономического роста Японии в годы Первой мировой войны.

Россия занимала в тот период довольно высокое место в планах Японии по увеличению своего экспорта, особенно в сфере вооружения.

Уже 20 января 1915 г. руководство японского банка "Тёсэн", 50% акций которого принадлежало правительству, обратилось в МИД Японии с просьбой договориться с Россией об открытии своего отделения во Владивостоке. Послом Японии в Петрограде И.Мотоно была прозондирована реакция русского правительства на это предложение банка, однако Россия весьма сдержанно отнеслась к нему, опасаясь излишне широкого допуска японских банков на российский дальневосточный финансовый рынок.

4 мая 1915 года японское правительство повторно выдвинуло идею об открытии отделения банка "Тёсэн", которое могло бы начать свою деятельность на базе владивостокской банковской конторы "Мацуда", имевшей с 1907 года разрешение российского Министерства финансов на проведение отдельных финансово-посреднических операций в России. Но и в этот раз, по тем же причинам, царское правительство отказало МИД Японии.⁵

Позиция России в вопросе об объеме и масштабах кредитно-финансового сотрудничества с Японией и ее банками основывалась на необходимости последовательной защиты своих национальных, в том числе финансовых, интересов на Дальнем Востоке, целесообразности предварительного достижения на межправительственном уровне договоренностей о целях подобного сотрудничества и об условиях его равноправного осуществления.⁶

Как известно, в декабре 1915 года между Россией и Англией была достигнута договоренность о порядке оплаты российских военных заказов. Предусматривалось, что Россия, обладавшая в тот период крупнейшим в мире золотым запасом, переведет в Канаду в "Банк оф Ингланд" часть этих средств в качестве депозита, гарантировавшего возвратность российских военных займов.

Начало переговоров между императорской Японией и российским правительством о поставках в Россию японского вооружения датируется 3 июля 1915 года. Уже в сентябре 1915 года заместителем министра иностранных дел Японии К.Мацуи был передан царскому послу в Токио Н.А. Малевскому-Малевичу проект соглашения о поставках японского вооружения в Россию.

В проекте было зафиксировано, что, основываясь на решении японского правительства от 17 сентября 1915 г., Япония обязуется произвести и поставить в Россию 1,9 млн. винтовок и 156 млн. шт. патронов к ним.⁷ Российское правительство в соответствии с этим проектом должно было заключить соглашения с японскими частными поставщиками вооружения, возместив им расходы на развитие военного производства в размере 10 млн. иен.

Итоговый взаиморасчет по платежам планировалось произвести поэтапно до сентября 1920 года с учетом как текущих цен на изготовленную военную продукцию, так и в зависимости от колебаний цен на сырье и производственные затраты.

В ходе секретных переговоров японской стороной был выдвинут следующий график поставок и выполнения российских военных заказов:

Поставить до: винтовок (тыс. шт) боеприпасов (млн. шт)

12.1916	150	10
12.1917	310	26
12.1918	440	36
12.1919	500	42
12.1920	500	42
Итого:	1,9 млн. шт	156 млн.шт.

В процессе переговоров Япония, испытывавшая трудности с наличным сырьем для выполнения военного заказа, обусловила его реализацию осуществлением встречных поставок, в том числе из России, необходимого для производства винтовок и боеприпасов исходного сырья.

В тот период экспорт стали, цветных металлов в Японию находился в руках немногих промышленно развитых стран — США, Англии, Швеции, Германии. Так, Англия монополизировала ввоз в Японию никеля и алюминия, Германия — свинца. Цинк поступал главным образом из Австралии. Такая односторонность торговых связей при ухудшении политических отношений с

США и состоянии войны с Германией ставили перед Японией вопрос о необходимости поиска новых поставщиков стратегического сырья.

В Особом журнале Совета министров России от 21 апреля 1911 г. отмечалось: "Недавно влиятельные японские государственные деятели, стремясь найти выход из экономической зависимости их отечества от Америки, останавливались, между прочим, на мысли об организации вывоза из России некоторых предметов металлургической промышленности и, в особенности, стальных рельсов"⁸. Однако промышленная отсталость царской России и общая неразвитость торговли в тот период не позволили включить эти изделия в список российского экспорта в Японию.

С началом войны Россия, заинтересованная в получении японского вооружения, была готова пойти на поставки стратегического сырья или его закупки в Англии и США с последующим реэкспортом в Японию. В свою очередь японский МИД настойчиво предлагал России взять на себя роль поставщика сырья для производства на японских военных заводах вооружения по заказам России.

В частности, в послании МИД Японии от 3 июля 1915 г. в адрес российского правительства сообщалось: "Если в течение ноября 1915 г. будет поставлена жаростойкая и инструментальная сталь, необходимые для производства винтовок, то в период с декабря 1915 по март 1916 гг. возможна поставка 60 тыс. винтовок, а в течение всего 1916 г. — 130 тыс. винтовок. В случае получения необходимых для производства боеприпасов цинка, олова и никеля, в течение 6 месяцев будет произведено 25 млн. шт. патронов, а в течение следующих 6 месяцев — 37 млн. шт. патронов".

Официальный ответ России на это предложение Японии был дан 23 октября 1915 г. В нем сообщалось, что царское правительство готово разместить в Японии заказы на производство и поставку 1,8 млн. шт. винтовок русского образца. Для ускорения ввода в строй японского военного производства Россия 13 сентября 1915 г. выразила также намерение взять на себя часть издержек по развертыванию новых военных мощностей в Японии на сумму около 15 млн. иен.

Нельзя не отметить, что российские средства в размере 15 млн. иен, если использовать современные экономические термины, являлись целевым инвестиционным кредитом Японии и достаточно точно характеризовали тенденцию того времени в области кредитно-финансового сотрудничества Японии со странами Антанты.

Приток зарубежных средств в эту страну уже начиная с первого полугода военного года (1915) был огромный, в особенности по сравнению с обычными японскими масштабами. Благодаря военным заказам, включавшим в себя целевые зарубежные инвестиции в военную отрасль японской индустрии, сальдо торгового баланса в пользу Японии уже в 1915 г. составило 176 млн. иен, в 1916 г. — вдвое больше, в 1917 г. — 567 млн. иен, в 1918 г. — почти 300 млн. иен.

Война, в которой Япония принимала ограниченное участие, оказалась настоящим золотым дном для японской промышленности. "Наступление великой войны, — говорил известный японский экономист Уэхара, — для Японии, такой, какой она тогда была, явилось действительным стимулом и золотым случаем для того, чтобы полностью оборудовать заводы новыми машинами и привести производственные методы в соответствие с новейшими требованиями"⁹.

За период с 1913 по 1918 гг. количество промышленных предприятий в Японии увеличилось на 42%, а мощность двигателей на них — на 78%. Зарубежные заказы за тот же период времени позволили увеличить число рабочих, занятых на этих предприятиях на 54%.

Показательна также цифра роста инвестиций в основные отрасли экономики Японии в 1917 г., составившая сумму в 1,4 млрд. иен. Она долгое время оставалась рекордной и после первой мировой войны. В этой связи нет ничего удивительного в том, что японские предприниматели называли период Первой мировой войны "золотым веком" японской промышленности.

В соответствии с российско-японскими договоренностями о размещении военных заказов России в Японии в сентябре 1915 г. были подписаны Меморандум о порядке оплаты российских военных заказов и соглашение о предоставлении Минфину России возможности заимствования на японском финансовом рынке. Меморандумом предусматривалось, что закупки будут оплачиваться как за счет британских кредитов (12 млн. фунтов стерлингов), так и путем выпуска в Японии обязательств российского казначейства.

Японское правительство на заседании 17 октября 1915 г. определило, что реализация плана поставок вооружения для России будет осуществляться в течение всего пятилетнего срока вплоть до сентября 1920 г. При этом основные объемы поставок придутся на завершающие 1919 и 1920 гг., а авансовое русское золото должно поступить на Осакий монетный двор заблаговременно, в размере не менее 1/3 всех ожидаемых русских платежей.

Представитель Министерства финансов Японии в Лондоне К.Мори видел смысл и целесообразность подписания Меморандума о порядке оплаты русских военных заказов в том, что это позволит Токио стать центром финансовых расчетов России со странами Антанты, оживит японскую экономику, а поступление в Осаку депозитного русского золота укрепит курс и международный престиж слабой японской иены.

Поставки японского вооружения, главным образом стрелкового, осуществлялись на первом этапе достаточно регулярно и, по различным оценкам, в 1915 г. Япония продала России до 430 тыс. винтовок.¹⁰

Однако отсутствие общепринятых в мировой торговой практике сверок соответствия взаимных платежей и поставок, надежда их произвести после завершения мировой войны, предоставили участникам "военной интеграции" возможность в одностороннем порядке трактовать как фактическое исполнение японо-российских договоренностей, так и процесс их реализации.

В частности, Япония уже в период 1916-1917 гг. произвольно оценивала стоимостной объем произведенной для экспорта в Россию продукции по ценам, принятым для внутрияпонских расчетов. Как показывает практика внешнеторговых отношений других государств с Японией (в том числе и нынешняя), в таком случае происходит неоправданное завышение стоимости продукции японскими экспортерами по сравнению с ранее согласованными контрактными ценами.¹¹

Российская сторона настаивала на том, что при проведении подобных итоговых расчетов за поставленное в Россию японское вооружение необходимо учесть его невысокое качество, неоднократно подвергавшееся рекламациям со стороны английских и французских покупателей. Значительное количество стрелкового вооружения, поставленного Японией в Россию в 1915 г. являлось устаревшим, было получено Японией в качестве военного трофея по итогам первой русско-японской войны 1904-1905 гг.

Имели место также факты неисполнения японской стороной соглашений и непоставка заказанного вооружения. В частности, в апреле 1916 г. японское военно-морское министерство продало России 3 военных корабля на общую сумму 5 млн. 500 тыс. иен, которые достались Японии в качестве трофея по итогам русско-японской войны 1904-1905 гг., они технически и морально устарели и не были пригодны к боевому применению, один из них (крейсер

“Соя”, водоизмещением 6,500 тонн, более известный в России как легендарный русский крейсер “Варяг”) затонул при перегоне в г. Владивосток.

7 февраля 1916 г. в соответствии с российско-японскими договоренностями между “Синдикатом японских банков” (“Тодзай”) в лице финансового агента японского правительства — “Иокогамского валютного банка”, и российским Министерством финансов, от имени которого свою подпись поставил российский посол в Токио В.Н.Крупенский, было заключено первое соглашение о гарантиях размещения займов Министерства финансов царской России в Японии.

В нем было зафиксировано, что “Синдикат японских банков в лице “Иокогамского валютного банка” и правительство России приступают с этого момента к продаже в Японии Первого облигационно-вексельного займа Министерства финансов России на общую сумму 50 млн. иен.”¹² В дальнейшем подписываются аналогичные по условиям соглашения о гарантии размещения облигаций на сумму 15,5 млн. иен (12 апреля 1916 г.), 70 млн. иен (14 августа 1916г.).¹³

Согласно соглашениям механизм привлечения средств под российские займы предполагал выпуск и продажи на японском фондовом рынке облигаций (векселей), обеспеченных золотом российской империи. Полученные в ходе этих операций (подписки) иеновые средства должны поступать на оплату стоимости произведенной и поставленной на экспорт в Россию японской военной продукции.

Привлечение иеновых средств под выполнение своих международных обязательств путем выпуска облигационных займов в тот период являлось весьма обычной практикой для японского правительства. Япония еще со времени японо-китайской войны 1894-1895 гг. придерживалась линии на разделение государственного бюджета с иными целевыми кредитно-финансовыми программами.

В годы Первой мировой войны, наряду с бюджетом Минфина императорской Японии, был открыт “Специальный счет чрезвычайных военных расходов”, поступления по которому за все время его действия (до 1925 г.) составили 900,5 млн. иен. Из этой суммы 305,6 млн. иен представляли собой перечисления из бюджета, тогда как большая часть — 555,8 млн. иен — поступления от займов. Суммы, реализованные от выпуска займов, предназначались для кредитования союзников — Англии, Франции, России.¹⁴

Однозначно определить размеры мобилизованной на внутрияпонском рынке в ходе подписок на облигации Минфина России денежной массы достаточно сложно.

Японию в годы войны захлестнул поток различного рода облигаций, векселей, выпуск которых давал правительству возможность, не используя собственные средства из бюджета, многократно осуществить акции по привлечению финансов под зарубежные гарантийные обязательства.

Именно в этот отрезок времени стремительно росли так называемые “излишки” доходов над расходами в японском бюджете. Если в 1914/1915 ф. гг. они составили 13% общей суммы государственных расходов, то в 1922/1923 ф. гг. достигли 46%. Вместе с тем эти излишки представляли собой одну из наиболее темных статей бюджета. Английский экономист А.Пули, характеризуя японское понимание бюджетного излишка, писал: “Согласно японской системе это некая сумма из невидимого резерва, употребляемая для покрытия превышения расходов над доходами. Это может быть и остаток от займа, и даже новый заем, и неизрасходованные ведомственные остатки...”¹⁵

Другими словами, в Японии было принято создавать излишки доходов путем выпуска займов, их дополнительной конверсией. Сформировав таким образом излишек в бюджете одного года, правительство записывало его вторично как доход следующего года. Эта процедура повторялась неоднократно, в результате создавалась видимость устойчивого финансового благополучия, непрерывного нарастания некоторой свободной наличности государственного казначейства.

Облигации российских военных займов также трижды (1916, 1917, 1918 гг.) подверглись эмиссии на японском финансовом рынке, при этом во всех случаях подписок на них сумма займа — 50 млн. иен — не изменялась.

Трижды выпускавшийся заем использовался с 17 июня 1916 г. государственным Банком Японии в том числе для финансирования деятельности японских частных банков." Так, 16 декабря 1916 г. японский банк "Тайван" кредитруется на 1,5 млн. иен под залог облигаций Минфина императорской России.¹⁶

Что касается российского облигационного займа в 70 млн. иен (от 14 августа 1916 г.), то проведенная 30 августа 1917 г. его повторная эмиссия и конверсия показали, что по состоянию на 20 сентября 1917 г. не привлеченный остаток средств по этому займу составлял 58,7 млн. иен.¹⁷

В последующем (с января 1918 г.) японское правительство приняло решение об обмене находившихся у частных банков и лиц обязательств российского казначейства на 5-процентные краткосрочные бонны японского государственного казначейства, взяв тем самым на себя урегулирование финансовых претензий.¹⁸

Причины, породившие в 1916-1917 гг. задержки с привлечением средств под российские военные займы, проистекали прежде всего из того, что японская военная промышленность того периода не могла в сжатые сроки выполнить колоссальные заказы государств антигерманской коалиции по производству и экспорту военной продукции. Помимо изыскания свободных средств под выполнение российско-японских соглашений, в течение 1916 г. Япония осуществила эмиссию и подписку на облигации военных займов Франции — 40 млн. иен (8 апреля 1916 г.), Англии — 120 млн. иен (октябрь-ноябрь 1916 г.). В этот же отрезок времени она была вынуждена регулярно обеспечивать эмиссию ценных бумаг под многократные госзаймы Китая.

На сроки реализации договоренностей о размещении российских займов влияло также отсутствие в Японии того периода соответствующих законодательных актов, регулировавших порядок операций с иностранными ценными бумагами на внутреннем рынке. "Закон о чрезвычайных казначейских облигациях" и "Закон об особом учете поступлений от чрезвычайных казначейских облигаций" были опубликованы только 21 июля 1917 г.

Несмотря на указанные сложности, российско-японские торговые и кредитно-финансовые отношения периода Первой мировой войны носили многоплановый характер.

Уже с 1915 г. активно прорабатывается соответствующий механизм для их поступательного развития, что нашло отражение в продвижении проекта учреждения совместного Русско-Японского банка (РЯБ).¹⁹

Конкретные формы данная идея приобрела к 1917 году. На ее реализации настаивал в частности Минфин Японии. Представитель этого министерства в России Ц.Имамура провел соответствующие переговоры с министерством финансов России, крупнейшими российскими коммерческими банками (Русско-Азиатским, Золотопромышленным, Московским Промышленным банком), в ходе которых было достигнуто принципиальное согласие на учреждение РЯБ.

Планом формирования совместного банка предполагалось, что он будет иметь статус акционерного, вложения России и Японии в уставной капитал составят равные доли, исчисляемые в совокупном размере 5 миллионами рублей. Учреждение банка планировалось произвести в пять этапов. На начальном этапе капитал банка формировался за счет государственных взносов, на последующих — путем эмиссии РЯБ акций и других ценных бумаг. На завершающем этапе уставной капитал банка должен был достигнуть 21,2 млн. рублей.

По замыслу учредителей, штаб-квартиру РЯБ намечалось открыть в Петрограде, отделения в гг. Токио, Осаке, Владивостоке, Москве (1-й этап), в

Иркутске, Благовещенске, Одессе (2-й этап), в Лондоне и Нью-Йорке (3-й этап). Председателем правления банка планировалось назначить подданного России, заместителем — подданного Японии.

Перед РЯБ выдвигались такие первоочередные задачи, как содействие политическому сближению двух государств, развитию торгово-экономических связей, кредитно-финансовое обслуживание японо-российских торговых сделок, привлечение свободных капиталов на рынках двух стран для последующего финансирования проектного сотрудничества, помощь другим кредитным организациям в налаживании межбанковского взаимодействия. Учреждаемый банк мог получить наименование “Дружба” (японское название — “Консин”).

После октябрьской революции 1917 г. реализация проекта стала невозможной. Однако МИД Японии не исключал повторного возвращения к нему после стабилизации внутривнутриполитической ситуации в России. Так, в соответствии с указанием заведующего Департаментом МИД Японии Есидзава от 14 июля 1920 г., внешнеполитическим ведомством в тот период было принято решение о том, что “1200 мешков с российским золотом на общую сумму 22—23 млн. рублей, находящихся в распоряжении Японии, необходимо хранить в Японской государственной компании вплоть до учреждения Русско-Японского банка”.²⁰

* * *

Если оценивать в целом состояние торговых и кредитно-финансовых отношений России и Японии в период до октября 1917, то необходимо отметить, что оно во многом находилось под воздействием политических факторов и их уровень зависел от масштабов межгосударственного взаимодействия двух стран.

Несомненным является тот факт, что российские военные заказы 1915-1917 гг. сыграли важную роль в становлении экономики Японии, модернизации ее промышленного производства, укрепили международный престиж иены, выдвинули Японию в число региональных центров финансовых расчетов.

В этом смысле пример военно-торгового и кредитно-финансового сотрудничества Японии и России периода Первой мировой войны показывает, что при наличии политической воли и создании соответствующего механизма кредитования, двусторонние торгово-экономические связи могут заметно расширяться, сформировав условия для реализации неостребованного прежде потенциала взаимодействия экономик двух стран. При этом возможны нестандартные решения по целому кругу проблем, представляющих интерес для политических и деловых кругов, в том числе в отношении выбора конкретных форм обеспечения кредитов, привлечения иностранных заемных средств, погашения возникающей задолженности.

“Изначально интегрирующим” фактором выступали военные заказы России. Однако они в последующем инициировали взаимодействие в других, “гражданских” сферах, прежде всего в области финансового сотрудничества.

Опыт военно-торгового партнерства и попытку сформировать на его основе российско-японский финансовый орган можно рассматривать как первый пример совместной промышленно-финансовой кооперации. Конечно, это был своеобразный опыт в достаточно неординарной обстановке военного времени того исторического прошлого. Вместе с тем он показывает, какой серьезный потенциал экономического и финансового взаимодействия имеется в наших двусторонних отношениях.

Идея об учреждении Российско-Японского банка была частично реанимирована в новых условиях Президентом России в ходе его визита в Японию в 1998 году. Она нашла поддержку в японском руководстве, согласившемся с предложением об учреждении Российско-Японской инвестиционной компании

(ПРАИК), а в последующем — совместного Общества по содействию торговле и инвестициям. Вместе с тем практическая реализация этих конструктивных проектов все еще пробуксовывает.²¹ А ведь именно этот орган мог бы сыграть важную роль в обеспечении деловых кругов обоих государств необходимой информацией для активизации двусторонних деловых контактов, придания торгово-экономическим связям поступательного характера.

Необходима политическая настойчивость и последовательность на самом высшем уровне, чтобы в условиях развития интеграционных тенденций в Северо-Восточной Азии еще раз вернуться к созданию механизмов двусторонней интеграции, способных сдвинуть российско-японские деловые связи с “мертвой” точки, восполнить пробел “несовершенства информации” и тем самым повысить эффективность рыночных механизмов. Тем более, что обсуждаемые в настоящее время двусторонние и многосторонние проекты сотрудничества — прокладка нефтепроводов из Сибири до Находки, железнодорожных и энергетических “мостов” между Россией и Японией настоятельно требуют учреждения интеграционных институтов, способных управлять региональным и двусторонним экономическим порядком.

1. Стиглиц, Джозеф. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 254.
2. Маринов В. Россия и Япония перед Первой мировой войной. М.: Наука, 1974. С. 89.
3. Тодорович Д. Японо-русская торговля. Харбин, 1916. С. 30.
4. Annual return of foreign trade of the empire of Japan. Tokyo, 1920-1925. P. 1-2.
5. Тесэн гинкочи [История Банка Тесэн]. Токио, 1985. Ч. 1. С. 17.
6. Там же. Ч. 2. С. 193.
7. Akutagawa T. The History of Japanese Anns. Tokyo, 1986. P. 31.
8. ЦГИА, ф. 1276, оп. 7, д. 452, л. 15. Особый журнал Совета министров от 21.04.1911.
9. Uyehara. The Industry and trade of Japan. Tokyo. P. 16.
10. Сидоров А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960.
11. Moulton, Harold. Japan economic and financial appraisal. Washington, 1931. P. 594.
12. Нихон кинью нэнпе [Финансовый ежегодник Японии]. Токио, 1997. С. 98.
13. Сэйдзи кэйдзай дайэнпе [Политико-экономический ежегодник Японии]. Токио, 1971. Ч. 1. С. 922.
14. Болдырев Г. Финансы Японии. М., 1946. С. 168.
15. Pooley A. Japan at the cross roads. London, 1917. P. 193.
16. Нихон кинью нэнпе. P. 98.
17. Дзидзи симбун. 1917. 12 сентября.
18. Сидоров А. Указ. соч.
19. Парламентская библиотека Японии. Архив “Седа”. № 543-544.
20. Татаи Е. Тайрику-ни вататта эн-но донто [Проникновение иены на материк]. Токио, 1997. С. 73.
21. Нихон кэйдзай симбун. 1998. 20 апреля.

Мемуары

Токийский трибунал 1946 года (из воспоминаний участника процесса)

© 2004

А. Николаев

Вступление Советского Союза в войну против Японии и победоносные операции советских войск на Дальнем Востоке в короткие сроки решили судьбу японского милитаризма и привело к окончанию Второй мировой войны.

На Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании, проходившем в декабре 1945 года, было принято решение о том, что главнокомандующий союзных держав в Японии будет проводить все мероприятия, необходимые для осуществления условий "капитуляции, оккупации и контроля над Японией". К данному решению присоединился и Китай.

В итоге дипломатических переговоров между заинтересованными государствами — СССР, США, Великобританией, Китаем, Францией, Австралией, Канадой, Новой Зеландией и Голландией — было достигнуто соглашение о том, что главных японских военных преступников будет судить Международный военный трибунал, состоящий из представителей девяти названных государств. Позже к этому соглашению присоединились Индия и Филиппины.

Таким образом, Международный военный трибунал в Токио состоял из 11 судей. Трибунал был создан на основании приказа "Об организации Международного военного трибунала для Дальнего Востока", подписанного 19 января 1946 года главнокомандующим союзных держав на Дальнем Востоке американским генералом Д.Макартуром. Им же был утвержден устав трибунала.

В соответствии с этим приказом назначался главный обвинитель, который являлся ответственным за расследование дел и поддержание обвинения.

Важно отметить, что Международный военный трибунал в Токио начал свою работу спустя два месяца после того, как Черчилль 5 марта 1946 года в присутствии президента США Г.Трумэна выступил в Фултоне (США) с резко антисоветской речью, в которой предложил образовать англо-американский военный союз "для борьбы с коммунизмом". В этой речи Черчилля, по сути, была изложена программа "холодной войны", развязанной Западом против СССР. Ее начало определенно отразилось на работе Международного военного трибунала в Токио.

Секретариат советской части Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Слева направо: судебный секретарь гвардии капитан юстиции А.Н.Николаев, начальник секретариата полковник юстиции Н.А.Виноградов, судебный секретарь майор юстиции Е.Н.Гарянин.

Токийский трибунал был назначен приказом главнокомандующего союзных держав в составе следующих одиннадцати судей: В.Пэл (Индия); Б.Фоллинг (Голландия); С.Макдугалл (Канада); У.Патрик (Великобритания); М.Крамер (США); У.Уэбб (Австралия); Д.Мэй (Китай); И.М.Зарянов (СССР); А.Бериар (Франция); Э.Норткрофт (Новая Зеландия); Д.Джаранилла (Филиппины). Председателем трибунала был назначен австралийский судья У.Уэбб.

Интересно отметить, что председатель Уэбб с подчеркнутым уважением относился к члену трибунала от СССР — генерал-майору юстиции И.М.Зарянову, который своим опытом, знаниями, тактичным поведением вызывал симпатии окружающих.

Главным обвинителем на Токийском процессе был представитель США — Дж. Кинан, который через некоторое время после своего назначения был отозван в США и вернулся в Токио лишь в августе 1947 года. После консультаций в Вашингтоне он заметно изменил свою позицию по сравнению с той, которую занимал в начале Токийского судебного процесса. На его поведении в трибунале, несомненно, сказалась новая, резко антисоветская, внешнеполитическая программа правительства США, изложенная 12 марта 1947 года Президентом Трумэнном ("доктрина Трумэна"). Политика холодной войны была возведена в ранг официальной внешней политики США. По прибытии в Токио Кинан рекомендовал генералу Макатуру освободить из тюрьмы Сугамо 23 японских заключенных, обвинявшихся в совершении военных преступлений. Среди них были представители крупного монополитического капитала Японии. Макатур своим приказом в августе 1947 года освободил этих лиц.

На заседании трибунала 25 сентября 1947 года Кинан в ходе перекрестного допроса адмирала Окада всячески стремился показать, что император Японии Хирохито не желал развязывания войны, и в подтверждение этого заявил: "...Я, как главный обвинитель, назначенный согласно Уставу, почтительно обращаю внимание трибунала на тот факт, что лиц, находящихся сейчас на скамье подсудимых, мы считаем ответственными за развязывание этой войны. Если бы были ответственны и другие лица, они тоже сидели бы на скамье подсудимых"*.

В высказывании главного обвинителя сквозила мысль о том, что император Японии, будучи верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, не был виновен в развязывании войны, поскольку его не было на скамье подсудимых.

Защита главных японских военных преступников осуществлялась американскими и японскими юристами, причем у каждого подсудимого был свой персональный адвокат. Американские защитники неоднократно подчеркивали, что прибыли в Международный военный трибунал по назначению военного министра США и выступают на нем от имени американского народа. Главным американским защитником являлся майор Блекни.

Японская защита была сформирована из ведущих юристов Японии. Главным японским защитником был доктор права Удзава — член верхней палаты японского парламента.

На скамье подсудимых токийского военного трибунала находились 28 главных японских военных преступников, каждый из которых имел весьма длинный послужной список. Так, в карьере Х.Тодзио** значилось 120 служебных должностей, которые он занимал в разное время, 23 почетных звания и 77 наград. Из 28 японских деятелей, преданных суду Международного военного трибунала, 18 являлись профессиональными военными.

Главным военным преступником, находившемся на скамье подсудимых в Международном военном трибунале в Токио был генерал Х.Тодзио, который по сути являлся политическим и военным лидером Японии. Он взял на себя ведущую роль в осуществлении планов японской военщины по установлению господства не только в Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. На судебных заседаниях он был облачен в японский военный мундир, но уже без генеральских погон. Сидя на скамье подсудимых, среди бывших подчиненных ему министров и военачальников, Тодзио пытался сохранить апломб премьер-министра. Но он знал, какой приговор его ожидает и еще до суда пытался покончить с собой, но неудачно. В течение месяца он находился в военном госпитале, а затем был заключен в тюрьму Сугама. Уже находясь в тюрьме, он вновь пытался совершить самоубийство, но тюремный полицейский воспрепятствовал этому.

За что же судили главных японских военных преступников? В соответствии с Обвинительным актом, составленным от имени одиннадцати Объединенных Наций и представленным Международному военному трибуналу 29 апреля 1946 года, 28 подсудимых обвинялись в совершении преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, которые были определены уставами Международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио.

* Стенограмма Токийского процесса от 25 сентября 1947 г.

** Х.Тодзио — полный генерал, военный министр в 1940-1941 гг.; с декабря 1941 г. до июля 1944 г. — премьер-министр и одновременно военный министр.

Во вступительной части Обвинительного акта содержалась общая политическая характеристика преступной деятельности правящих кругов Японии. В частности, указывалось, что на протяжении многих лет "внутренняя и внешняя политика Японии возглавлялась и направлялась преступной милитаристской кликой, и эта политика была причиной серьезных мировых потрясений, угрожавших интересам народов мира и самого народа Японии".

Обвинительный акт состоял из 55 пунктов, содержащих общие обвинения в отношении всех подсудимых с указанием виновности каждого в отдельности и был подписан главным обвинителем от имени США и десятью обвинителями от других стран, включая СССР.

В пункте 1 Обвинительного акта было сформулировано обвинение в составлении или исполнении имевшего характер заговора общего плана, ставившего целью установить военное, политическое и экономическое господство Японии над Восточной Азией, Тихим и Индийским океанами.

Этот пункт обвинения разоблачал выдвинутую Тодзио, Того, Хасимото, Минами и другими японскими лидерами идею создания "Великой восточной сферы процветания" под руководством японской нации, которая включала бы в себя собственно Японию, Маньчжурию, Китай, Филиппины, Австралию, Голландскую Восточную Индию, Алеутские острова, Таиланд, Малайзию, Бирму, Новую Гвинею и некоторые другие страны, а также восточную часть Советского Союза.

Первое открытое заседание Международного военного трибунала для Дальнего Востока началось 3 мая 1946 года в Токио в здании бывшего военного министерства.

В краткой вступительной речи председатель трибунала Уэбб заявил:

"Мы будем вести наше заседание с максимальной быстротой, не нарушающей справедливости в отношении обвиняемых". После этого было оглашено обвинительное заключение и опрошены подсудимые. Все они заявили, что не признают себя виновными по всем пунктам обвинительного акта.

4 июня 1946 года началась фаза обвинения. С большой речью на процессе выступил главный обвинитель Кинан, который, в частности, сказал: "Это не обычный процесс, так как он является частью битвы, которую ведет цивилизация за спасение всего мира от полного уничтожения. Эта угроза уничтожения исходит не от сил природы, а от заранее спланированных преднамеренных действий как отдельных лиц, так и членов различных групп, которые хотят привести мир к преждевременному концу в своем безумном стремлении к господству".

После речи Кинана обвинение приступило к представлению доказательств. Трибунал принял от обвинения в качестве доказательств 2485 документов, 561 письменное свидетельское показание и допросил в суде 109 свидетелей. Стенограмма этой стадии судебного процесса составила 16259 страниц.

8-21 октября 1946 года советское обвинение представляло доказательства по разделу обвинительного акта "Агрессия Японии против СССР". С яркой речью выступил обвинитель от СССР член-корреспондент АН СССР С.А.Голунский.

По окончании девятимесячной фазы обвинения, 24 февраля 1947 года началась фаза защиты, которая длилась почти 10 месяцев. Американские и японские адвокаты пошли в лобовую атаку против трибунала и обвинения. Сначала они заявили отвод председателю трибунала Уэббу, потом члену трибунала от Филиппин Джаранилле. Затем они выступили с рядом ходатайств, основной смысл которых сводился к тому, что данный трибунал является неза-

конным, а все подсудимые — невиновными и поэтому их следует освободить из-под стражи. Рассмотрев все эти ходатайства и заслушав доводы защиты и обвинения, трибунал признал ходатайства безосновательными и отклонил их.

После завершения судебного следствия была оглашена заключительная речь обвинения. В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором каждый из четырех главных обвинителей выступал самостоятельно, на Токийском судебном процессе была лишь одна заключительная речь со стороны обвинения. Ее вступительная часть была произнесена главным обвинителем, а остальные разделы — дополнительными обвинителями и их помощниками. Для оглашения всей речи обвинения потребовалось 14 дней работы трибунала. Ее объем составил 3126 страниц стенограммы судебного процесса.

В речи обвинения был подведен итог двухгодичного судебного процесса, раскрыто его политическое значение, представлены анализ и оценка доказательств, выдвинутых обвинением, разоблачены и подвергнуты критике маневры защиты, показана неполноценность представленных ею доказательств, необоснованность ее выводов и заключений, рассмотрены правовые вопросы, касающиеся судебного процесса, дан подробный анализ преступлений, совершенных всеми подсудимыми и каждым из них в отдельности, сделан вывод о том, что подсудимые совершили тяжчайшие преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности и должны понести суровое наказание.

Во вступительной части речи обвинения, в частности, говорилось: "...Доказательства показывают, что правящая клика Японии проводила агрессивную политику против СССР, совершала акты агрессии, и в течение ряда лет подготавливала крупномасштабную войну против Советского Союза".

Советский обвинитель, оглашая раздел заключительной речи, касающийся агрессии Японии против СССР, отметил, что цель приговора трибунала — "осудить японскую агрессию против миролюбивых народов, сурово покарать главных японских военных преступников и этим помочь превращению Японии в мирное демократическое государство, предохранить мир от новой агрессии, предостеречь тех, кто, ослепленный сумасбродной идеей мирового господства, идеями захвата чужих земель и покорения народов, захотел бы осуществить что-либо подобное тому, во имя чего развивали свою преступную деятельность японские сподвижники Гитлера".

4 ноября 1948 года был подготовлен и согласован текст приговора, который занимал 1214 страниц. Примечательно, что приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге составил 340 страниц.

Приговор состоял из трех основных частей: в части I (А) излагались общие вопросы, относящиеся к судебному процессу; в частности II (Б) описывались конкретные преступные действия и факты, установленные в ходе судебного следствия; в части III (В), были сформулированы выводы трибунала по отдельным пунктам Обвинительного акта, устанавливалась виновность каждого подсудимого и определялась мера наказания каждому из них.

Значительное место в приговоре было отведено японской агрессии против СССР. В частности, там было записано: "Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода (1928-1945. — А.Н.), что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке".

В приговоре содержались факты, доказывающие, что сразу же после захвата Маньчжурии Япония начала планировать захватническую войну против СССР, чтобы "продвинуться, по крайней мере, до озера Байкал".

"В 1942 году, — говорилось в нем, — японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали новые планы агрессивной войны против СССР, которые оставались в силе и на 1943 год. Согласно этим планам, война против СССР должна была начаться после сосредоточения в Маньчжурии около 30 дивизий. Эти планы, как и планы, составленные ранее, не были претворены в жизнь. В то время военные перспективы стран оси — Германии, Италии и Японии — стали ухудшаться. Они вынуждены были переходить к стратегической обороне, и такая авантюра, как намеченное Японией нападение на СССР, становилась все менее и менее реалистичной... Трибунал установил, что, во всяком случае, до 1943 года Япония не только планировала агрессивную войну против СССР, но также активно продолжала готовиться к такой войне".

В приговоре указывалось, что так называемый "Антикоминтерновский пакт", заключенный между Японией и Германией 25 ноября 1936 года, к которому через год присоединилась Италия, а также пакт о союзе Германии, Японии и Италии от 27 сентября 1940 года были направлены в первую очередь против СССР.

Что касается пакта о нейтралитете, заключенного Советским Союзом и Японией 13 апреля 1941 года в Москве, то в приговоре отмечалось, что Япония не была искренней при заключении этого пакта и использовала его как ширму для оказания помощи Германии и для подготовки нападения на СССР.

Трибунал в своем приговоре признал, что Япония вела агрессивную войну против Китая и развязывала войну на Тихом океане, совершив агрессию против США, Великобритании, Голландии, Франции и других стран.

В приговоре подробно описывались военные преступления японской военщины, осуждаемые международными конвенциями, в том числе Женевской конвенцией о военнопленных 1929 года. В нем содержались многочисленные факты массовых убийств, истязаний, пыток военнопленных и мирного населения.

Как уже отмечалось выше, в начале Токийского судебного процесса на скамье подсудимых находились 28 человек. Подсудимые Мацуока и Нагамо умерли во время судебного процесса, и дело в отношении их было прекращено. Подсудимый Окава оказался психически больным, был признан невменяемым, и дело в отношении его было приостановлено производством.

Таким образом, к концу судебного процесса на скамье подсудимых оставались 25 человек, из них 7 человек были приговорены к смертной казни через повешение; 16 человек — к пожизненному заключению; один — к 20 и один — к 7 годам лишения свободы.

В нарушение всех норм международного права Верховный суд США принял к своему рассмотрению жалобы осужденных на приговор Международного военного трибунала. Только под давлением международного общественного мнения правительство США выступило против вмешательства Верховного суда своей страны в приговор Международного военного трибунала. Верховный суд США был вынужден отказаться от рассмотрения жалоб осужденных, и приговор к смертной казни через повешение в отношении семи осужденных был приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1948 года между 0 часов и 0 часов 30 минутами во дворе тюрьмы Сугамо в Токио.

Судебный процесс над главными японскими военными преступниками в Токио, как и процесс над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге, сыграл свою важную историческую роль.

Международный суд осудил агрессивную войну, как тягчайшее преступление против человечества и сурово наказал тех, кто планировал, подготавливал и развязывал войны с целью установления господства над другими странами.

Суд в Токио раскрыл политический, экономический, идеологический и военный механизм подготовки Японии к агрессивным войнам, характер и цели японского милитаризма, его планы порабощения других народов, его преступные захватнические войны, в результате которых сам японский народ, а также народы других стран понесли бесчисленные людские жертвы и огромные материальные потери.

Нюрнбергский и Токийский международные военные трибуналы своими приговорами создали фундаментальную международно-правовую базу для суда над военными преступниками, независимо от их ранга и служебного положения.

Следует обратить внимание на то, что на Токийском процессе японские адвокаты не поднимали вопроса о Курильских островах и не ставили под сомнение правомерность передачи их Советскому Союзу по решению, принятому на Крымской конференции руководителей СССР, США и Великобритании в 1945 году. Более того, в заключительной речи защиты говорилось: "Если какое-либо действие японского правительства являлось незаконным согласно международному праву или было объявлено незаконным в соответствии с международным договором, который Япония согласилась соблюдать, или если Япония была побеждена в войне, вся нация должна испытывать на себе последствия этого. Она должна в зависимости от обязательств платить репарации, или возместить ущерб, или должна быть лишена своей территории".

Как отмечалось в приговоре Токийского трибунала, Япония в нарушение международного права и международных договоров планировала, развязывала и вела агрессивные войны против Китая, СССР, США, Великобритании и других стран и потерпела в них поражение. 2 сентября 1945 года она подписала Акт о капитуляции. Следовательно, потеря Японией Курильских островов в итоге Второй мировой войны является вполне обоснованной и правомерной, а нынешние претензии Токио на эти острова представляются безосновательными.

Научная жизнь

В Центре исследований безопасности в АТР, Гонолулу

Центр исследований безопасности в АТР (Asia-Pacific Center for Security Studies — APCSS) был основан 4 сентября 1995 г. Тихоокеанским командованием Соединенных Штатов (РАСОМ) по инициативе Вильяма Перри, тогдашнего министра обороны США.

Первоначально предполагалось, что Центр во многом будет аналогичен Центру Маршалла (Мюнхен), у которого была вполне конкретная задача: после падения Берлинской стены государства Восточной Европы и бывшего СССР вошли в переходный период, в котором они нуждаются в направляющем обучении. Обучение это было призвано, с одной стороны, помочь этим странам подготовить компетентные кадры, а с другой, — привить "понимание того, что такое демократия". Однако затем направленность несколько сменилась, и сейчас, согласно официальному статусу, APCSS существует "для усиления сотрудничества и установления взаимоотношений между военными и гражданскими представителями США и других стран АТР посредством совместного изучения общих вопросов безопасности".

Центр фокусируется на многостороннем подходе к понятию безопасности, обращая особое внимание на ее невоенные аспекты, — от национально-культурных или религиозных особенностей до экологии или энергетики. Основной упор в его работе делается на то, чтобы дать представителям самых разных стран третьего мира общую методологию как комплекс подходов к различным аспектам понятия "безопасность" и возможность в свободной обстановке обсудить наиболее проблемные и совместно искать способы их решения. Кроме этого, такой свободный обмен суждениями на любые темы служит источником аналитической информации о том, как воспринимает происходящие в регионе процессы, в том числе и политику США, — то самое среднее звено представителей стран АТР, которое через 3-5 лет станет принимать решения стратегического плана.

Политическая индоктринация не является главной деятельностью Центра. Если она и есть, то проводится деликатно и направлена скорее на то, чтобы "синхронизировать терминологию" и заставить людей мыслить в единой парадигме.

Более того, по многим проблемам точка зрения специалистов Центра, мягко говоря, не совпадает с позицией администрации Дж. Буша, отражая мнение профессиональных военных, которые лучше, чем политики, представляют себе "цепу крови". А в некоторых вопросах (в том числе касающихся ряда моментов положения дел на Корейском полуострове) она оказывается более близкой точке зрения КНР.

Представляется, что такой характер деятельности Центра во многом связан с личностью его нынешнего руководителя — генерала Хэнка Стэкпуола

(Stackpole) — генерал-лейтенанта морской пехоты в отставке, отдавшего службе в Азии большую часть своей военной карьеры и завершившего ее в звании Командующего морской пехотой США на Тихом океане. Он известен также активной работой в Японии и Республике Корея (создание в это стране морской пехоты — во многом его заслуга), и, в особенности, проведением гуманитарной операции “Морской Ангел” (1991 г., Бангладеш — ликвидация последствий супертайфуна Мэрион), которую многие специалисты по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций считают идеально проведенной операцией такого рода, в том числе — и с политической точки зрения: редкий случай, когда присутствие на территории чужой страны восьмидесяти тысяч контингента американской морской пехоты обошлось не только без политических последствий, но и без каких бы то ни было эксцессов или конфликтов с местным населением.

В связи с этим такая проправительственная газета как “Вашингтон Таймс” описывает генерала как человека, находящегося в немилости у Рамсфелда и Со за его антибушевскую и во многом прокитайскую позицию. Вашингтон держит Центр в своего рода опале и даже предпринимал попытки сместить Стэкпоула с поста президента Центра, однако, благодаря поддержке Тихоокеанского командования, Центр живет в том виде, в каком он есть. Не имея пока возможности оказывать существенное влияние на выработку властных решений в Вашингтоне, он, тем не менее, способен формулировать политику на региональном уровне РАСОМ.

Деятельность Центра развивается в трех основных направлениях — научно-исследовательская работа, проведение конференций на различные темы, так или иначе связанные с безопасностью в АТР, и проведение своего рода “курсов повышения квалификации” в рамках Института исследований безопасности (College of security studies). Три раза в год Институт проводит 12-недельные курсы повышения квалификации, на которые от имени правительства США приглашаются военные в званиях от подполковника до генерал-майора, дипломаты, госслужащие, реже — научные работники в ранге руководителей среднего звена, соответствующих по статусу и уровню ответственности названным военным званиям. Средний возраст “курсантов” — 45-50 лет, и в потоке автор этих строк, проходивший в Центре стажировку в сентябре-декабре 2003 г., был самым молодым. Первый поток курсы приняли 23 сентября 1996 г.

Программа обучения состоит из обязательного “основного курса” и нескольких курсов по выбору, на которых та или иная затронутая на основном курсе тема подробно рассматривается в деталях. Число этих курсов на разных потоках разное, но в среднем их бывает 15-20, и они касаются как отдельных регионов или стран, так и проблем общего характера (рекомендуемое число таких курсов — 2-3) Палитра этих курсов может быть понятна хотя бы по тем четырем, которые посещал я: “Современная Корея”; “Ведение переговоров и разрешение конфликтов”; “Историческое наследие стран Восточной Азии”; “Пресса и безопасность”. Отдельные темы посвящены месту и роли армии в современном обществе, взаимоотношениям военных и гражданских, в том числе — в ходе проведения миротворческих операций.

К сожалению, очень многие из этих курсов проходили в одно и то же время, и потому я не смог прослушать минимум еще два курса, представляющих для меня большой интерес. Это курс по информационной безопасности, включающий в себя как чисто технические вопросы, связанные с проблемой защиты информации и новыми информационными технологиями, так и вопросы, связанные с информационным воздействием на окружающих, включая ведение психологической войны и курс по так называемым “межрегиональным проблемам и угрозам”, к которым относят как собственно терроризм, так и торговлю оружием, наркотрафик, контрабанду людьми и так далее.

Программа основного курса состоит из четырех базовых блоков. Первый посвящен установлению понятийного аппарата и дает общий очерк существующе-

го миропорядка, основных “актеров” на международной арене (как государств, так и надгосударственных и негосударственных организаций), а также — “правил игры” (специальные лекции были посвящены международному праву, международной этике и вопросам принятия решений внутри государственного аппарата). Вторым блоком посвящен региональным проблемам и уделяет равное внимание как сверхдержавам, так и малым странам, анализируя специфику региональных особенностей. Третий блок, наиболее обширный, посвящен проблемам общего плана, так или иначе влияющим на международную безопасность, будь то вопросы политического, экономического, социального или экологического характера. Четвертый блок посвящен методикам решения проблем безопасности, в основном, посредством установления сотрудничества в различных формах.

Расскажу немного о том, как проходит собственно учебный процесс. Каждая тема основного курса занимает 4 академических часа. Лекция проходит в емком, полутезисном режиме и сопровождается демонстрацией слайдов презентацией, каковая в печатном виде выдается перед ее началом как своего рода список тезисов, который с моими комментариями и репликами составляет полноценный конспект. Время лекции распределяется так: час насыщенной информации с использованием аудиовизуальных материалов и полчаса — ответы на вопросы с последующим расширением темы на семинаре и сравнительным изучением регионального опыта в режиме “как это делалось у нас в...”.

Затем следует семинар, на котором руководитель группы из числа молодых преподавателей грамотно ведет дискуссию и не пытается навязать свою точку зрения. Скорее он просто подливает масло в огонь или подбрасывает новые темы/ракурсы.

Практически каждый курс включал в себя домашнее (рекомендованное) чтение — статьи или выдержки из книг, призванные пробудить в головах читающих релевантные мысли — большое количество преимущественно газетных и журнальных публикаций либо выдержек из монографий или коллективных трудов.

В обучение входят также как приравненные к курсам по выбору программы совершенствования профессиональных навыков (курсы повышения компьютерной грамотности или владения английским языком), так и разнообразные экскурсии или встречи с приглашенными лекторами. Среди последних встречаются как специалисты-востоковеды из Гавайского университета, так и правительственные чиновники высокого ранга, — вплоть до замминистра обороны по проблемам АТР Ричарда Лоулесса или Главнокомандующего американскими войсками на Тихом океане четырехзвездного адмирала Томаса Фарго.

Квота на присутствие России на этих курсах составляет 3-4 человека, и в случае отбора какой-то кандидатуры Центр полностью оплачивает приглашенному лицу стоимость визы, транспортные и сопутствующие им расходы, включая ночлег в гостинице в пути следования, проживание в кондоминиуме, уровень комфорта в котором соответствует 4-звездному отелю, а также выплачивает суточные в размере 38,5 долларов США на питание и иные текущие расходы. Учащиеся обеспечиваются персональными ноутбуками с круглосуточным подключением к интернету, правом бесплатного ксерокопирования учебных материалов и возможностью по окончании учебного процесса бесплатно отправить на родину всю скопившуюся в период обучения печатную продукцию (разработки, конспекты, рекомендованные статьи и т. п.).

После каждого потока в программе курсов что-то меняется как с учетом требований времени, так и в результате обработки информации, полученной Центром от участников прошедшего потока.

Кроме 12-недельных курсов, описанных выше, Центр проводит и интенсивные курсы продолжительностью 7 дней, рассчитанные на представителей “высшего командного состава” армии и гражданских лиц аналогичного ранга.

Конференции, которые Центр проводит, как минимум, 12 раз в год, посвящены отдельным проблемам, имеющим отношение к АТР, и обычно организуются одним из специалистов Центра, который собирает интересующую его аудиторию, состоящую как из экспертов по данной проблеме, так и из лиц, облеченных властью и ответственностью эту проблему решать.

На подобных конференциях российских представителей достаточно много, но их уровень научной компетентности бывает различным. Создается впечатление, что основным критерием отбора участников таких конференций являются личные связи или рекомендации представителей России, прошедших в Центре курс обучения.

Исследовательский отдел занимается как целевыми исследованиями, так и сбором и публикацией научных работ в тематических сборниках, издаваемых как в печатной, так и в электронной форме.

Преподавательский состав Центра представляет собой группу компетентных специалистов, высокопрофессионально владеющих материалом и методиками его преподавания. Центр располагает небольшой, но очень хорошо подобранной библиотекой полезной литературы, в совершенстве оборудованной системами электронного поиска данных, не говоря уже о доступе в интернет и большой подборке полезных ссылок.

Центр поддерживает тесные связи со своими выпускниками, стараясь создавать на лекциях и семинарах атмосферу совместной творческой работы и академического братства с тем, чтобы неформальные отношения, завязанные между "курсантами" продолжались и после завершения обучения в Центре. Центр наработал хороший комплекс мероприятий по организации чувства семьи, исключавшего конфликты между представителями разных стран.

Центр имеет интернет-сайт www.apcss.org, на котором можно получить более подробный очерк текущей деятельности этого учреждения.

Перейдем от общей характеристики Центра к анализу того, насколько плодотворной оказалась для меня эта командировка.

Так как я не только задавал колкие вопросы многозвездным генералам, но и широко общался со старшими офицерами, значительная часть которых имела опыт службы или работы в РК, я смогу составить подробный очерк того, почему они смотрят на проблемы именно так, и какие различные точки зрения существуют — изнутри Америка куда менее монолитна, чем кажется нашему обывателю. Проблем много, причем внутренние волнуют массы куда больше внешних, и потому шансы переизбрания Буша в президенты не очень высоки.

Следует учитывать и "призму 11-го сентября", через которую американцы воспринимают многие события, и достаточно сильные изоляционистские настроения: многие считают, что сейчас те средства, которые тратятся на поддержание интересов Америки за ее пределами, следовало бы потратить на решение ее растущих внутренних проблем.

Если же суммировать все то, что мне говорили, то можно сделать вывод о том, что единого подхода к северокорейской проблеме у американцев нет, причем чем дольше и глубже тот или иной специалист изучал корейский вопрос, тем менее его точка зрения похожа на ту, которую мы привыкли слышать из уст представителей американской администрации. Создается впечатление, что профессионалы хорошо понимают опасность военного конфликта на Корейском полуострове и настроены решать проблему дипломатическим путем, создав там такую среду, при которой КНДР изменит свою позицию.

Опасность для них представляет не столько северокорейское ядерное оружие само по себе, сколько гипотетический шанс того, что это оружие или технологии его производства через Северную Корею могут попасть в руки лиц или организаций, настроенных по отношению к США гораздо более враждебно. Особенно пугает американских военных перспектива наличия ядерного ору-

жия в руках негосударственной организации, — этот факт разрушит сложившуюся систему ядерного сдерживания, ибо не имеющая своей территории НГО может не опасаться ответного удара, на страхе перед которым построен существующий миропорядок.

В связи с этим обращается особое внимание на некоторую внешнюю несочетаемость принципиальных позиций, которая наблюдается пока в американо-северокорейских переговорах. Тем не менее, ряд преподавателей Центра считает, что противоречие это не настолько непримиримое, и опыт Кэмп-Дэвидского соглашения в отношении Синайского полуострова может быть хорошим примером правильной тактики в этом вопросе (в случае, если целью администрации США действительно является решение проблемы).

Многие процессы, связанные, например, с передислокацией американских войск на Корейском полуострове, объясняются не столько тактическими причинами (вывод своих солдат из зоны действия вражеской артиллерии), сколько стратегическими последствиями революции в военном деле. Одним из них является доктрина “места вместо баз”. Это значит, что существующие средства доставки крупных воинских соединений на поле боя и тенденция к сокращению роли линейных частей армии в захвате неприятельской территории делают военные базы с постоянным гарнизоном ненужными. В критической ситуации войска можно перебросить с любого плацдарма, важно только иметь в нужной точке необходимую структуру для развертывания войск. Постоянный же гарнизон является скорее мишенью для врага.

Сокращение прямого американского военного присутствия связывается и с тем, что теперь американская армия уже не выполняет функции “заградотряда перед Сеулом”. Вооруженные силы РК в состоянии выполнить основную часть боевой задачи.

В американо-южнокорейских отношениях проявляется определенная тревога по поводу роста антиамериканских настроений, которые кажутся представителям США искусственно взвинчиваемыми в политических целях. Однако гораздо больше их волнует начинающееся отчуждение в отношениях между США и РК. Складывается впечатление, что в организации межкорейского диалога Сеул стремится сделать из Америки своего рода “пугало для Севера” с тем, чтобы Пхеньян более активно сотрудничал с Югом. Внешне это похоже на игру в хорошего и плохого полицейского, но параллельно с этим разыгрывается тема “плохой Америки”, которая думает только о военном решении вопроса и вообще использует корейскую карту в глобальной геополитической игре. Это ведет к падению престижа Америки как на Севере, так и на Юге. И, как сказал один из американских офицеров, “нашими руками Сеул пытается таскать каштаны из огня”.

Что же до проблем Северной Кореи, то основной новостью для меня была общая позиция автора этого курса Александра Мансурова, которая сводится к тому, что перестройка в КНДР уже началась и продвинулась достаточно широко и глубоко, напоминая наше начало горбачевской оттепели, когда в открытую никто ни о чем не говорил, но многое уже делалось. В нескольких случаях, когда Ким Чен Ир мог оборвать контакты и вернуться к старому курсу, он этого не сделал. Значит, требования времени уже чувствуются, и если международное сообщество не будет особенно сильно мешать этому процессу, может быть достигнут очень интересный результат.

В заключение мне хотелось бы обрисовать как перспективы взаимодействия между нашими организациями, так и обратить внимание на то, какие аспекты деятельности Центра могут послужить примером для нас, так как сам опыт создания структуры подобной направленности заслуживает, с моей точки зрения, внимательного изучения.

Конечно, сотрудничество между ИДВ и Центром исследования безопасности в АТР было бы чрезвычайно плодотворным, однако, к сожалению, следует

принимать во внимание тот факт, что Центр является, по сути, военной организацией, и установление контактов с такой "гражданской" структурой как ИДВ, не связанной напрямую с армией или правительственными структурами, может потребовать дополнительного обоснования. Ситуацию несколько усугубляет и отсутствие подробной англоязычной информации о деятельности ИДВ РАН.

Представляется, что при должной рекламе специалисты ИДВ могли бы принимать участие в организуемых Центром конференциях, однако вопрос по-прежнему упирается в недостаток англоязычной информации и в слабое знакомство американской стороны с научным наследием ИДВ. В связи с этим я предложил бы изыскать возможность "подписать" Центр на англоязычный вариант "Проблем Дальнего Востока" с тем, чтобы его специалисты могли составить себе впечатление о высоком научном уровне российских ученых, занимающихся проблемами АТР.

Хотя возможности присутствия специалистов ИДВ в числе слушателей курсов на каждом потоке представляются, мягко говоря, малореальными, вариант, при котором каждый год один представитель ИДВ мог бы проходить там обучение, возможен. В последнем случае, учитывая их внимание к выпускникам и стремление продолжать общение с ними, ИДВ постепенно может стать организацией, с которой Центр в этом случае станет поддерживать постоянный контакт. Естественно, тактически правильным будет в качестве следующего представителя нашего института направить в Центр специалиста, который занимался бы вопросами военного сотрудничества.

Ведением публичной деятельности и пропагандой Центра и его достижений занимается специальное подразделение, и это то, чему нам следует у них поучиться. Это особенно важно в текущей российской ситуации, когда на фоне проблем с финансированием академических исследований и обилием псевдоученых, поющих с чужого голоса ради получения зарубежного гранта, голос настоящих профессионалов часто оказывается неслышным.

Работа с общественным мнением может носить характер и публичного лектория, и аналогичных действий по охвату интернет-аудитории за счет более эффективного использования возможностей сайта ИДВ. Хотя ИДВ РАН не является учебным заведением, нам, возможно, следует обращать больше внимания на вузы и факультеты востоковедной направленности, отслеживая перспективных студентов и аспирантов и поощряя их интерес к занятиям наукой. Так мы можем готовить будущую смену.

Чрезвычайно интересен для нас и опыт организуемых Центром краткосрочных курсов повышения квалификации. На заседании редколлегии журнала "Проблемы Дальнего Востока" директор ИДВ М. Л. Титаренко обратил внимание на то, что большинство правительственных чиновников, занимающихся различными аспектами проблем АТР, черпают свои сведения об этом регионе не из первых рук или от компетентных специалистов-востоковедов, а из прессы, как российской "демократической", так и зарубежной. Это способствует тому, что в их мозгу складываются своего рода штампы или бренды, затеняющие реальное положение дел и негативно влияющие на эффективность российской политики в том или ином вопросе. Представляется, что силами научного коллектива ИДВ можно было бы проводить регулярные циклы интенсивных краткосрочных учеб для чиновников среднего и высшего звена, занимающихся АТР, с целью повышения их профессиональной компетентности.

Корея в поисках мира и процветания

Под таким названием 25-26 марта 2004 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась 8-я ежегодная конференция российских корееведов, посвященная актуальным проблемам Корейского полуострова и вопросам региональной безопасности в нынешнее непростое время.

С приветственным словом к участникам обратились директор ИДВ РАН академик М. Л. Титаренко, Посол Республики Корея в Российской Федерации Чон Тэ Ик и заместитель директора Первого Департамента Азии МИД РФ В.Е.Сушинин. В конференции приняли участие около 60 человек — ученые, аспиранты, студенты, представители государственных структур, деловых кругов, средств массовой информации.

Ход форума в очередной раз показал, что организованная Центром корейских исследований ИДВ РАН конференция стала мероприятием действительно всероссийского масштаба. Среди докладчиков были кореееды из Санкт-Петербурга, Владивостока, Сургута, Магнитогорска и Бурятии. В Москву приехали как представители ведущих российских научных центров, занимающихся Кореей, так и российские ученые, в настоящий момент работающие за рубежом. Особенно обнадеживающим для будущего корееведения стало то, что больше половины участников конференции было в возрасте до 35-ти лет, — аспиранты и молодые ученые, принимавшие активное участие в научной дискуссии.

Представленные на конференции доклады охватывали весь спектр корееведческих исследований в России. По сравнению с прошлой конференцией значительно больше оказалось докладов, посвященных не только современной политике и экономике, но и традициям, истории и культуре Кореи.

Путь к осознанию настоящего и предсказанию будущего лежит через понимание прошлого. Именно потому целый ряд выступлений был отведен вопросам правильного понимания и освещения исторических фактов, юбилейным датам в истории российско-корейских и международных отношений на Дальнем Востоке, отмечаемым в 2004 году. В их числе — 120-летие установления межгосударственных отношений между нашими странами, 140-летие начала переселения корейцев на российский Дальний Восток, 100-летие начала русско-японской войны. На конференции с удовлетворением отмечалось, что, организовав соответствующие мероприятия по случаю подвига российских моряков крейсера "Варяг", правительство и общественность Республики Корея проявили чувство исторической ответственности и дальновидности и тем самым содействовали укреплению взаимопонимания и дружбы между народами наших стран.

Сегодня можно по-разному оценивать роль России в корейской истории конца XIX-начала XX веков. Однако главная цель России состояла в том, чтобы сохранить независимость Кореи, не допустить поглощения ее другими государствами. Только экономическая и военная слабость России на Дальнем Востоке в тот период не позволила ей отстоять независимое развитие корейского государства.

На конференции отмечалось, что Россия искренне заинтересована в том, чтобы Север и Юг Кореи добились мирного объединения, чтобы единая Корея была демократическим, процветающим государством, которое проводило бы миролюбивую политику в отношении России и других соседей, активно сотрудничала бы с ними в различных областях. Это отвечало бы интересам не только России, но и самого корейского народа, стремящегося к национальному единству.

Второй блок проблем касался так называемого “ядерного кризиса” на полуострове. Напряженность пока не спадает. Второй раунд переговоров в Пекине, с одной стороны, продемонстрировал желание продолжить поиск компромисса, а с другой — не принес существенного прогресса. И дело здесь не только в “упрямстве” Северной Кореи, но и в негибкой позиции США, чья делегация стремилась жестко навязать остальным участникам переговоров свои подходы.

На конференции высказывалась мысль об ошибочности стратегии “пакетных сделок”, которые применимы только при наличии определенного уровня доверия между противниками, когда на первом месте стоит действительное желание решить проблему, а не имитация переговорного процесса с целью доказать его бесперспективность. Ядерная программа КНДР не должна быть предметом торга. Ее не следует решать в связи с иными аспектами международных или корейско-американских отношений.

Между тем, как отмечалось в ходе дискуссии, КНДР ведет достаточно опасную игру. Понимая, что КНР и РФ вряд ли позволят Америке применить силу, северокорейцы взвинчивает ставки и нередко ведут себя более вызывающе, чем следовало бы, одновременно не пробуя решить энергетические проблемы более адекватными способами, вне связи с ядерной программой. Это может привести к тому, что в один прекрасный день у России и Китая кончится терпение, и Пхеньяну предложат самому отвечать за свою позицию.

В выступлениях ученых обращалось внимание на то, что Пекин все больше отходит от идеологических принципов и защищает не чьи-то, а свои национальные интересы, главными из которых являются повышение экономического и оборонного потенциала КНР. Соответственно, отношения со странами-союзниками строятся под углом того, чем они могут помочь Китаю в достижении его целей. Кроме того, надо учитывать, что в китайском руководстве есть лица, готовые отдать Северную Корею за Тайвань, хотя их мнение не является официальной государственной политикой.

На конференции говорилось также, что отсутствие у Пхеньяна желания пустить в страну экспертов МАГАТЭ, возможно, вызвано тем, что КНДР есть, что прятать. Но убедительных доказательств наличия у него ядерного оружия пока еще нет. А это поднимает важный вопрос относительно шестисторонних переговоров. Есть ли вообще на этом форуме тема для обсуждения или неоднократно упоминаемое северокорейцами “секретное оружие” — всего лишь “нерушимое единство всего корейского народа вокруг Ким Чен Ира”.

Затрагивались проблемы, связанные с присутствием на Корейском полуострове контингента вооруженных сил США, революцией в военном деле и тем, какие формы будет принимать в дальнейшем американо-южнокорейское военное сотрудничество. Ведь американцы начали говорить не только о стратегии нераспространения ядерного оружия, но и о “контрраспространении”, причем термин создан явно по аналогии с термином “контртерроризм” и предполагает “наступательные меры”, включая недопущение поставок компонентов ОМУ, организацию блокады, пересмотр существующих конвенций по морскому праву, комплекс мероприятий по смене режима в “проблемной” стране и даже превентивные удары по ее ядерным объектам без объявления войны.

Впрочем, отмечали выступавшие, не следует упрощать ситуацию, так как внутри Америка менее монолитна, чем кажется на первый взгляд. Среди специалистов там достаточно компетентных профессионалов, трезво оценивающих ситуацию и способных отделять стратегические интересы США от сиюминутных политических задач той или иной администрации. Позиции некоторых из них гораздо ближе точке зрения России или КНР, нежели нынешней администрации в Вашингтоне, и упрочение контактов с теми, кто придерживается такой точки зрения, может стать важным моментом в укреплении международного сотрудничества.

Еще один блок рассмотренных проблем был связан с положением в КНДР. Западная пропаганда старательно создавала “образ врага”, в результате чего страна оказалась практически в полной политической и экономической изоляции от

Запада, что, в сочетании с политикой ее руководства, негативно отразилось на состоянии ее экономики. Воздерживаясь от демонизирующих клише, российские ученые стремятся разобраться в том, что скрывается за привычным миру ее фасадом. В течение десяти лет, прошедших после смерти Ким Ир Сена, северокорейское общество, безусловно, претерпевает изменения, однако насколько велик их масштаб и насколько они способны подтолкнуть руководство страны к определенным структурным сдвигам, политологам еще предстоит выяснить.

Высказывалось мнение, что "военно-ориентированная" политика Пхеньяна прикрывает собой переходный период к многоукладной экономике, ибо при новом курсе основной организационной и направляющей силой в КНДР сейчас является не партия как авангард рабочего класса, а армия как некая надклассовая сила, отличающаяся большей управляемостью и прагматизмом по сравнению с гражданскими чиновниками. Ким Чен Ир не только пытается изменить свой имидж, но и изучает опыт пребывания военных у власти в Южной Корее, где они показали себя неплохими антикризисными менеджерами.

Четвертый блок проблем касался положения в РК и результатов как внешней, так и внутренней политики президента Но Му Хена. Нынешняя ситуация в Южной Корее, где решение парламента об импичменте президента поставила страну на грань серьезного внутривластного кризиса, обнажившего целый ряд противоречий между внедренными демократическими институтами и пониманием их содержания в рамках конфуцианской традиции.

Сам по себе факт импичмента указывает на то, что в РК начали работать предусмотренные конституцией демократические механизмы. Ни один из предшествовавших президентов ему не подвергался, однако пока неясно, насколько глубоко изменения в политическом сознании и политической культуре корейцев.

В ходе состоявшихся 15 апреля парламентских выборов народ активно высказался против устранения президента от власти. Итоги голосования отражают ту непростую ситуацию, которая сложилась сейчас в Республике Корея. Это общество находится на пороге перемен. Насколько руководству страны удастся правильно сочетать достоинства национальной традиции с курсом на модернизацию и дальнейшую интеграцию в международное сообщество, покажет время.

Еще одной важной темой, прозвучавшей в выступлениях участников конференции, была необходимость возрождения российского общества корееведов как организации, способной выполнить функцию координации научных поисков, обеспечения преемственности поколений, улучшения обмена информацией и создания определенных единых стандартов, например в области транскрипции корейских имен. Не менее важна могла бы оказаться ее роль в том, чтобы способность российских ученых предвидеть будущее была бы востребована обществом. Хочется верить, что чем активнее мы будем доносить нашу точку зрения до властных структур или средств массовой информации, тем выше вероятность того, что нас услышат.

Второй год подряд конференция российских корееведов проходила при поддержке Корейского Фонда (Республика Корея). Благодаря именно его помощи удалось обеспечить столь широкое представительство участников из других городов России. Прибывший из Сеула специально для участия в форуме представитель фонда высоко оценил заслуги организаторов конференции в созыве столь представительного форума специалистов по Корее.

Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

Следующая, 9-я конференция российских корееведов пройдет в ИДВ РАН весной 2005 года.

Рецензии

Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В двух книгах. М.: Вост. лит. РАН. Кн. 1. 2002. 511 с. Кн. 2. 2003. 774 с.

Три года назад, когда "Восточная литература" замыслила многотомное издание научного наследия академика В.М. Алексеева, издательство обратилось к специалистам с призывом поддержать это начинание. В моем отклике говорилось: "Как и другие отрасли науки, синология развивается, углубляется, расширяет свои горизонты. Но есть вещи, времени неподвластные. К ним относятся труды Василия Михайловича Алексеева, в которых блестящее исследование различных областей китайской культуры сочетается со стремлением сделать ее более доступной и понятной некаитайской аудитории".

И вот первые два тома, вышедшие в серии "Классики отечественного востоковедения", перед нами и радуют глаз высоким качеством полиграфии. Посвящены они, естественно, первому предмету любви и заботы ученого — китайской литературе. Читатель знает, что сходный по содержанию, но намного меньший по объему однотомник был выпущен тем же издательством четверть века тому назад ("Китайская литература", 1978). Предисловие к тому собранию, написанное Л.З. Эйдлиным, верным учеником и последователем академика, открывает и настоящее издание. Уже тогда автор предисловия сказал, что "даль времени отодвинула от нашего взгляда былых оппонентов и обличителей, и сквозь прозрачный ее воздух все отчетливей вырисовывается крупная фигура ученого, и все яснее становится главная правота его во взгляде на историю китайской культуры". Настоящее издание — дальнейший шаг в том же направлении. Еще более четко прорисованы черты, свидетельствующие об эволюции взглядов автора на отдельные проблемы, уточнения, разъяснения, вносящие новые краски в общую картину, не меняя ее колорита и композиции.

Составитель — дочь и, позволительно сказать, правопреемница ученого, за-

служивающая сугубой благодарности за все, что она уже успела сделать для того, чтобы наилучшим образом представить миру творческое наследие отца, воспроизвести перипетии его жизненного пути в "контексте эпохи". В данном случае "составление" — отнюдь не просто отбор произведений и расположение их по разделам. Это и кропотливая работа над труднообозримым рукописным материалом, объединение разрозненных фрагментов связанных текстов, их датировка. Это и многочисленные вступления к разделам и статьям ("От составителя"), содержащие важные и нужные сведения о замыслах автора, обстоятельствах создания той или иной работы, об откликах на нее и о подчас непредсказуемых последствиях, к которым приводила ее публикация. Много труда вложил в работу над изданием ее ответственный редактор, компетентнейший и добросовестнейший ученый Б.Л. Рифтин, а также консультанты Л.Н. Меньшиков, А.С. Мартынов и др.

Итак, труды по китайской литературе — но что их создатель вкладывал в понятие "китайская литература"? По-видимому, наиболее полный ответ содержится в историко-библиографическом очерке "Китайская литература", опубликованном в 1940 г. Речь в очерке — и в большинстве работ Алексеева — идет о "литературном комплексе старинного стиля, действовавшего вплоть до начала XX в.". Этому комплексу соответствует традиционная система "четырёх разделов литературы", которая и излагается. В первый раздел входят конфуцианские каноны и комментарии к ним. Второй раздел составляют "Историки" — "и по праву, ибо китайский историк прежде всего стилист". К ним же относятся сочинения географические, в том числе описания отдельных местностей, порой содержащие важные для истории тексты и сведения". Сюда же входят своды юридические и би-

блиографические. Третий раздел назван "Философы" (в смысле "учителя, наставники"). Это прежде всего конфуцианские мыслители, не связанные с основоположниками конфуцианства. Здесь же сочинения по военному делу, земледелию, медицине, музыке — в силу их "литературной отделки". Наконец, раздел четвертый — "Разные авторы". Здесь мыслители — не конфуцианцы, энциклопедические и серьезные издания смешанного характера. Тут и то, что Алексеев в одноименном очерке 1920 г. назвал "настоящей" литературой — литературой, служащей только прекрасному — романы, новеллы, поэтические сборники и антологии, художественная критика и "неотделимая от нее эстетика". И заключение: "китайская литература, таким образом, есть... полное отражение китайской старой культуры".

Что же касается новой литературы Китая, то она родилась в XX в. уже как "настоящая" литература, и именно так рассматривал ее ученый, имевший, к сожалению, ограниченные возможности знакомства с нею. Войны, революции, политические неурядицы делали культурный, в том числе книжный обмен крайне затруднительным.

Неизменно и неустанно Алексеев повторял, обращаясь и к своим ученикам, и к более широким научным кругам, что основательное и достоверное исследование любых сторон и явлений китайской литературы, любых образцов словесного искусства требует и глубокого понимания основ всей традиционной китайской культуры, мировоззрения и мировосприятия ее творцов. Да, китайская литература есть часть мировой литературы, но часть специфическая, возросшая на особом культурно-историческом пространстве. Раскрыть специфику, помочь читателю преодолеть пространство и время, увидеть общечеловеческое — задача и долг Китаиста...

В открывающих первую книгу "Трудов" двух одинаково названных очерках указаны существенные особенности истории китайской литературы. Прежде всего, в отличие от многих мировых культур, "культура и литература Китая никогда не уничтожались, а, наоборот, все время развивались". Следствием этого был "сложный состав образования, необходимого для достаточно полного восприятия культурных ценностей". Далее, существовала непосредственная связь письменной — в отличие от народной — литературы с конфуцианской идеологией, что способст-

вовало усилению проповеднического, дидактического начала. Своеобразна сама иероглифическая письменность, создающая возможность "независимого от звучания речи психического переживания". Алексеев отмечал также способность иерархии литературных жанров, круга тем и образов в каждом из них. Но он мечтал, чтобы читатель почувствовал, "что китайскими словами говорит все тот же человек, страдающий, радующийся, наблюдающий" и желающий "найти правду жизни в вещем, прекрасном слове" (1, 89).

Один из немногих трудов Алексеева, при его жизни получивший известность за пределами России — курс лекций, прочитанных в Париже в 1926 г. и изданный на французском языке в 1937 г. Из шести лекций публикуются три (в переводе вдовы ученого Н.М. Алексеевой), поскольку основное содержание трех других представлено в работах, опубликованных по-русски. В первой из включенных в том лекций рассказывается о проблемах переводчика, имеющего дело с "доселе не поддающимся переводу литературным материалом". Во второй — об уровне подготовленности читателя, в котором нуждается китайская классика. В третьей — "очерк идей и представлений китайской поэзии, с конфуцианским и даосским началами". Конечно, это лишь общие направления, реальное содержание куда более разнообразно и конкретно, в лекциях звучит и сознание величия поставленных задач, и сомнения в их полной осуществимости, и желание несмотря ни на что работать и работать.

Вот какое впечатление от лекций Алексеева сложилось у выдающегося французского сиолога Анри Масперо (его журнальная рецензия 1939 г. впервые публикуется по-русски). "Г-н Алексеев... взял китайскую литературу в ее целом. Автор анализирует проблемы "с глубиной и изяществом, что свидетельствует о том, до какой степени он проникнут китайской культурой, оставаясь при этом беспристрастным наблюдателем, умеющим о ней судить" (1, 139). Не всегда соглашаясь с мнением автора по конкретным вопросам, Масперо пишет в заключение: "Г-н Алексеев стал для нас своего рода путеводителем по поэтическому творчеству... Он демонстрирует нам поэта в его становлении, показывает внутренние источники его вдохновения. В его книге китайская поэзия не есть труп, который рассекают, чтобы узнать его структуру — она живая

и трепещущая". Эти слова в равной мере можно отнести и ко многим другим работам, вошедшим в настоящее издание.

Рецензия Масперо предшествовала "Авторецензия" Алексеева, впервые публикуемая. Как известно, сообщение о подготовке в Париже издания курса лекций Алексеева вызвало на его родине политическую кампанию, в ходе которой — пишет М.В. Баньковская — "этот факт стал трактоваться как государственная измена". Кульминацией кампании стала появившаяся в "Правде" 31 мая 1938 г. статья "Лжеученый в звании советского академика". Написанная в таких чреватых трагическими последствиями обстоятельствах, "Авторецензия" являет собой немаловажный в человеческом и научном отношениях документ. Соглашаясь назвать свою книгу "устаревшей" (со времени лекций прошло более десяти лет) и даже "ошибочной", говоря, что сейчас он многое написал бы по-иному, Алексеев в то же время настаивает на объективности своего подхода к изучению китайской культуры и защищает свое достоинство ученого. К счастью, горькая судьба целого ряда его учеников и коллег его самого миновала, но в конце 40-х ему еще предстояло пережить кампанию борьбы с "буржуазной наукой" и "космополитизмом".

В самостоятельный раздел "Из конфуцианской классики" выделен перевод трех глав из "Лунь юя" — "Бесед и суждений" Конфуция и его учеников с комментариями Чжу Си и других ученых эпохи Сун, а также примечаниями переводчика. В издании 1978 г. этот труд как "образец перевода" входил в раздел "Принципы перевода". Сейчас подчеркивается его значение для понимания не только "архаичного", но и "в последний раз обновленного" (в XII-XIII вв.) конфуцианства, что в свою очередь необходимо для научной интерпретации культуры последних веков императорского Китая. Отметим, что по этому же пути пошел и Л.С. Переломов, давший в своем переводе "Лунь юя" (1998 г.) сводку комментариев не только китайских, но и иностранных ученых. В настоящем издании в особый раздел "Буддизм в литературе" выделены также перевод "головоломной по сложности языка" апологии учения Будды (в надписи Ван Чэ на стеле в храме Тоу-то) и текстов буддоненавистника Хань Юя. Наконец, в разделе "Новый Китай есть новый + старый..." помещен под заголовком "Учение Конфуция в китайском син-

тезе" критический разбор соответствующей главы книги Ху Ши "История китайской философии в больших линиях" (1919 г.). В других разделах издания содержится много наблюдений и суждений на тему "китайская философия — конфуцианская, даосская, буддийская — в литературе".

Далее следует раздел "Поэзия". Расшифровать это лаконичное заглавие можно так: классическая поэзия эпохи Тан, жанр *шю*. Заслужена высочайшая оценка, которую давал ученый именно этому виду поэзии, оказавшему огромное влияние на последующую литературу, а можно сказать, и на духовную жизнь страны. У Алексеева нет специальных работ о других жанрах поэтической классики — *цы* и *цзюй*, он говорит о них кратко, разъясняя их отличия от танских *шю* по форме и содержанию (главное — наличие в этих жанрах любовной лирики, у танских мастеров отсутствовавшей). Содержание же танских стихов раскрывается в публикации "Темы танской поэзии", составленной из лекционных и иных материалов. Автор говорит, что "тем невероятное количество", но отбирает двенадцать наиболее значительных: природа и поэт, "прочь от мира!", поэзия вина, дружба, старость... К каждой теме подборка наиболее характерных и выразительных строк разных стихотворцев, ее раскрывающих. Издатели сетуют, что не удалось идентифицировать имена поэтов (у Алексеева лишь ссылки на страницы антологии, оказавшейся недоступной). Но, может быть, в данном случае это не так уж необходимо — ведь речь идет о самом общем и типичном, о чем и говорится в предваряющих каждую "тему" авторских введениях. И читатель "вводится" в богатейший мир образов, мыслей и эмоций китайской классики, начинает в нем ориентироваться, хотя — настаивает Алексеев — человек иной культуры вряд ли в состоянии освоить этот мир во всей его полноте.

На цитатах из поэтов "золотого века" построена работа "Китайские поэты о поэзии Китая", составленная по рукописям докладов Алексеева. Здесь показано, за что ценили свои стихи их создатели, какие мотивы и направления выделяли — "вечное, необычное, древний дух, новизна", выделены "идеалы поэтов", но отмечены и "пороки поэзии". К этой работе примыкает комментированный перевод "Оды Музыке Великого Единства" Ван Юйчэна и адресованный — как и некото-

рые другие высказывания ученого — тем иноземным “любителям китайского искусства, которые слишком высоко ценят свой глаз и вкус и пренебрегают оценками производящего искусство общества” (1, 295).

От этого небольшого по объему перевода — прямая дорога к монументальной “Антологии мастеров китайской классической поэзии и ритмической прозы”, созданной Алексеевым в годы эвакуации, которую он мечтал “положить в основу коллективной истории китайской литературы”. Замышлялось снабдить все переводы — а их сотни — вступлениями, сведениями об авторах, примечаниями и, в необходимых случаях, парафразами. “Иза отсутствия бумаги и нужных книг” замысел был осуществлен лишь частично. Вышедшее издание, как и в том, вышедший в 1978 г., включены полностью готовые к печати 15 стихотворений из антологии танской поэзии и два образца “напевных стрóf”, т.е. ритмической прозы. Следует отметить, что перевод двух третей антологии танской поэзии под редакцией И.С. Смирнова совсем недавно был издан отдельным сборником (Постоянство пути. Поэзия эпохи Тан. В пер. акад. В.М. Алексеева. СПб., 2002). Избранные же переводы классической (ритмической) прозы выходили в 1958 и 1959 гг.

Свои принципы перевода китайской классической литературы ученый-переводчик на протяжении жизни излагал многократно. Часть работ, содержащих наиболее существенные положения, воспроизведена во второй книге (с. 121-158). Меняя порой формулировки, но не суть своих воззрений, Алексеев исходил из важности существования нескольких видов переводов, рассчитанных на разного читателя — от “абсолютно дословного с подробнейшим комментарием” до достоверных, “но изложенных в чисто русских формах”. Важно, что все его суждения, позитивные и критические, основывались на творческой практике и в свою очередь влияли на нее. Ставя перед переводчиками высокие — иногда может показаться завышенные — требования, он обращал их прежде всего к себе.

“Наиболее трудно понимаемой и тем не менее наиболее реальной трудностью для нас остается перевод неслышимого на слух оригинала на слышимый язык перевода” (2, 140). Но вот знаменитые, уже восемь десятилетий переиздающиеся переводы новелл — или фантастических повестей — Ляо Чжая. В одном из пред-

словий к переводам Алексеев демонстрирует глубину пропасти между “неслышимым” литературным языком новеллиста и “слышимым” переводом той же фразы на разговорный язык. Русский перевод, конечно, слышим, но он, по словам Алексеева, не “упраздняет литературную фактуру оригинала”, он дает ее почувствовать. И разве дело только в том, что “чем больше фабулы и занятости рассказа, тем более понятен оригинал?” Теория теорией, но ведь есть еще талант переводчика, его вкус, чувство меры. Одним словом, перевод — дело творческое.

По существу именно к этому — к творческому подходу — зовет Алексеев китайских коллег в своих статьях на тему “Китайские писатели в русских переводах”. Но творческий подход невозможен без глубокого знания русского языка, русской культуры, русской действительности. А в тот начальный период взаимосвязей двух великих литератур в Китае их крайне не хватало (как и у нас — знаний о Китае). Этот аспект акцентирован в статьях, относящихся к 20-м годам XX в., в конце 40-х — в выступлениях о “Пушкине в Китае” (здесь нельзя не отметить работу В.В. Петрова, существенно дополнившего и уточнившего материал своего учителя). И здесь говорится об ошибках и пропусках, но все же в той или иной мере создается впечатление, что китайская русистика “взрослеет”. В конце статьи мэтр отдает предпочтение английскому переводу “Онегина”, принадлежащему Элтону, перед китайским Люй Ина, но согласимся, что дистанция между английской и русской культурами менее значительна, нежели между европейской и дальневосточной.

К проблеме перевода (переложения) написанных на старинном языке произведений на язык разговорный Алексеев вновь обращается на материале новелл Ляо Чжая в статье “К истории демократизации китайской старинной литературы”. В другой известной работе 30-х годов “Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая” “содержится проникновенный анализ китайского варианта вековой темы разлада идеала с действительностью”. Только ли о Ляо Чжае думал Василий Михайлович, работая над статьей? Этот идеал в концентрированном виде излагается в работе “Утопический монизм и “китайские церемонии” в трактатах Су Сюня”. Заметим, что изложение сопровождается оговоркой: “конфуцианская сис-

тема, ясная, типичная и характерная, в то же время была всегда неуловима во всей своей цельности" (1, 515).

В созданной в последние годы жизни работе "Китайская поэтическая трилогия" ученый возвращается к теме, которую он блистательно начал разрабатывать в монографии-диссертации 1916 г. "Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту" (ее переиздание готовится тем же издательством). Тема эта — одновременно эстетическая и мировоззренческая — представление китайского поэта и художника о сущности творчества и о себе как о творце, о тайнах искусства, о вдохновении, о познаваемых через интуицию и непознаваемых началах и обо всем, что объемлет понятие Дао — Путь искусства, Путь мироздания. Об этом говорят в своих стихотворных циклах поэт IX в. Сыкун Ту и его "подражатели" XVIII-XIX вв. художник Хуан Юэ и каллиграф Ян Цзин-цзэн. Алексеев перевел эти циклы (Сыкун Ту — во второй раз), снабдил парафразами и комментариями, но предполагавшегося синтеза всех трилогий сделать не успел. А нужда в нем ошутима.

И еще одна работа Алексеева — "Сравнительные этюды". Их два: "Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве" и "Француз Буало и его китайские современники о поэтическом мастерстве". Сопровождают их переводы "Оды изящному слову" Лу Цзи и еще нескольких относящихся к теме произведений. Это образец историко-типологического изучения явлений культуры стран, разделенных временем и пространством, имеющего своим результатом нахождение — наряду со многими отличиями — существенных черт общечеловеческого звучания. Автор был уверен, что принятое им сравнение "может идти если не в виде линий, сходящихся в точке, то... в виде линий параллельных, с должными пропорциями частей и отстояний" (1, 365). Приводя мнение китайских ученых о том, что этюды Алексеева являются первым в мировой науке опытом сравнительного изучения китайской поэтики, М.В. Баньковская отмечает, что они послужили стимулом к возникновению компаративного направления в востоковедной филологии.

Не тщась даже кратко осветить все богатство тематики, сюжетов, мыслей, содержащихся в рецензируемом собрании, скажем еще об одном разделе — "Новый Китай есть Старый + Новый". В нем представлена часть работ ученого, в кото-

рых речь идет о Китае XX века, его литературе и науке, о происходящих в нем переменах; другая, большая часть осталась в виде конспектов лекций, в выписках, учебных материалах. Но и эта часть подтверждает, что Алексеев имел право сказать: "За новым Китаем я следил пристально". Следил, не теряя из виду всего, накопленного китайской цивилизацией, что может послужить ее развитию. Справедливость слов ученого подтверждают, помимо вошедших в настоящее издание работ, его выступление на собрании памяти Лу Синя в 1936 г. и особенно — подготовленный под его руководством и изданный в 1940 г. солидный сборник "Китай", включающий в себя статьи о "новой и новейшей литературе Китая" и "Литература и искусство Китая в борьбе за национальную независимость". Следует упомянуть и его книгу "Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация" (1932г.).

Раздел открывает впервые публикуемая в 1935 г. статья, основанная, в частности, на личных впечатлениях от пребывания в Китае в 1926 году. Лейтмотив статьи — необходимость борьбы с "пошлостью", понимаемой как "вырождение основных элементов высшей культуры в низшие" (2, 272). Пошлость разъела монархический Китай и теперь грозит республиканскому. Поборить ее невозможно без "фундаментальной, социалистической, революционной перестройки" (2, 287). Свои наблюдения автор подкрепляет переводом относящихся к 1917 г. "Впечатление вернувшегося на родину" Ху Ши (тогда выпускника американского университета, впоследствии видного ученого, литератора, общественного деятеля). С ним, его книгами связаны еще две работы Алексеева, включенные в раздел.

Одна из них, также впервые публикуемая — развернутый отзыв Алексеева (1924 г.) на книгу Ху Ши "Опыты", первый в Китае поэтический сборник на разговорном языке *байхуа*. Отзыв критический: Алексеев расценил сборник как попытку совершить насильственную реформу поэтического языка, к которой *байхуа* еще не готов. Вторая работа — отзыв на книгу Ху Ши "Общий очерк истории китайской философии". Этот отзыв нашим читателям известен по журнальной публикации 1923 г. Известна и статья 1932 г. "Эволюция и революция китайского языка...", посвященная новым задачам советской синологии, связанным с изучением нового Китая.

Отличительная черта этого раздела — большая роль, которую играют в нем тексты “от составителя”. М.В. Баньковская широко использует архивные материалы, включая хранящиеся в ее личном архиве, стремится объективно раскрыть положение Алексеева в обращенной к современности синологии 20-40-х годов, его неоднозначные оценки происходящего в духовной жизни стран, трудности, с которыми сталкивался ученый. Сообщаемые ею факты, приводимые документальные свидетельства бросают новый свет на события и людей, освещают атмосферу той непростой эпохи.

В завершение рецензии хочется воздать хвалу коллективу, готовившему издание трудов В.М. Алексеева по китайской литературе за качество справочных материалов, как выделенных в виде приложения, так и содержащихся в постраничных примечаниях. В них — кладезь информации, не только позволяющей освоить наследие ака-

демика Алексеева, но и помогающей продолжению его дела. Мы находим здесь описание материалов архивного фонда Алексеева, тематика которых “соответствует содержанию настоящего тома”, список переведенных Алексеевым произведений поэзии и прозы, перечень упоминаемых Алексеевым книг (!), работы о трудах Алексеева в области китайской литературы. А еще указать имен, названий китайских книг, указатель терминов, географических названий (и все с иероглификой). В примечаниях библиография доведена до наших дней, исправлены неточности, приведены варианты. Что еще можно пожелать?

Пожелать же можно, чтобы “Восточная литература” успешно осуществила свои планы издания следующих томов трудов Василия Михайловича: уже упоминавшейся “Китайской поэмы о поэте”, работ о народном искусстве, “Рабочей библиографии китаиста”. Ничто не должно быть забыто.

© 2004

*В.Ф.Сорокин,
доктор филологии, профессор*

Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток: Изд-во ДВГУ. 2003. 444 с.

В последние годы на базе Дальневосточного государственного университета и Дальневосточного отделения РАН при интенсивной поддержке Корейского фонда (Сеул) создана солидная серия работ, которые смело можно отнести к "новому корееведению" России*. Написанные на основе первоисточников и обширной отечественной и зарубежной литературы, освобожденные во многом от истматовских упрощений, эти труды не залеживаются на книжных стеллажах, ибо представляют заметный вклад в науку и учебно-образовательный процесс. К последним публикациям данной серии принадлежит и рецензируемая монография профессора Высшего колледжа корееведения при ДВГУ И.А.Толстокулакова.

Следуя традициям отечественной истории и политологии, автор начинает свое исследование с рассмотрения взаимосвязей между конфуцианской традицией, представлениями о демократии, модернизацией и глобализацией в современном восточном обществе. При этом историческое место Республики Корея во многом определяется условной классификацией, которая разработана автором применительно к демократическим процессам на Востоке. Реально функционирующие ныне на Востоке политические системы подразделяются на четыре основные типологические группы: 1) формально демократические общества — Япония и Индия; 2) общества, в которых развернулся процесс формирования формальной демократии — Южная Корея и Филиппины; 3) авторитарные общества — Бирма и Таиланд; 4) "тоталитарные общества" — КНДР и др. (с. 63). Разумеется вышеизложенная классификация далеко не безупречна. И тем не менее она позволяет в целом определить реальное место южнокорейского общества на тернистом пути постепенного перехода к политической и

социальной демократии нашего времени.

С началом процесса деколонизации Кореи южная часть страны прошла ряд этапов самостоятельного политического развития, которые хронологически разделяются на Первую (1948-1960 гг.), Вторую (1960-1963 гг.), Третью (1963-1972 гг.), Четвертую (1972-1980 гг.), Пятую (1981-1988 гг.) и Шестую Республики. Последняя была провозглашена в 1988 г. Ее президентами поочередно избирались видные политические лидеры — Ро Дэу, Ким Енсам, Ким Тэчжун (Лауреат Нобелевской премии мира). В декабре 2002 г. демократически избранным главой Республики стал лидер умеренной оппозиции Но Мухен. (Здесь и далее используется транскрипция корейских имен, приведенная в книге. — Прим. рецензента).

Это далеко не равнозначные лидеры высшего ранга, появившиеся в целом на волне необратимого процесса демократизации и либерализации. Южнокорейское общество столкнулось в период их пребывания у власти с невероятно сложными проблемами внутреннего и внешнего характера, среди которых наиболее критическими оказались переход от авторитаризма к гражданскому правлению, азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг. и большие колебания во взаимоотношениях с КНДР. Автор рецензируемой книги, на наш взгляд, сумел выделить и объективно оценить наиболее значимые аспекты каждой лидирующей группы Шестой Республики. Конституционная реформа, проведенная под эгидой Ро Дэу и установившая относительный баланс между исполнительной и законодательной властью (при доминировании первой), укрепила стабильность политической системы, а дальнейшее сужение роли государства в экономике дало новый простор для подъема национальной индустрии. Вместе с тем Южная Корея, вопреки рекомендациям

* Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002; Марков В.М. Искусство Республики Корея второй половины XX века. Владивосток, 2002; Развитие корейской экономики: уроки переходного периода / Под ред. Н.В.Кузнецовой и И.А.Толстокулакова. Владивосток, 2001; Корейцы на российском Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток, 2001; Солдатова М.В., Пак К.А. Современная литература Кореи. Владивосток, 2003 и др.

Уругвайской конференции по либерализации импорта продовольствия в международной торговле, в полной мере использовала аграрный протекционизм и специальные агропрограммы, позволившие, по оценке автора исследования, "не только в полном объеме обеспечить население продовольствием, но и, поддерживая отечественного производителя, создать условия для поднятия уровня благосостояния корейской деревни" (с. 165). В данном контексте нельзя не признать серьезного международного значения южнокорейского опыта.

Весьма содержательными являются разделы монографии, в которых раскрывается одна из самых приметных черт современности — стремление модернизирующихся обществ к поискам общенационального согласия и консолидации. Одним из проявлений подобного процесса стало формирование Либерально-демократической партии во главе с Ким Енсамом. Раскрывая обобщающие итоги напряженных усилий администрации Ким Енсама в построении "новой Кореи" на основе концепции "сангангук", политической, социальной, правовой, этической, образовательной и других реформ, протекавших в необычайно усложнившихся внешних и внутренних условиях, И.А.Толстокулаков весьма аргументированно отвергает односторонние и необъективные оценки этих усилий. "Было бы неверно отрицать огромную роль Ким Енсама в процессе продвижения Республики Корея к демократии... Политика Ким Енсама, несомненно, стала прочной основой дальнейшего развития корейской демократии и обеспечения необратимости процесса" (с. 236).

Новая расстановка социально-политических сил в Республике Корея, сложившаяся ко времени президентских выборов 1997 г., дала новый импульс дальнейшей демократизации южнокорейского общества и становлению гражданского общества, без которого немислмы современные цивилизационный прогресс, хотя в южнокорейской политологии данная проблема трактуется с несколько иных позиций (с. 277). Курс Национального конгресса за новую политику (Кунъминхвен) во главе с Ким Тэчжуном был в первую очередь сконцентрирован на экономических преобразованиях, а точнее, на формировании либеральной рыночной системы хозяйствования. Президенту Ким Тэчжуну пришлось проявить максимальную гибкость, чтобы выдержать массивное внешнее давление МВФ и США, выделивших РК крупную финансовую помощь (соответственно, 57 и 10 млрд. долл.), но при условии полного открытия внутрен-

него рынка для иностранного капитала, свертывания ряда важных социальных программ. Как глубоко подметил автор книги, при Ким Тэчжуне были отброшены наиболее грубые, силовые методы административного давления на частный капитал во имя утверждения принципов экономического либерализма, хотя некоторые авторитарные способы решения ряда внутрихозяйственных проблем продолжали оставаться в арсенале правительственной политики (с. 256). Среди наиболее болезненных проблем, которые не удалось разрешить ни одной администрации Шестой Республики, оказался невероятный разгул коррупции, охватившей практически все звенья управленческой иерархии, включая семейное окружение самого Ким Тэчжуна. Здесь читатель невольно подводится к мысли, что разрушительная коррупция, сопутствующая ускоренной модернизации, — это скорее всего явление не локального, а международного плана, порожденное процессами нелегитимного накопления и перераспределения крупного капитала.

Однако тоталитарные факторы оказались не в состоянии парализовать процессы становления гражданского общества в РК, о чем свидетельствуют, в частности, итоги президентских выборов 2002 г., когда победу, вопреки многим прогнозическим оценкам, одержал лидер оппозиции Но Мухен, кандидат правящей Демократической партии нового тысячелетия (ДПНТ), наследник политической традиции Ким Тэчжуна. Массовый электорат чутко прореагировал на неординарную платформу умеренной оппозиции: осуждение регионализма, клановости и коррупции, подчеркнутая апелляция к молодому поколению, возвышение либеральных ценностей, поддержка дипломатии "солнечного тепла" и антиамериканских настроений и т.п.

На фоне динамичной реформаторской платформы Но Мухена окрашенная консерватизмом позиция Великой национальной партии Ли (Ханнарадан) и ее лидера Ли Хвечана оказалась малопривлекательной и неперспективной. Хотя разрыв между победителем президентской гонки и проигравшим был минимальным, всего лишь 2,3%, южнокорейское общество как бы обрело "новое дыхание" и надежды на урегулирование архисложных внутренних и внешних проблем, относящихся в первую очередь к налаживанию трудного диалога и взаимоприемлемого общенационального согласия. Разумеется, пока трудно прогнозировать, в какой мере Но Мухену удастся провести на практике свою многообещающую реформаторскую программу, но условия для продвижения

по этому пути ныне в целом более благоприятны, чем в годы президентства Ким Тэчжуна. В этой связи трудно не согласиться с автором книги в том, что остро назревшая реализация глубокой конституционной реформы в стране "...означает выбор корейского общества в пользу модели демократии участия и открывает перспективу построения основ гражданского общества". Это, в свою очередь, может стать еще одним важным этапом на пути прорыва Южной Кореи в группу наиболее высокоразвитых индустриальных государств планеты.

В своих обобщающих суждениях автор выделяет три специфические черты политической модернизации в странах Востока, к числу которых принадлежит и Южная Корея. Во-первых, процессы модернизации в таких обществах во многом генерируются и ускоряются внешними факторами; во-вторых, политические институты и социальные отношения, уходя своими корнями в далекое цивилизационное прошлое, существенно отличны здесь от своих западноевропейских прототипов; и, наконец, в-третьих, объективно назревшие проблемы "западного" общества решаются при длительном сохранении авторитарных форм власти, которые нередко характеризуются в современной российской политологии как "просвещенный авторитаризм" или "авторитаризм модернизации".

Чем же обусловлена подобная специфика модернизации? Как представляется, противоречивость политической амплитуды колебаний между демократизмом и авторитаризмом определяют предпосылки и объективного, и субъективного порядка: неразвитость социальной дифференциации, раздробленность элитарных группировок, живучесть консервативной традиции, неразвитость вестернизированной политической культуры и т.п. "Культурная среда конфуцианского мира, — справедливо указывает автор, — по-своему интерпретирует многие существенные характеристики демократической модели развития и стремится максималь-

но адаптировать их к своим традиционным основам. Усваивая базовые принципы либерализма и представительной демократии, восточный мир привносит в их воплощение собственные национально-региональные особенности!" (с. 383).

Более чем полувековой период перехода южнокорейского общества от авторитарной практики к стадии демократической консолидации знаменовал постепенное формирование гражданского общества и основ представительной демократии на базе широкого социального согласия элитарных политических и военных кругов. Курс на выработку консенсуса по вопросам демократической модернизации получил, по мнению автора, широкую поддержку в рядах среднего класса и национальной буржуазии, опасавшихся нарастания леворадикальных, просеверо-корейских тенденций.

Итак, российская историческая и социально-политическая литература пополнилась еще одной содержательной работой, которую вполне можно рекомендовать в список учебно-методической литературы по международным отношениям. Правда, книга И.А.Толстокулакова еще раз напомнила задремавшей в последние годы Ассоциации корееведов России о том, что настало время выработать, наконец, согласованные рекомендации о нормах транскрипции корейских имен (Ким Дэ Чжун или Ким Тэчжун, Ли Пом Чин или Ли Бомджин, Ким Ен Сам или Ким Енсам, Ро Му Хен или Но Мухен и т.д.)

И в заключение еще одна ремарка в адрес издательства ДВГУ. Рецензируемая книга, выпущенная тиражом в 1 тыс. экз. с содержательной художественной обложкой, к сожалению, почти не склеена и буквально рассыпается на отдельные страницы. Хотелось бы пожелать издателю быть более требовательным к своей печатной продукции или, точнее, к своему фирменному бренду. А автору содержательного исследования И.А.Толстокулакову хотелось бы пожелать переиздать книгу в более качественном переплете.

Батчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване. Под ред. докт. юр. наук, профессора Л.М. Гудошникова. М., 2003. 94 с.

Политическое образование на территории китайской провинции Тайвань, именуемое себя "Китайской Республикой", продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей не только успешным развитием экономики и культуры, но и трансформацией своего военно-авторитарного режима в многопартийный. В отечественной научной литературе это нашло отражение в монографиях Л.М. Гудошникова и К.А. Кокарева, В.Г. Бутова, А.Г. Ларина, Ю.М. Галеновича, в целом ряде статей и докладов на научных конференциях.¹ Однако правовая сторона этого процесса до сих пор не была предметом специального изучения. Исследование, предпринятое кандидатом юридических наук Э.О. Батчаевым, результаты которого изложены в рецензируемой книге, можно считать первым шагом в указанном направлении. Автор использовал широкий круг источников на трех языках, включающий нормативные акты тайваньских властей, научную литературу, статистические и иные материалы. Примечательно, что выходу книги предшествовало опубликование им тридцати научных работ по тайваньской проблематике.

В исследовании О. Батчаева прежде всего привлекает внимание весьма детальный анализ правовых документов (действующей на Тайване Конституции Китайской Республики 1947 г. и законодательных актов тайваньских властей), связанных с регулированием образования, деятельности политических партий, санкций государства за их противоправные действия и т.д. Так же скрупулезно автор анализирует правовые нормы, регламентирующие участие партий в избирательном процессе, формировании органов государственной власти. Значительное место отводится внутренней структуре, компетенции и формам деятельности центральных парламентских учреждений Тайваня — Законодательной палаты и Национального собрания.

Аналізу правового материала предшествует исследование политической системы Тайваня, включая проблематику по-

литической и правовой культуры. В ходе исследования автор показывает связь политической и правовой систем Тайваня с традиционной политической и правовой культурой китайского общества и происходящими в ней изменениями. Принимая во внимание особенности местной и национальной специфики, он прослеживает эволюцию сложившегося на Тайване однопартийного военно-авторитарного режима в многопартийную демократическую систему. Результатом авторского исследования стала работа интегрирующего характера на стыке политологии, социологии, теории и истории государства и права, конституционного и административного права.

Значительный научный и практический интерес представляет анализ причин и условий живучести такого характера для Китая и Тайваня явления, как правовой нигилизм. В исследовании отмечается, что результаты политико-правовой модернизации, осуществленной на рубеже XX — XXI вв., позволили Тайваню существенно продвинуться в направлении западной концепции права и модели правового государства.

Большое внимание уделено в исследовании Э.О. Батчаева правовому регулированию проведения на Тайване собраний, митингов и демонстраций, для которого характерны жесткий разрешительный порядок и весьма суровые — вплоть до тюремного заключения — санкции за нарушение законодательства. Автор обоснованно утверждает, что процесс демократизации этих институтов на Тайване находится пока в начальной стадии.

Благодаря использованию современных методов сравнительно-исторического анализа Э.О. Батчаеву удалось убедительно показать многие существенные стороны процессов развития правовой культуры и статуса политических партий на Тайване, определить некоторые характеристики их нынешнего состояния. Ряд выводов автора отличается несомненной новизной, благодаря введению им в научный оборот многих ранее малоизвестных или

вовсе неизученных фактов и материалов и их плодотворному анализу.

К числу таковых можно отнести, например:

- констатацию характерных для Тайваня и Китая в целом традиций приоритета институтов государства над правами личности; обычая над законом; государственной инициативы и деятельности по осуществлению реформ над любыми импульсами "снизу";

- постепенность перехода от однопартийной системы к многопартийной. При этом отмечается, что поначалу доминировал постепенно демократизировавшийся Гоминьдан, которому пришлось затем делить власть с другими партиями и, в конце концов, после поражения на всеобщих свободных выборах передать президентскую власть оппозиции;

- постепенный переход партийной системы Тайваня, как и всей его политической системы, к демократической модели и сохранение, наряду с этим, этатистских и подданических ориентаций у значительной части (а возможно — большинства) тайваньцев.

Автор веско аргументирует сравнительно новые положения о том, что политической активизации населения и формированию оппозиции на Тайване способствовало создание правовых условий функционирования системы регулярных выборов; и что важную роль в развитии политической системы, в том числе партийной, сыграла экономическая модернизация, формирование массового среднего класса и растущее восприятие им и всем обществом рыночных ориентаций и необходимости расширения индивидуальных и коллективных прав и свобод, включая политические.

Вполне обоснованно считая характер правового регулирования в сфере образования и деятельности политических партий на Тайване в основном разрешитель-

ным, автор одновременно отмечает интенсивное развитие законодательства в направлении введения все более значительных элементов регистрационного и явочного порядка. Вместе с тем утверждается, что отсутствие на Тайване детальной регламентации финансовой деятельности партий создает возможности для коррупции, финансовых махинаций, манипулирования волеизъявлением избирателей и т.д.

Как утверждается в рецензируемом исследовании, тайваньский опыт модернизации актуален для стран, осуществляющих переход от авторитаризма к рыночной демократии, и этот опыт доказывает свою успешность. Социально-экономическое и политико-правовое развитие связано с укреплением в массовом сознании новых, демократических ориентаций и нового отношения к праву как механизму гарантий демократических свобод и защиты интересов личности от произвола государства.

Наряду с вышеуказанными достоинствами в исследовании Э.О. Батчаева следует отметить и ряд недостатков. Например, в процессе исследования автор не выделяет китайские правовые обычаи, т.е. обычное право, которые "растворяются" в более широком понятии политической культуры.

Не проводится сравнения законодательства Тайваня о партиях с соответствующими законами КНР. Недостаточно внимания уделено также анализу эффективности этого законодательства и практике его осуществления.

Отмеченные недостатки несколько не умаляют важности проделанной автором работы с использованием значительного количества оригинальных источников. Политико-правовые проблемы Тайваня, исследуемые в работе Э.О. Батчаева, представляют, как нам кажется, большой интерес не только для китаеведов, но также для правоведов и политологов.

© 2004

Г. Степанова
кандидат исторических наук

1. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М., 1999; Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998; Галенович Ю.М. Самоутверждение сыновей Тайваня. М., 2002; Ларин А.Г. Два президента или путь Тайваня к демократии. М., 2000; Ларин А.Г. Президент или демократия с тайваньской спецификой. М., 2004.

Юбилей ученого

Михаилу Леонтьевичу Титаренко — 70 лет

27 апреля с.г. исполнилось 70 лет виднейшему отечественному китаеведу, члену Бюро Отделения общественных наук РАН, председателю Научного совета Отделения общественных наук РАН по проблемам изучения современного Китая, председателю Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития Восточной Азии, директору Института Дальнего Востока РАН, действительному члену Российской академии наук Михаилу Леонтьевичу Титаренко.

Выходец из крестьянской семьи, проживавшей в Брянской области, а позднее переехавшей на Алтай, талантливый юноша в 1953 г. по окончании Барнаульского педагогического училища поступил на философский факультет Московского государственного университета. Здесь определилась одна из главных линий его научных исканий — китайская философия. В 1957 г. ему представилась возможность поехать в Китай для продолжения образования. В 1957–1958 гг. М.Л.Титаренко — студент-стажер философского факультета Пекинского университета, в 1959–1961 гг. завершает полный курс по специальности "философ-историк" китайской философии в Фунданском университете (Шанхай).

За годы, проведенные в Китае, М.Л.Титаренко в совершенстве овладел языком, узнал и полюбил эту страну, ее народ, установил сохранившиеся на долгие годы тесные связи со многими своими преподавателями и коллегами-студентами. С 1961 по 1965 гг. М.Л.Титаренко находился на дипломатической работе в Китае, сначала в советском генконсульстве в Шанхае, а затем в Посольстве СССР в КНР. С 1965 г. его знание страны было востребовано на ответственной работе в ЦК КПСС, где одним из основных направлений его деятельности стало поддержание контактов с отечественными центрами изучения Китая.

Находясь на государственной службе, М.Л.Титаренко целеустремленно продолжает заниматься наукой. В 1965 г. он защищает кандидатскую диссертацию, посвященную изучению одной из философских школ древнего Китая —

школе Мо Ди. Расширенный вариант исследования был издан в 1985 г., а в 1996 г. вышел его перевод на английский язык. В конце 1960-х гг. по инициативе М.Л.Титаренко в 1-й том "Антологии мировой философии" был включен раздел "Китайская философия", в котором он выступал составителем и автором переводов и комментариев. В начале 1970-х гг. при его непосредственном участии, в сотрудничестве с рядом отечественных специалистов вышли в свет два тома переводов трудов древних китайских философов.

Одновременно М.Л.Титаренко активно занимается исследованием современных теоретико-политических концепций и актуальных проблем Китая. В 1960-70-е гг. выходит ряд его статей и книг на эти темы. В 1979 г. он защищает докторскую диссертацию, посвященную идейно-политической ситуации в КПК накануне и в период "культурной революции" в Китае.

С назначением в 1985 г. директором Института Дальнего Востока АН СССР (ныне ИДВ РАН) начался новый период научной деятельности М.Л.Титаренко, раскрылись его способности как организатора науки. В той сложной обстановке, в которой оказались наша страна и наука в начале 1990-х годов, М.Л.Титаренко провел перестройку структуры ИДВ, обеспечившую концентрацию сил на ряде актуальных направлений, привлек в институт новые кадры ученых и практиков, научную молодежь. Это позволило сохранить и укрепить роль ИДВ как центра комплексного изучения Дальнего Востока.

Задачи, стоящие перед ИДВ, расширили круг изучаемых М.Л.Титаренко проблем. Со свойственной ему широтой интересов он активно включился (не только как администратор, но и как генератор идей и их разработчик) во многие программы, осуществлявшиеся в институте на протяжении почти двадцатилетнего периода его пребывания на посту директора.

При сохранении прежнего "тяготения" к теоретико-философской проблематике тематика его трудов становится все более разнообразной. Выпущенный к 70-летию М.Л.Титаренко библиографический указатель "Труды и годы", в котором описаны свыше 200 научных публикаций юбиляра, не смог, по понятным причинам, вместить подготовленные зачастую при непосредственном его участии многочисленные разработки и рекомендации по широкому спектру отношений России с КНР и другими странами АТР, проблемам российского Дальнего Востока, которые направлялись в Администрацию Президента РФ и другие правительственные структуры и получали там, как правило, позитивные отклики. О разнообразии тематики исследований и о некоторых "сквозных идеях", разрабатывавшихся М.Л.Титаренко, дает представление серия его монографий, вышедших в свет за последнее десятилетие: "Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений" (М., 1994), "Россия лицом к Азии" (М., 1998), "Китай: цивилизация и реформы" (М., 1999), "Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор" (М., 2003). Последняя занимает особое место, ибо взгляды автора на роль этого вектора в обеспечении национальных интересов России выражены в ней в наиболее полном виде.

В книге обосновывается "программный" тезис автора: решение проблем российского Дальнего Востока в опоре на сотрудничество, на "соразвитие" со странами Восточной Азии имеет и региональное и общенациональное значение. М.Л.Титаренко вновь подчеркивает высказанную в прежних его трудах мысль о том, что в политике России азиатско-тихоокеанский и евро-атлантический векторы должны быть равноценны, ибо без этого страна будет обречена на увеличение разрыва между западной и восточной частями со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, и раскрывает в этой связи перспективы интеграции России в региональные и субрегиональные организации АТР, а также значение двусторонних связей с нашими ближайшими соседями на Дальнем Востоке, в особенности с Китаем.

Анализируя реальное состояние и перспективы отношений России с различными странами АТР, автор постоянно подчеркивает, что наряду с учетом политических, экономических и военных факторов для построения отношений добрососедства и “соразвития” в этом регионе, необходимо понимание и налаживание межцивилизационных отношений. В этой связи он считает весьма важным учет и использование в практике международных отношений в этом регионе принципов разрабатываемой им концепции “нового евразийства”, суть которого по-новому раскрывается в работах М.Л.Титаренко как диалог культур и дружеское сотрудничество.

Следует особо отметить роль М.Л.Титаренко в развитии международных и научных связей ИДВ. Возглавляемые им делегации участвовали практически во всех важнейших международных научных форумах по проблемам АТР, где пропагандировали и отстаивали позиции Института. Во многом благодаря личному авторитету и контактам М.Л.Титаренко ИДВ установил прочные связи с крупнейшими научными центрами и университетами большинства стран Восточной Азии, США, Западной Европы, что значительно укрепило позиции Института в международном сообществе.

М.Л.Титаренко ведет большую общественную деятельность. Он — член Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ по вопросам международной безопасности и Научного Совета Безопасности РФ, Экспертного совета по международным вопросам при председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Совета неправительственных организаций при председателе Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Исполкома российской части Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, Президиума Российско-японского комитета (Комитет XXI века), председатель Общества российско-китайской дружбы.

Деятельность и труды М.Л.Титаренко получили заслуженное признание. В 1997 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 2003 г. — действительным членом Российской академии наук. Он — почетный доктор и профессор, член международных научных советов ряда авторитетных научных учреждений КНР и Республики Корея. В 2000 г. М.Л.Титаренко стал лауреатом премии РАН им. Е.В.Тарле.

М.Л.Титаренко награжден двумя орденами “Знак Почета”, орденом Почета РФ (1999 г.), многими медалями, грамотами Президиума РАН и Совета Федерации Федерального Собрания РФ, наградами ряда зарубежных стран.

Обобщенная оценка научной и общественной деятельности академика М.Л.Титаренко содержится в приветственной телеграмме на его имя, поступившей в день юбилея от Президента РФ В.В.Путина, в приветствии юбиляру от Президента РАН Ю.С.Осипова и Президиума Российской академии наук.

Поздравительная телеграмма Президента Российской Федерации

Уважаемый Михаил Леонтьевич!

Поздравляю Вас с 70-летием. Выдающийся ученый-востоковед, Вы обладаете поистине уникальными знаниями и опытом, пользуетесь заслуженным авторитетом в нашей стране и за рубежом. Большого уважения заслуживает широта Ваших научных интересов — от истории и философии Китая до проблем экономической глобализации и межкультурного диалога. Под Вашим руководством Институт Дальнего Востока РАН вносит заметный вклад в решение важных проблем международных отношений, в развитие многоплановых контактов России и государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

Желаю Вам дальнейших успехов, доброго здоровья и благополучия.

В.Путин

Поздравительная телеграмма Президента РАН

Глубокоуважаемый Михаил Леонтьевич!

Сердечно поздравляю Вас с днем рождения. Выдающийся ученый и видный организатор науки, общественный деятель, крупный специалист в области философии, истории, политики и актуальных проблем Китая, с Вашим именем связано изучение международных отношений в Азии и Евразии, развитие связей России с ее дальневосточными соседями, создание школы высококвалифицированных ученых-востоковедов.

Ваши незаурядные способности всегда позволяли безошибочно определять прогрессивные направления развития гуманитарной науки. Примите, дорогой Михаил Леонтьевич, мои самые теплые и искренние пожелания доброго здоровья, счастья, благополучия и новых успехов в Вашей деятельности на благо науки и Отечества.

С искренним уважением,

Президент Российской Академии наук, академик

Ю.Осипов

Поздравление Президиума РАН

Глубокоуважаемый Михаил Леонтьевич!

Президиум Российской академии наук с самыми искренними чувствами поздравляет Вас со славным 70-летием!

Вы — крупнейший отечественный ученый в области китаеведения, международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вы внесли большой вклад в изучение проблем обеспечения интересов и безопасности России на Дальнем Востоке, отношений Российской Федерации с Китаем, Японией и двумя корейскими государствами, межкультурных взаимодействий в Северо-Восточной Азии, новейшей истории Китая. Под Вашим руководством и при активном участии осуществляется ряд проектов, имеющих большое значение для развития отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Заслуживает уважения Ваш вклад в разработку такого важного направления исследований как анализ экономических, политических и социальных интересов, экономических возможностей и приоритетов партнеров России в дальневосточном регионе — Китая, Японии, Республики Корея, КНДР, в разработку модели включения Сибири и российского Дальнего Востока в систему мирохозяйственных связей и принципов ее реализации.

Ваши многочисленные труды получили заслуженное широкое признание на Родине и за рубежом. Вы подготовили и опубликовали свыше 200 научных работ, которые изданы не только в России, но также и в Китае, Японии, Республике Корея, США, Франции, Великобритании и других странах.

Под Вашим руководством Институт Дальнего Востока РАН является головным научным учреждением РАН по изучению вопросов участия России в Форуме Азиатско-тихоокеанского сотрудничества и набирающей силу Шанхайской организации сотрудничества.

Вы активно участвуете в налаживании международных научных контактов РАН с научными сообществами Китая, Вьетнама, Южной Кореи, Японии, США, Германии. Вы — заместитель председателя Комиссии Президиума РАН по сотрудничеству с Академией общественных наук Китая, сопредседатель российско-вьетнамской Комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, член Европейской ассоциации китаеведов, ряда международных научных советов, член Президиума Российского национального комитета Тихоокеанского экономического сотрудничества. Ряд зарубежных университетов избрали Вас своим Почетным доктором или профессором.

Ваши заслуги отмечены многими орденами, медалями, премиями.

Дорогой Михаил Леонтьевич! В день Вашего славного юбилея примите пожелания крепкого здоровья, присущего Вам оптимизма, новых творческих успехов и счастья Вам и Вашим близким.

Президент РАН, академик
Главный Ученый секретарь, академик

Ю.Осипов
В.Костюк

Академика М.Л.Титаренко также поздравили с юбилеем вице-президент РАН, академик А.Д.Некипелов, руководство Отделения общественных наук РАН и многие академики. Поступили поздравления от руководства и коллективов институтов Отделений общественных и историко-филологических наук РАН, региональных отделений Академии, от руководителей и коллективов крупнейших востоковедческих научных и вузовских центров России и стран СНГ. Получены многочисленные приветствия и поздравления от давних зарубежных партнеров ИДВ — видных ученых и руководителей научных и учебных учреждений КНР, Японии, Вьетнама, Республики Корея, ФРГ, США, Франции.

Поступили также поздравления от председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ М.В.Маргелова, руководителей ряда комитетов Государственной Думы, губернатора Иркутской области Б.А.Говорина, губернатора Хабаровского края В.И.Ишаева; от руководства ФСБ и Службы внешней разведки РФ; от коллектива востоковедов МИД РФ, Чрезвычайных и полномочных послов и сотрудников посольств РФ в Китае, Вьетнаме, Японии, КНДР; от Исполнительного секретаря Шанхайской организации сотрудничества Чжан Дэгуана; от Председателя китайской части Китайско-российского комитета мира, дружбы и развития Ли Гуйсяня; от Председателя Китайского народного общества дружбы с заграницей, председателя Общества китайско-российской дружбы Чэнь Хаосу; от аккредитованных в РФ послов КНР, Японии, Вьетнама и Индии и целого ряда других российских и зарубежных государственных и общественных учреждений, организаций и частных лиц.

Коллектив Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала "Проблемы Дальнего Востока" присоединяются к поздравлениям юбиляру и желают ему крепкого здоровья, счастья, долгих лет плодотворной работы на благо отечественной науки.

* * *

Своеобразным подарком М.Л.Титаренко стал изданный к юбилею объемистый том "Китай в диалоге цивилизаций" — сборник, включающий более 80 статей и эссе о различных аспектах жизни прошлого и современного Китая, специально подготовленных "коллегами по цеху" — известными отечественными и зарубежными китаеведами.

Потапов Владимир Иванович 1930—2004

Российское Китаеведение понесло тяжелую утрату.

6 мая 2004 г. на 75-м году жизни от нас ушел наш коллега и друг, долгое время проработавший в нашем Институте кандидат экономических наук, один из ведущих специалистов по экономике Китая Владимир Иванович Потапов.

В.И.Потапов родился 25 февраля 1930 г. в г. Дрезна Орехово-Зуевского района Московской области.

После окончания в 1954 г. Института внешней торговли МВТ СССР некоторое время проработал на практической работе в КНР — экономистом в/к “Автовнештранс” в г. Кашгар в 1954-1955 гг., старшим экономистом торгпредства СССР в КНР с 1955 по 1957 гг., а также спецкором НИКИ МВТ СССР и старшим экономистом Торгпредства СССР в КНР с 1962 по 1966 гг.,

В науку он пришел в 1957 г., когда после окончания работы в КНР стал младшим научным сотрудником, а затем старшим экономистом Отдела стран народной демократии Азии НИКИ МВТ СССР. После окончания работы в Торгпредстве СССР в КНР в 1967 г. Владимир Иванович Потапов пришел на работу в только что созданный Институт Дальнего Востока АН СССР, где используя свой огромный практический опыт работы в Китае написал диссертацию по проблемам сельского хозяйства Китая и стал кандидатом экономических наук.

За время работы в Институте Владимир Иванович проявил себя не только как ученый-китаевед, специализирующийся по проблемам экономики Китая, но и как организатор научной деятельности в Институте. В 1970-1972 гг. он возглавлял сектор сельского хозяйства, с 1972 по 1986 гг. был заместителем директора Института, с 1986 г. до ухода из Института в 1998 г. возглавлял подразделение по подготовке к изданию научных и оперативных материалов, был старшим научным сотрудником, членом Ученого совета ИДВ РАН. При его непосредственном участии было подготовлено и сдано в издательства немало книг, выпущенных в Институте Дальнего Востока, включая ряд ежегодников “Китайская Народная Республика”.

Видный ученый, на редкость доброжелательный и отзывчивый человек, патриот и гражданин, Владимир Иванович пользовался всеобщим уважением и авторитетом в коллективе ИДВ РАН, среди российских и зарубежных китаеведов. Его труды отмечены правительственными наградами, в том числе орденом Знак Почета (1981).

Светлая память о Владимире Ивановиче Потапове навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег.

*Дирекция, профсоюзный комитет ИДВ РАН.
Редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”*

Морозов Сергей Николаевич
7.05.1934 г. — 12.03.2004 г.

После тяжелой болезни скончался Сергей Николаевич Морозов, работавший в 2000-2003 годах первым заместителем главного редактора журнала "Проблемы Дальнего Востока" и одновременно ведущим сотрудником Института Дальнего Востока.

Сергей Николаевич родился в Москве в семье служащих. Учился на китайском отделении Московского института востоковедения, а с 1954 г. — в МГИМО МИД СССР, который окончил в 1957 г. С тех пор его жизнь и работа были постоянно связаны с журналистской, научной и политической работой по Китаю.

После нескольких лет работы редактором Издательства международных отношений и Совинформбюро, в том числе в 1958-1960 гг. в его представительстве в Пекине, С.Н.Морозов поступил в 1961 г. в аспирантуру Института народов Азии АН СССР, где защитил диссертацию на соискание ученого звания кандидата исторических наук, и вел научную работу. В 1967 г. он перешел в Институт международного рабочего движения АН СССР, где до 1972 г. работал сначала старшим научным сотрудником, а затем — заведовал сектором.

С 1972 г. по 1989 г. Сергей Николаевич работал в аппарате ЦК КПСС, где занимался вопросами международной пропаганды, вопросами нашей пропаганды о событиях в Китае и других странах АТР, пропаганды, рассчитанной на эти страны.

С 1989 г. и до начала 2000 г., т.е. более 10 лет С.Н.Морозов был главным редактором газеты "За рубежом" — одного из самых известных и популярных отечественных изданий по вопросам внешней политики нашей страны, внешней и внутренней политики зарубежных стран. В этой работе в полной мере проявились его широкая эрудиция и обширные знания.

В 2000 г. Сергей Николаевич перешел на работу в редакцию журнала "Проблемы Дальнего Востока" на должность первого заместителя главного редактора.

Сергей Николаевич опубликовал три монографии и несколько десятков статей и рецензий в ведущих общественно-политических газетах и журналах, таких как "Известия", "Новое время", в научных журналах АН СССР и РАН.

Он был членом Союзов журналистов Москвы и России, был награжден орденом "Дружбы народов", Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, несколькими медалями.

Все, с кем трудился Сергей Николаевич, отмечают его широкие знания, трудолюбие, ответственность за выполняемое дело, а также его требовательность, неизменно сочетающуюся с доброжелательностью и готовностью прийти на помощь коллегам, его трогательную заботу о семье.

Светлая память о нашем друге и коллеге навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция ИДВ РАН, друзья и коллеги по работе.
Редакция и редколлегия журнала
"Проблемы Дальнего Востока"*

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 15.04.2004 г. Подписано к печати 18.05.2004 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 15,2 тыс. Уч.-изд. л. 14,6. Бум. л. 6,0
Тираж 958 экз. Зак. 8318

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2004 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.